

История Общество Политика 2021 №1(17)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 1(17)
2021

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2021. №1 (17)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 31.03.2021

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАО, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2021
© Коллектив авторов, 2021

HISTORY SOCIETY POLICY

N 1 (17)
2021

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2021. №1 (17)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 31/03/2021

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, Department of general history and, international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after academic I. Petrovskii, 2021

© Authors, 2021

Содержание

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Прилуцкий В.В.</i> Хедрикиты: особенности вероучения и основные этапы истории Церкви Христа (Храмовый участок)	6
<i>Яненко Е.М.</i> Влияние христианства на развитие Артуровских легенд в рыцарской литературе Средневековья	27

ДРЕВНОСТИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кондорский Б.М.</i> Проблема русов и концепция ойкумены в древней Руси	35
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Стародубцев Г.Ю.</i> «Особый взгляд» на археологию и археологов (или почему в жертву Апате и Лиссе приносится Афина)	46
<i>Новикова А.Е.</i> Главная загадка Смуты: тайна личности Самозванца	57
<i>Рылов В.Ю.</i> Сумбур вместо дискуссии. Критические замечания на рецензию Е.А. Шендрикова	73

РЕЦЕНЗИИ

<i>Артамошин С.В.</i> Великий канцлер германской истории (размышления о книге : Власов Н.А. Бисмарк. «Железный канцлер». – М., Яуза-каталог, Якорь, 2018. – 432 с.)	79
<i>Румша А.И.</i> Альберт Айбель в тених немецкого леса	83
<i>Чубур А.А.</i> Рецензия на монографию: Разгильдеева Ирина Иннокентьевна. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. – Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. – 208 с. ISBN 978-5-9293-2257-0	88

О СЕТЕВОМ ИЗДАНИИ «ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА»	94
--	-----------

Культурная история

УДК 94(73)"1852/2020"+289.3

В. В. Прилуцкий

ХЕДРИКИТЫ: ОСОБЕННОСТИ ВЕРОУЧЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ХРИСТА (ХРАМОВЫЙ УЧАСТОК)

Аннотация: в статье рассмотрены религиозные представления и основные периоды в истории движения хедрикитов – одного из направлений в мормонизме. Главными идеями хедрикитов являлись: стремление восстановить учения и практики, существовавшие в ранний период истории Святых последних дней, и возведение Храма на участке, который приобрели в начале 1830-х гг. сподвижники пророка Джозефа Смита-младшего в штате Миссури. Возведение Храма рассматривалось как начало строительства города Новый Иерусалим или Сион в преддверии последних дней мира. Эти события связывались со скорым вторым пришествием Иисуса Христа, которое, согласно предсказанию первого мормонского пророка, должно было состояться в Америке. В отечественной научной литературе тема остается практически неисследованной.

Ключевые слова: религиозная история США, движение Святых последних дней, мормоны, хедрикиты, история Церкви Христа (Храмовый участок).

Prilutskiy V.V.

Hedrickites: features of the doctrine and the main stages in the history of the Church of Christ (Temple Lot)

Abstract: the article deals with religious beliefs and the main periods in the history of the Hedrikite movement – one of the trends in Mormonism. The main ideas of Hedrickites were: the effort to restore the teachings and practices of the early Latter Day Saints and the construction of the Temple on a site that was acquired in the early 1830s by the associates of the Prophet Joseph Smith Jr. in Missouri. The construction of the Temple was seen as the beginning of the construction of the city of New Jerusalem or Zion in anticipation of the last days of peace. These events were associated with the imminent second coming of Jesus Christ, which, according to the prediction of the first Mormon prophet, was to take place in America. In the Russian scientific literature, the topic remains virtually unexplored.

Keywords: religious history of the USA, the Latter Day Saint movement, Mormons, Hedrickites, history of the Church of Christ (Temple Lot).

Хедрикиты (Hedrickites, Church of Christ (Temple Lot, TL), Церковь Христа (Храмовый участок)) – одна из групп мормонов, сформировавшаяся в 1850–1860-е гг. на современном Среднем Западе (в Иллинойсе и Миссури). Хедрикитская церковь всегда в течение более чем 160-летней истории своего существования отличалась немногочисленностью. Но она продемонстрировала поразительную устойчивость и выживаемость, в отличие от иных распавшихся и исчезнувших за это время мормонских сект и течений. Религиозная группа хедрикитов, как и другие ветви мормонизма, в XIX в. развивалась в области колонизации территорий Запада – на американской окраине, известной также как «фронтир», т.е. «граница», «пограничье». Хедрикиты являлись частью американского религиозного движения реставрации (т.е. восстановления единой истинной новозаветной апостольской церкви в подлинном, «правильном», аутентичном виде, возрождения первоначального христианства, к которому стремились ранние мормоны). Религиоведы часто относят их к парахристианству или маргинальному христианству, выросшему из англо-американского протестантизма нового времени.

В истории Хедрикитской церкви можно выделить следующие этапы: 1) зарождение религиозного движения (1852-1867 гг.); 2) приобретение Храмового участка, переселение в г. Индипенденс (штат Миссури) и постройка на участке первого молельного дома (1867-1891 гг.); 3) судебный конфликт с джозефитами из-за Храмового участка и усилия по восстановлению разрушенного церковного здания (1891-1900 гг.); 4) сотрудничество с Реорганизованной

Церковью Святых последних дней и значимый численный рост общины (1900-1925/1926 гг.); 5) неудачные попытки возведения Храма и серьезные расколы в рядах хедрикитов (1929-1946 гг.); 6) современный период (с 1946 г.), связанный с отказом от немедленного возведения Храма, активной миссионерской деятельностью в разных странах мира и превращением религиозной организации в международную церковь.

Основателем и первым лидером «Церкви Христа» являлся Гренвилл Хедрик (1814-1881), проживавший в Иллинойсе и ставший мормоном еще в 1843 г., в эпоху первого пророка Святых последних дней Джозефа Смита-младшего (1805-1844). Некоторое время Хедрик находился под влиянием отколовшихся после трагической гибели Джозефа Смита от мормонской церкви движений гладденитов и джозефитов. В конечном итоге он решил идти своим духовным путем. Хедрик оказался не только признанным авторитетным и влиятельным человеком среди единомышленников, но и теоретиком и идеологом, вступившим в дискуссию с мормонами Юты. В 1856 г. он опубликовал полемическое сочинение «Ложность системы духовных жен и истинный порядок церковной дисциплины». В ней Хедрик, опираясь на Книгу Мормона и Библию, доказывал «ошибочность» и преступный характер «учений и практик» мормонов Юты. Так, абсолютно неверными являются их идеи о возвышении людей до уровня богов и ангелов, представления о боге Адаме, о «вечном браке», о небесном целестиальном царстве и иные «ложные доктрины». Церковь Иисуса Христа Святых последних дней находится в «ужасном отступничестве» с 1843 г., когда Джозеф Смит провозгласил необходимость многоженства. Многобрачие сторонников второго мормонского пророка Бригама Янга (1801-1877), обосновавшихся на американском Западе, является «тяжким преступлением», «беззаконием» и, несомненно, исходит от дьявола.

После раскола движения Святых последних дней в 1844 г. в сельских районах современного Среднего Запада сохранились 5 независимых общин (приходов). Они находились в Иллинойсе в поселениях Кроу-Крик, Блумингтон, Хаф-Мун-Прери, Игл-Крик, а также в округе Вермилион в Индиане. Неприсоединившиеся ни к одной из мормонских сект общины настаивали на продолжении исповедания «изначального учения Церкви Христа». Первая встреча новой группы состоялась зимой 1852 г. в доме Хедрика. С этого времени подобные молитвенные собрания и конференции начали проводиться более или менее регулярно. Сторонниками Хедрика стали старые члены мормонской церкви, некоторые из которых были крещены в первые годы реставрационизма. Считалось, что они получили свою власть как священники «непосредственно от Иисуса Христа через Джозефа Смита-младшего». Видную роль в создании Хедрикитской церкви сыграл Джон Эдвард Пейдж (Пэйдж) (1799-1867), один из активных деятелей и знаменитых руководителей Святых последних дней эпохи Джозефа Смита. Он поддержал хедрикитов в 1857 г., а в 1862 г. официально примкнул к новой общине. На церковной конференции 17 мая 1863 г. апостол Пейдж рукоположил 4 апостолов: Хедрика, Дэвида Джуди, Джедедаю Оуэна и Адну С. Холдемана. На конференции 18 июля 1863 г. Пейдж способствовал назначению Хедрика Президентом Священства, «пророком, провидцем, носителем откровений и переводчиком Церкви Христа» [14]. Таким образом, летом 1863 г. завершился длительный путь организационного оформления Хедрикитской церкви, получившей впоследствии известность как «Церковь Христа (Храмовый участок)».

Доктрина новой религиозной группы основывалась на Библии короля Якова (англоязычное издание 1611 г., выполненное под патронажем короля Англии и Шотландии Якова I), Книге Мормона (переведенной Джозефом Смитом-младшим из «измененного египетского языка» в 1827-1829 гг.), а также на ранних откровениях первого мормонского пророка – «Книге Заповедей» (1833 г.) и «Учении и Заветах» (1835 г.). Хедрик объявил Джозефа Смита лжепророком и осудил многие его учения и практики. Хедрикиты отвергли ключевые учения Смита о множестве богов и необходимости полигамии, представление о боге Адаме, а также

институт пророков и первосвященников в Церкви. Хедрикиты отрицали сформулированную пророком Святых Б. Янгом доктрину бога Адама (Adam-God doctrine), получившую распространение среди мормонов Юты в середине XIX – начале XX вв. Согласно этой теории, Адам когда-то был смертным человеком, который воскрес и возвысился. Впоследствии он прибыл с другой планеты как архангел Михаил, чтобы совместно с другими богами – Иеговой и Элохимом сотворить Землю. Затем Адаму было дано физическое тело и супруга Ева. Они стали смертными, съев запретный плод в Эдемском саду. После рождения смертных детей и создания человеческого рода Адам и Ева вернулись на свои «небесные престолы», где Адам служит как Бог и является Небесным Отцом человечества. Позднее Адам вернулся на Землю к древним пророкам и стал отцом Иисуса Христа. Современные мормоны-бригамиты не видят в Адаме Бога-Отца, но считают его «Ветхим днями» («Ветхим ден(ь)ми») из ветхозаветной «Книги пророка Даниила», «отцом всего» и архангелом Михаилом [3; 5].

Храмовый участок является сакральной землей не только для хедрикитов, но и для других групп Святых последних дней. Летом 1831 г. пророк Джозеф Смит посвятил земельный участок площадью 63,5 акра (25,7 га) в штате Миссури на территории будущего г. Индепенденс (округ Джексон). Это было «центральное место», где должно было произойти второе пришествие Христа. В преддверии этого события на данной «святой земле» необходимо было возвести Храм последних дней и основать город Сион или Новый Иерусалим. Однако мормоны не сумели осуществить строительство, поскольку в конце 1833 г. были изгнаны из округа Джексон, а в конце 1838 – начале 1839 гг. вынужденно бежали из штата Миссури и переселились в Иллинойс. Любопытно, что первым мормонским культовым сооружением, построенным на территории Храмового участка, был дом епископа Эдварда Партриджа (1793-1840). Здание служило школой, домом для молитвенных собраний по воскресеньям и конференц-центром. Оно было сожжено и разграблено вместе с более 200 домами, принадлежавшими Святым последних дней, 5 ноября 1833 г., во время нападения толпы местных антимормонов [13]. С тех пор Храмовый участок пустовал.

Таблица 1. Сравнение верований и практики мормонских церквей

Религиозные учения и практики	Церковь Христа, Мормоны Храмового участка	Святые последних дней (СПД, LDS, основная линия мормонов)	Реформированные (реорганизованные) Святые последних дней (РЦИХСПД, RLDS, «Сообщество Христа»)
Первое Президентство	Нет	Да	Да
Первосвященники	Нет	Да	Да
Патриархи	Нет	Да	Да
12 апостолов во главе Церкви	Да	Нет	Нет
Пророк во главе Церкви	Нет	Да	Да
Пророки	да	да	да
Неизменное название Церкви с 1830 г.	Да	Нет	Нет

Библия	Да	Да	Да
Книга Мормона	Да	Да	Да
Книга Заповедей	Да(*)	Нет	Нет
Учение и Заветы	Да(*)	Да	Да
Драгоценная Жемчужина	Нет	Да	Нет
Крещение погружением	Да	Да	Да
Крещение за мертвых	Нет	Да	Нет
Небесный брак	Нет	Да	Нет
Многоженство	Нет	Да (+)	Нет (#)
Человек становится Богом	Нет	Да	Нет
Бог когда-то был человеком	Нет	Да	Нет
Храм в Сионе (Индепенденс, Миссури)	Да	Да	Да
Другие храмы (кроме Иерусалима)	Нет	Да	Киртланд, Огайо

Примечания к таблице.

«Церковь Христа – это остаток первоначальной Церкви 1830 г., которая не была ни дезорганизована, ни реорганизована. Ее священство в неизменном виде восходит к Джозефу Смит и ангелу (Моронию). Нововведения ранней Церкви принимались какое-то время, но позже мы отвергли их, вернувшись к библейскому образцу в организации и доктрине. Поскольку сказано, что Библия и Книга Мормона содержат полноту Евангелия, полнота не допускает ни нового учения, ни чина (высшего) священства (См.: У. и З. 42:12, 59 (издание Юты); 42:5, 16 (издание RLDS))».

(*) Джозеф Смит получил некоторые откровения, но не все они были от Бога. Им нужно искать соответствие в Библии и Книге Мормона, единственных источников истинной веры (см.: Исаия 8:20 и Иезекииль 37:19).

(+) «Учение и Заветы» (У. и З.), составлявшиеся в штате Юта, предусматривали необходимость полигамии. Но впоследствии эта практика была объявлена незаконной президентом Бригамитской церкви Уилфордом Вудраффом-старшим (1807-1898) в откровении, полученном от Иисуса Христа в ночь на 23 сентября 1890 г.

(#) В 2000-е гг. многоженцы в Индии были приняты в общины без необходимости изменения семейного статуса [16; 18, р. 4].

16 августа 1863 г. Г. Хедрик получил откровение, в котором было указано, что те, кто был рассеян из-за их «беззакония», должны начать собираться обратно в Миссури: «...Я, Господь, открою вам ваш долг и приготовление к вашим братьям. Где бы вы ни были – вы обязаны трудиться предо мной в вашем долге и призвании – так говорит Господь. Аминь» [15, р. 122; 19, р. 5-6]. 24 апреля 1864 г. Хедрику было дано еще одно откровение от Бога. В нем было указано, что к 1867 г. условия в Миссури настолько изменятся, что Святые последних дней смогут начать спокойно и беспрепятственно возвращаться в тот штат, из которого они были изгнаны толпой в 1830-е гг. Это означало, что отношение миссурийцев к Святым настолько смягчилось, что теперь они могли вернуться и жить в мире, пользуясь своими правами граждан и соседей. В тексте откровения содержались следующие призывы: «Слушайте, о, вы, люди, и внимайте совету вашего Господа и Спасителя Иисуса Христа, вы, которые названы Моим именем и соблюдают Мои заповеди, вы, которые стремились узнать Мою волю относительно Моего народа, которые провозглашали имя Мое и вступили в новый и вечный завет, чтобы соблюдать все учения и заповеди единственного истинного и живого Бога; слушайте то, что открывается вам силой Святого Духа; готовьтесь, о, вы, люди, к тому, чтобы собраться вместе на

освященной земле, которую Я назначил и освятил через Моего слугу Джозефа Смита и первых церковных старейшин в округе Джексон, штат Миссури, для собирания вместе Моих Святых, чтобы они могли быть сконцентрированы в день моей карающей руки, когда ваш Господь изольет гнев и негодование на нечестивых. И поскольку Моя Церковь и Мой народ были изгнаны и рассеяны, поэтому примите совет от Меня, вашего Господа и руководителя, кто говорит вам: приготовьтесь к назначенному времени, которое Я установил для вас, чтобы вы могли вернуться в 1867 г. от Рождества Христова, в то время, которое Господь, по вашим молитвам и верности во всем, откроет и подготовит путь для вас, чтобы вы могли начать собираться...» [15, р. 123; 19, р. 4].

В 1867 г. в соответствии с откровениями Хедрика его последователи вернулись в округ Джексон. Хедрикиты в 1867-1874 гг. приобрели 8 небольших земельных участков общей площадью 2,5 акра (1 га). К 1877 г. их доверительным управляющим от имени Церкви Христа стал Хедрик. С тех пор и до настоящего времени Храмовый участок находится в собственности Хедрикитской церкви. В 1872 г. в связи с новым откровением Хедрика возникла идея возведения Храма на Храмовом участке, но из-за отсутствия средств она так и не была реализована. Однако 7 апреля 1884 г. хедрикиты начали строить на приобретенной земле небольшой молитвенный дом и завершили в основном эту работу летом 1887 г. Но к несчастью 5 сентября 1898 г. отлученный от Реорганизованной церкви и незадолго до этого крещеный хедрикитами, психически больной 46-летний У.Д.К. Паттисон из Бостона сжег маленькую церковь. Ранее он требовал передачи ему права собственности на Храмовый участок, поскольку объявил себя «одним могучим и сильным» из пророчества Джозефа Смита 1832 г. («...Я, Господь Бог, пошлю одного могучего и сильного, держащего жезл власти в руке своей, облаченного в свет, как в одежды, чьи уста изрекут слова – вечные слова; в то время как чрево его будет источником истины, дабы привести в порядок дом Божий и распределить участками наследия Святых, чьи имена, как и имена их отцов и их детей, будут внесены в книгу закона Божьего; ... человек этот, который был призван и назначен Богом, и простирает руку свою, чтобы поддерживать ковчег Божий...») [7]. В том же году на месте сожженного строения началось возведение нового большого здания, которое рассматривалось как прелюдия к строительству полноценного Храма. Новый дом собраний – штаб-квартира хедрикитов был построен в 1905 г.

В конце XIX в. представители различных групп мормонов также начали постепенно возвращаться в штат Миссури. Они поселились в г. Индепенденс. В настоящее время к ним относятся: Сообщество Христа (ранее Реорганизованная Церковь Иисуса Христа Святых последних дней), Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (бригамиты), Церковь Иисуса Христа (катлериты) и «Ветви Восстановления» – независимые группы джозефитов (включая Церковь Остатка, возникшую в 1999-2000 гг., отделившуюся от остального реставрационистского движения). У других ветвей мормонизма были свои планы на Храмовый участок. Так, в 1870-е гг. Ютская Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (бригамиты) инициировала судебные разбирательства с Реорганизованной Церковью Иисуса Христа Святых последних дней (джозефитами), прося суд лишить последнюю прав собственности на часть принадлежавших ей земель, движимого имущества и передать эту собственность ей во владение. Бригамиты обосновывали свои притязания тем, что они якобы являлись единственной изначальной мормонской церковью, основанной в 1830 г., а джозефиты позднее узурпировали ее имущественные права. Но судебные органы отклонили подобные претензии. В 1880 г. суд штата Огайо признал Реорганизованную (Джозефитскую) церковь законным владельцем собственности Джозефа Смита и ранних мормонов, которая включала Киртландский Храм и Храмовый участок. Реорганизованная церковь приобрела Большой храмовый участок земли площадью 63 акра на законных (юридических) основаниях. Но верующие, принадлежавшие к группе хедри-

китов, были убеждены, что вся полнота ответственности за строительство возложена исключительно только на них.

9 июня 1887 г. Джозефитская церковь (RLDS) предъявила претензии на весь Большой храмовый участок, включая территорию, принадлежавшую хедрикитам. 11 июня 1887 г. джозефиты направили письменное уведомление Церкви Христа, требуя «прекратить» осуществление какого-либо строительства на спорном участке. С 1880-х гг. хедрикиты начали сотрудничество с бригамитами, проповедовали в Юте, и даже получали с их помощью заемные средства на судебные разбирательства с Реорганизованной церковью. В августе 1891 г. джозефиты подали иск в окружной суд в Канзас-Сити (штат Миссури) на церковь «Храмовый участок», оспаривая ее право собственности на землю, и выиграли дело в марте 1894 г. Но в январе 1896 г. федеральный апелляционный суд отменил это решение. Запутанный судебный процесс, продолжавшийся 4,5 года, получил известность как «Дело о Храме». Победа в суде вдохновила хедрикитов, но все же среди них утвердилось представление о том, что храмовая земля «принадлежит Господу Всемогущему», а Церковь Христа является лишь ее «хранителями» или временными пользователями. Хедрикиты вскоре выдвинули («по вдохновению свыше») идею объединения всех фракций Святых последних дней. Целью этого являлось построение Храма (который, согласно мормонским Священным Писаниям, должен был «быть воздвигнут в этом поколении») и «собрание всех Святых» в Миссури. Хедрикитов в это время насчитывалось менее 100 чел., джозефитов – около 25 300 чел., бригамитов – почти 230 000 чел. [11, р. 77]

В январе 1900 г. состоялась встреча руководителей Церкви Христа с членами Первого Президентства Реорганизованной церкви в г. Ламони (штат Айова). С джозефитами началось активное сотрудничество, которое в дальнейшем привело даже к временному фактическому объединению двух церквей. Но визит в Юту в феврале 1900 г. и встреча в г. Солт-Лейк-Сити с Первым Президентством Церкви Иисуса Христа Святых последних дней закончились безуспешно. В течение 1900-1916 гг. в церковной прессе, протоколах конференций и в переписке между руководителями хедрикитов и джозефитов высказывались мысли о необходимости и важности возведения Храма в «священном месте». С 1907 г. обсуждалась проблема финансирования будущего строительства. В конце 1917 г. – начале 1918 гг. произошли ряд встреч между лидерами Церкви Христа и Реорганизованной церкви, по итогам которых между ними был заключен договор о сотрудничестве, получивший известность как «Соглашение о рабочей гармонии». Соглашение способствовало возникновению периода «добрых чувств» и «почти единства» между двумя церквями. Но в Джозефитской церкви к 1924-1925 гг. произошли важные изменения. Ее Президент-Пророк объявил о введении своего контроля над всеми церковными делами (известного как «верховный направленный контроль»), что противоречило первоначальной относительной демократии внутри религиозной общины. В результате многие недовольные джозефиты, включая даже некоторых церковных руководителей, перешли в Церковь Христа. В апреле 1926 г. конференция Реорганизованной церкви путем голосования официально отменила «Соглашение о рабочей гармонии» и объявило его «недействительным». В период с 1917 г. по 1925 г. численность Хедрикитской церкви выросла с 200 до 1 500-2 000 чел. (по другим данным – со 100 чел. до примерно 500 чел. в 1925 г., до 889 чел. в 1928 г. и до 1 232 чел. в 1929 г.) [11, р. 99]. Появились новые общины хедрикитов в штатах Миссури, Иллинойс, Индиана, Миннесота, Айдахо, Вашингтон, Калифорния, Колорадо, Айова, Род-Айленд, Мичиган [21].

В 1925-1927 гг. в Церкви Христа максимально повысился интерес к строительству Храма. Во время апрельской конференции 1926 г. Церковь Христа организовала Совет или Кворум Апостолов. Первоначально были рукоположены 7 чел. 6 из 7 новых апостолов выходцами из RLDS. Одним из них был Отто Феттинг (1871-1933), являвшийся в 1899-1925 гг. пастором и

евангелистом джозефитов. Ему вскоре предстояло сыграть решающую, противоречивую и в конечном итоге ключевую роль в будущем Церкви Христа. Утром 4 февраля 1927 г. в своем доме в г. Порт-Гурон, штат Мичиган, апостола Церкви Христа О. Феттинга посетил «воскресший ангел» Иоанн Креститель, одетый в одежду XX века. Этот факт коррелировал с описанными в Ветхом Завете событиями: «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф» (иной вариант перевода: «Я посылаю Моего вестника, чтобы он проложил путь предо Мною. Внезапно придет в Свой Храм Господин, тот, которого вы ищете, вестник договора, тот, которого вы с нетерпением ждете; вот, уже идет он! – сказал Господь Воинств») [2].

Ангел-посланник Бога советовал возобновить строительство Храма во исполнение пророчеств Джозефа Смита 1831-1832 гг. Церковь «Храмовый участок» имела долгую историю руководства через откровения и посещения ангелов, поэтому изначально была восприимчива к этим предполагаемым визитам библейского пророка. Послания Феттинга публиковались в церковном ежемесячном периодическом издании «Zion's Advocate» («Защитник Сиона»), начавшем издаваться с апреля 1921 г. и существующем в электронной форме и в наше время (до этого в 1896 г. выходил «Searchlight», т.е. «Прожектор», первая газета после 1868 г.). Всего ангел к 1929 г. передал 12 посланий, 11 из которых были встречены хедрикитами с большим энтузиазмом. В 1927 г. был создан особый Храмовый фонд и начался сбор средств на строительство. В «историческом» «Послании 5» от 22 марта 1928 г. содержалось требование начать возведение Храма на «священном месте», принадлежащем Церкви Христа, в 1929 г. Строительство Храма должно было быть завершено в течение ближайших 7 лет [10].

В субботу 6 апреля 1929 г. во время проведения ежегодной церковной конференции Церковь Христа провела впечатляющую церемонию закладки фундамента будущего Храма. В назначенное время толпа из 200-300 «верных Святых» и «любопытных посторонних» собралась примерно в 100 футах к югу от молитвенного дома. Епископ взял лопату и торжественно вырезал кусок дерна, объявив о начале земляных работ. Храмовый фонд имел в то время всего лишь 889 долларов, но этих средств хватило, чтобы провести расчистку участка и начать копать котлован для фундамента. 18 мая и 26 июня 1929 г. в ходе раскопок были обнаружены два краеугольных камня известняка, заложенных Джозефом Смитом на Храмовом участке в 1831 г. В 1929 г. апостолы Церкви Христа настойчиво запрашивали средства на строительство у всех «ветвей» «Восстановления», включая бригамитов и джозефитов, но они отказали им в финансовой помощи. Ситуацию в рядах хедрикитов осложнили дискуссии, вызванные получением от Бога Феттингом 18 июля 1929 г. «Послания 12». В нем содержалась идея «повторного крещения» всех хедрикитов (исторически эта практика была характерна для большинства мормонских деноминаций). «Повторное крещение» началось сразу же по всем общинам без апостольского совета или одобрения церковного руководства. Кроме того, в «Послании 12» также говорилось, что Феттингу были даны те же «ключи к Священству», которые получили Джозеф Смит и Оливер Каудери 15 мая 1829 г. (т.е. содержалась заявка на верховное руководство всеми хедрикитами). Специальная октябрьская (1929 г.) конференция Церкви Христа осудила практику «повторного крещения», что привело к серьезному расколу. О трети до половины членов Церкви, включая даже часть апостолов, последовали за Феттингом и создали самостоятельную религиозную организацию в конце 1929 г. Возникло мощное религиозное движение феттингитов, которое по численности и влиянию даже превзошло оставшихся в старой организации хедрикитов. Но и оно не сохранило своего единства, расколовшись на течения и распавшись на фракции. В 1932-2004 гг. возникли 8 самостоятельных церквей феттингитов.

Рис. 1. Три штаб-квартиры Церкви Христа (Храмовый участок) на пересечении улиц Ривер Стрит и Лексингтон Стрит в г. Индепенденс (Миссури). Первая: 1889-1898 гг., вторая: 1902-1990 гг., третья: 1992 г. Источник: History of the Church of Christ. In 2 volumes. – Independence, Missouri: Church of Christ (Temple Lot), 2012. P. 185.

Американская официальная государственная статистика насчитала в США 689 хедрикетов и 16 их общин (церквей) в 10 штатах по переписи 1936 г. При этом треть членов Церкви Христа проживала в штате Миссури (239 чел., 3 церкви). Значительное количество хедрикетов было в Мичигане (116 чел., 3 общины) и Миннесоте (88 чел., 2 общины). В других штатах насчитывалось по 1 общине: в Калифорнии (59 чел.), Род-Айленде (51 чел.), Аризоне (34 чел.), Висконсине (23 чел.) Северной Каролине (16 чел.), Иллинойсе (14 чел.), Вашингтоне (9 чел.) [17, р. 824–825]. Раскол в Церкви Христа привел к приостановке строительных работ на Храмовом участке. Но в апреле 1930 г. был создан специальный комитет из 3 чел. по вопросу о

строительстве и архитектором начал разрабатываться проект Храма, стоимость возведения которого оценивалась в 0,5 млн. долл. В местных газетах публиковались подлинные архитектурно-строительные чертежи будущего Храма с размерами и пояснениями. Серьезный экономический кризис в США, известный как «Великая депрессия» (1929-1939 гг.), и финансовые трудности времен Второй мировой войны (1939-1945 гг.) оказали крайне негативное воздействие на планы хедриkitов. Реально они смогли собрать за эти годы в Храмовый фонд менее 5 тыс. долл. На эти средства хедриkitы подготовили и складировали на «священном» участке пиломатериалы, щебень, песок, а также вырыли большой котлован глубиной 12 футов (3,7 м.), шириной – 90 футов (27,4 м.) и длиной – 180 футов (55 м.). В конечном итоге в апреле 1943 г. Церковь Христа постановила прекратить усилия по возведению Храма. На ежегодной апрельской конференции 1946 г. было решено при поддержке городских властей засыпать котлован и посеять на его месте траву. Таким образом, 17-летние усилия по строительству Храма оказались безрезультатными. В настоящее время у Церкви Христа нет планов строительства Храма, хотя она продолжает поддерживать Храмовый фонд. В период, последовавший за событиями 1946 г., руководство хедриkitов отнесло возведение Храма к неприоритетным задачам. Сегодня проект «Храм» не считается «основным направлением деятельности Церкви» [10].

1 января 1990 г. бывший хедриkit, недавно присоединившийся к Бригамитской церкви, поджег пустое церковное здание на Храмовом участке (впоследствии был осужден судом за это преступление). Он утверждал, что его действия были частью политического протеста и пророческим свидетельством того, что война идет в Америку. Пожар нанес значительный ущерб второму этажу здания церкви, хотя первый этаж, содержащий церковные записи и документы, остался нетронутым. 1 февраля 1990 г. уцелевшая часть здания была разрушена. Строительство современной штаб-квартиры хедриkitов началось в августе 1990 г. и вскоре было завершено. Сейчас оно является местом проведения конференций, музеем (в котором хранятся краеугольные храмовые камни-«маркеры», заложенные Джозефом Смитом в 1831 г.) и молитвенным домом местной хедриkitской общины.

Большое внимание Святые последних дней всегда придавали проповеди мормонской религии среди коренных американцев. Часть североамериканских аборигенов была обращена в новую веру еще в эпоху Джозефа Смита и Бригама Янга, но в целом эти усилия имели небольшой успех. С 1889 г. хедриkitы начали активную миссионерскую деятельность среди индейцев-«ламанийцев» (или «ламанитов» из «Книги Мормона»), о необходимости осуществления которой говорили еще ранние мормоны в 1830 г. В 1889-1896 гг. были обращены более 20 американских аборигенов и основаны небольшие общины в Канзасе и на Индейской территории [15, р. 174]. В 1929 г. развернулась проповедническая деятельность среди индейцев Оклахомы, Вашингтона, Небраски, Южной и Северной Дакоты, Монтаны, Восточной Канады, а также северо-восточных штатов США. В 1948 г. хедриkitы начали работать среди народа навахо в юго-восточных штатах (север Аризоны и Нью-Мексико). Но наиболее активные усилия были предприняты в отношении навахо только с 1988 г. [15, р. 175, 191, 236]. В 1949 г. имело место первое появление миссионеров среди чероки в Северной Каролине. В 1974 г. возобновилась полноценная миссионерская работа в резервациях этого племени [15, р. 221-222]. Небольшая община мохоков (около 25 чел.) в верхнем Нью-Йорке на границе с Канадой в 1980-1988 гг. из церкви джозефитов перешла к хедриkitам [15, р. 232-233].

В Канаде миссионерская деятельность хедриkitов развернулась в 1920-е гг. В 1928 г. в хедриkitской прессе сообщалось о функционировавшей в г. Торонто (провинция Онтарио) в течение нескольких лет общине, насчитывавшей не менее 10 чел. и имевшей собственную воскресную школу для детей верующих [23]. В 1950-1951 гг. в состав Кворума (Совета) Двенадцати Апостолов вошли два канадца (оба – из провинции Саскачеван). [15, р. 293].

Рис. 2. Члены Совета Апостолов. Фото около 1950 г.
Источник: History of the Church of Christ... Р. 294.

Рис. 3. Участники церковной конференции 1950 г. Фото.
Источник: History of the Church of Christ... Р. 186.

Рис. 4. Церковное здание хедрикетов на территории чероки. Северная Каролина.

Источник: History of the Church of Christ... P. 227.

На других континентах также создавались миссии, но не везде они приводили к позитивному результату [15, р. 239-241]. Официальная газета хедрикетов «Zion's Advocate» в июне 1926 г. сообщала об одном присоединившемся к Церкви Христа в Голландии [22]. В конце 1920-х – 1950-е гг. функционировали община и воскресная (библейская) школа в Уэльсе. Миссия в Израиле в 1958-1960 гг. оказалась неудачной и «несвоевременной» из-за «незаинтересованности» местного населения и «опасных условий» для работы. (В следующий раз хедрикиты побывали на Святой земле только спустя полвека. В феврале 2008 г. 32 члена Церкви съездили в Израиль, посетили Иерусалим и его окрестности) [15, р. 242-243, 283-284]. Неудачный характер также носила первая миссия в Западную Африку (Нигерию) одного из апостолов хедрикетов в 1959 г. Не совсем удачный характер имела и миссия на Британские острова в 1971 г. (в Шотландию и Англию), когда удалось крестить только 2 чел. и наладить их связи с уэльской общиной. В 1983 г. и 1990 г. имели место контакты представителей Церкви с заинтересованными гражданами Бельгии, Нидерландов и Западной Германии. Но в целом усилия проповедников в Европе имели скромные результаты [15, р. 242-243].

В 1950 г. в церковной прессе хедрикетов была опубликована заметка о том, что еще в начале 1940-х гг. экспедиция исследователей нашла в мексиканском штате Чьяпас затерянный древний город. В нем якобы была найдена библиотека с книгами, написанными на золотых листах. Этого было достаточно, чтобы воспламенить воображение любого Святого последних дней [15, р. 192]. Данное событие послужило толчком к созданию первой в истории Хедрикитской церкви зарубежной миссии в 1951 г. Миссионеры проповедовали среди потомков майя на полуострове Юкатан. К 1953 г. были крещены более 30 чел. Всего к 1990-м гг. к Церкви присоединились сотни людей в 3-х штатах Южной Мексики, где были построены 12 церковных культовых зданий [15, р. 203-220]. В наши дни (2019 г.) представитель мексиканского региона Юкатан стал одним из апостолов хедрикетов.

В 1990-е гг. развернулась миссионерская работа Церкви Христа в Центральной Америке (преимущественно в Белизе, Гондурасе и Гватемале). Еще в 1979 г. имела место первая попыт-

ка проповеди на юге Гондураса в лагерях беженцев из Никарагуа, где полыхала кровавая гражданская война, а также среди беднейших слоев населения. В 1997 г. церковь хедрикетов приняла решение распространить миссионерскую работу на другие страны Центральной Америки. Большое семейство Гилл тогда продало ферму в Миннесоте и переселилось в Гондурас, создав там крупный миссионерский центр, влияние которого распространилось также на Белиз и Гватемалу. В 2000 г. была построена силами верующих первая церковь в Центральной Америке [15, р. 221-222, 228, 229, 231].

Рис. 5. Племенные лидеры майя встречают одного из апостолов хедрикетов во время его визита в Мексику в феврале 1951 г.
Источник: History of the Church of Christ... P. 195.

Рис. 6. Первые члены Церкви Христа в Мексике, которые были крещены в 1953 г. Декабрь 1953 г. Источник: History of the Church of Christ... P. 204.

Рис. 7. Члены общины хедрикетов на полуострове Юкатан возле первого построенного в Мексике дома молитвы. Зима 1955 г. Источник: History of the Church of Christ... Р. 211.

Рис. 8. Ежегодный молодежный лагерь Церкви. 2003 г. Мексика.
Источник: History of the Church of Christ... Р. 219.

Совет Апостолов в 1993 г. и 1994 г. принял документы с призывом расширить «миссионерское служение» в новом тысячелетии и установить контакты с другими реставрационистскими церквями. В 2000 г. Церковь Христа решила работать в Африке. В мае 2000 г. началось служение в Кении. В 2004 г. активная проповедь велась в Танзании, Уганде, Нигерии, Демократической республике Конго, Замбии. В 2008 г. Книгу Мормона перевели и издали на суахили, сделав ее доступной для понимания людей в Восточной Африке. В Кении в 2006 г. насчитывалось уже 26 конгрегаций (местных общин и групп) [15, р. 244-246, 248, 250, 269-270, 279-280].

В июле 2001 г. началось служение миссионеров на Филиппинах. Оно имело большой успех – к началу 2002 г. были обращены 205 чел. Членство в Церкви на Филиппинах более чем удвоилось в период с марта 2002 г. до марта 2003 г. – с 205 чел. до более чем 600 чел. В течение года были учреждены 3 локальные конгрегации. Действовали 12 передвижных (мобильных) (на автотранспорте) миссий с 3 старейшинами. Началось строительство церковных зданий. В 2005 г. насчитывалось уже более 1 700 членов Церкви Христа и 70 местных групп и миссий на Филиппинах. Для филиппинской миссии Книга Мормона была переведена на местный себуанский язык (Sebuano). В 2006-2007 гг. началась также проповедь среди сотен людей в южных регионах Индии [15, р. 258, 262, 267, 272-274, 280]. В 2011 г. некоторые учебные материалы Церкви Христа были переведены на западноафриканский язык йоруба.

В наши дни члены Церкви Христа (Храмовый участок) также, как и в XIX в., «тоскуют по Сиону». Они продолжают верить в «откровение Иисуса Христа, данное слуге Его» Джозефу Смиуту-младшему в г. Киртланд, штат Огайо, 22 и 23 сентября 1832 г.: «...Слово Господнее относительно Церкви Его, установленной в последние дни для восстановления народа Его, как Он изрек устами Своих пророков, и для собирания Его Святых на горе Сион, которая будет городом Новый Иерусалим, Кой город будет построен, начиная с участка под храм, указанного перстом Господним, в западных пределах штата Миссури, и посвященного рукой Джозефа Смита-младшего и других, которыми Господь был весьма доволен. Истинно, вот слово Господнее – что город Новый Иерусалим должен быть воздвигнут собранием Святых, начиная с этого места, а именно с храмового места, и храм этот будет воздвигнут в этом поколении. Ибо, истинно, это поколение не пройдет все, пока не будет построен дом Господу и облако не покроет его, кое облако будет сама слава Господняя, которая наполнит дом» [6].

Церковь Христа (Храмовый участок) со штаб-квартирой в Индепенденсе, штат Миссури, верит, что она была основана через откровение Бога, содержащееся как в Библии, так и в Книге Мормона. Во главе ее находится Христос. Церковное руководство включает: 12 апостолов, евангелистов, священников, учителей и старейшин. Все члены Кворума Двенадцати Апостолов считаются равными по старшинству и власти. Подобно Церкви Святых последних дней, но в отличие от Сообщества Христа Хедрикитская церковь ограничивает занятие должностей священства только мужчинами. Каждый член Церкви «был призван божественным откровением и не получает зарплату от Церкви, но работает по разным специальностям, чтобы прокормить себя и свою семью». Хедрикитская организация учит тому, что она является «единственной истинной церковью» в современном мире, а все остальные религиозные течения – это лжецеркви и «мерзость в глазах Господа» («Нет другой власти, представляющей Царство Божье на Земле в наше время, и не было в церквях в течение 1 260 лет отступничества до 1830 г.». «Мы не считаем себя частью изначальной (мормонской) организации; мы – остаток той первоначальной Церкви, восстановленной силой Бога и согласно его пророчеству») [9].

Церковь Христа берет свое начало на основании свидетельств Джозефа Смита и Оливера Каудери 1829 г., когда к ним явился Иоанн Креститель и посвятил их в «Священство Аароново», «которое владеет ключами от служения ангелов, Евангелия покаяния и крещения погружением в воду для прощения грехов, и оно никогда больше не будет взято с Земли, пока сыновья

Рис. 9. Первые крещенные в Африке. Кения. Май 2000 г.
Источник: History of the Church of Christ... Р. 252.

Рис. 10. Местная Церковь Христа. Демократическая республика Конго. 2005 г.
Источник: History of the Church of Christ... Р. 269.

Рис. 11. Церковная конференция в Кении. 2012 г.
Источник: Zion's Advocate. 2013. March – April. Vol. 90. № 2. P. 20-23.

Рис.12. Старейшина Энди Брантнер крестит группу людей в ручье рядом с водяными буйволами
Источник: History of the Church of Christ... P. 276.

Рис. 13. Апостолы Смит Брикхаус и Брайан Макинду, а также старейшина Деннис Трудген проповедуют жителям Индии. Источник: History of the Church of Christ... P. 281.

Левия вновь не принесут свидетельства Господу в праведности». Иоанн Креститель сказал, что он пришел к ним от имени древних апостолов Петра, Иакова и Иоанна. Смит и Каудери получили право крестить и обрели «дух пророчества». Ангел-посланник сказал им, что священство, в которое они были рукоположены, не владеет ключами передачи дара Святого Духа, но что эта власть будет получена ими позднее. Смит и Каудери сообщили, что Петр, Иаков и Иоанн посетили их позже в том же году и даровали им высшее Священство Мелхиседеково [4]. Священство Мелхиседеково, согласно учению мормонов, имеет ключи всех духовных благословений Церкви Первенца и через его таинства сила Божественности проявляется лю-

дям [5]. Оно «всегда будет частью царства Божьего на Земле». Смит и Каудери держали встречи с вестниками Бога в секрете, и не публиковали информацию о них вплоть до 1840-х гг.

В Священном Писании мормонов эти события представлены следующим образом: «В следующем месяце (в мае 1829 г.), в то время как мы все еще занимались переводом (Книги Мормона), мы пошли однажды в лес помолиться и обратиться к Господу с вопросом по поводу крещения для отпущения грехов, о котором мы нашли упоминание в переводе листов. В то время как мы молились и зывали к Господу, небесный вестник низошел в облаке света и, возложив на нас свои руки, посвятил нас в священство со словами: На вас, собратья-служители мои, во имя Мессии, я возлагаю Священство Аароново, которое владеет ключами служения ангелов, и Евангелия покаяния, и крещения погружением в воду для отпущения грехов; и это впредь не будет взято с земли, пока сыны Левиины снова не преподнесут Господу приношение в праведности. Он сказал, что это Священство Аароново не имеет власти возлагать руки для дарования Духа Святого, но что такая власть будет возложена на нас позже. Он повелел нам идти и креститься, указав, чтобы я крестил Оливера Каудери, а затем, чтобы он крестил меня. Следуя этому, мы пошли и крестились. Сначала я крестил его, а потом он крестил меня, после чего я возложил руки на его голову и посвятил его в Священство Аароново, а затем он возложил руки на меня и посвятил меня в то же Священство – ибо так было нам велено. Вестник, посетивший нас в этот раз и возложивший на нас это Священство, сказал, что имя ему Иоанн, что он тот самый, который в Новом Завете называется Иоанном Крестителем, и что он действовал под руководством Петра, Иакова и Иоанна, владевших ключами Священства Мелхиседекова, кое Священство, он сказал, будет в свое время возложено на нас, и что я буду назван первым Старейшиной Церкви, а он (Оливер Каудери) – вторым. 15 мая 1829 г. мы были посвящены в Священство под рукой этого вестника и крестились» [1].

Рис. 14. Церковная конференция в Мичигане с участием представителей общин из Онтарио, Нью-Йорка, Аризоны, Миссури и Колорадо. Июнь 2019 г.

Источник: Zion's Advocate. 2019. October [Electronic resource]. – Mode of access: <http://zionsadvocate.org/2019/10/>. – Date of access: 25.02.2021.

Несмотря на то, что Церковь Христа признает Джозефа Смита как пророка Бога, она не принимает многое из того, чему он учил или называл откровением. Хедрикиты отрицают пост Президента Церкви, поскольку, по их мнению, он не был предусмотрен ни в Библии, ни в Книге Мормона. Должности Первосвященника и Патриарха также отвергаются как «доктринальные нововведения», которые не одобряют Библия, Книга Мормона и Книга Заповедей. Также не признаются крещение за умерших, доктрина возвышения, «мистицизм франкмасонства» (заимствованный бригамитами и отразившийся в их храмовых церемониях), целестиальный брак и многоженство. Доктрины Церкви Христа находятся под сильным влиянием работ Дэвида Уитмера (1805-1888), одного из ведущих деятелей раннего мормонизма, который был изгнан из Церкви Джозефа Смита еще в 1838 г. Одно время существовала даже небольшая независимая церковь уитмеритов, сотрудничавшая с хедрикитами. В 1887 г. Уитмер опубликовал брошюру, в которой подверг обстоятельной критике учение и практику Джозефа Смита и Сиднея Ригдона. Этот небольшой богословский труд, озаглавленный «Обращение ко всем верующим во Христа», сегодня широко читают и пропагандируют среди членов Церкви Христа. Работа сейчас продается в вестибюле здания штаб-квартиры хедрикитов. В ней Уитмер неоднократно заявляет, что Смит «пал» или начал «падать», отклоняться от своего божественного призвания почти сразу после основания Церкви в 1830 г. или, возможно, даже раньше. Аргументация Уитмера включает в себя его утверждения о том, что Смит «не претендовал ни на какой другой дар», кроме способности перевода Книги Мормона, и никогда не был чем-то большим, чем «первым старейшиной» среди «собратьев-старейшин» в молодой Церкви [20, р. 30-48].

Церковь Христа отвергает Священные Писания бригамитов: «Учение и Заветы» и «Драгоценную Жемчужину», а также «Вдохновенную версию» Библии в переводе Джозефа Смита, предпочитая использовать только Библию Короля Иакова и Книгу Мормона в качестве основных источников веры. Она также считает, что «Книга Заповедей» (сборник ранних откровений Смита, опубликованный в Индепенденс, Миссури, в 1833 г.) является более истиной, чем «Учение и Заветы», начавшие издаваться с 1835 г. Во многие совпадающие с «Книгой Заповедей» разделы «Учения и Заветов» были внесены поздние неправомерные изменения. Но «Книга Заповедей» не имеет в глазах хедрикитов статуса, сравнимого с Библией или Книгой Мормона. Книги откровения, издаваемые организациями феттингитов, отделившимися от хедрикитов, отвергаются. Тем не менее, Церковь Христа поддерживает идею о том, что откровение может прийти к любому члену Церкви в любое время, будь то мужчина или женщина, носитель священства или нет.

Церковь «Храмовый участок» считает, что «Слово Божье» содержится в авторизованном переводе Библии короля Иакова («насколько она переведена правильно»), опубликованном в 1611 г. в Англии, а также во всех ее переизданиях. Длительное время хедрикиты использовали Книгу Мормона, опубликованную в 1908 г. Реорганизованной церковью (RLDS). Они считали ее текст наиболее близким к оригинальному изданию 1830 г. в г. Пальмира (штат Нью-Йорк). В 1990 г. у них появилось собственное издание Книги Мормона (Independence Edition, Индепенденс, штат Миссури), идентичное по структуре версиям, напечатанным ранее Сообществом Христа.

Хедрикитская Церковь Христа – одна из небольших по численности деноминаций в движении Святых последних дней, имеющая собственную почти 170-летнюю историю. Церковь была основана Гренвиллом Хедриком в 1850–1860-е гг. Она известна своим единоличным владением Храмовым участком (2,5 акра) на протяжении почти 150 лет. Члены Церкви Христа по-прежнему верят, что на Храмовом участке будет возведен Храм, но он не будет похож ни на один из храмов Церкви Святых последних дней и Сообщества Христа, существующих в

настоящее время. Хедрикиты описывают его как место, где Иисус мог показать себя и «наделить Своих слуг, которых он выбирает, силой проповедовать Евангелие во всем мире во всяком колене, языке и народе, чтобы обещание Бога Израилю могло быть исполнено» [12]. Церковь Христа не признает законность Храма в Индепенденсе, относящегося к Сообществу Христа, расположенному через дорогу от Храмового участка, а также ни одного из 168 храмов, построенных в наши дни Церковью Святых последних дней.

Идеологию хедрикитов можно определить, как американизированное маргинальное христианство, возникшее в «пограничных» (колонизируемых) областях Соединенных Штатов. Хедрикиты считают себя единственными законными преемниками и последователями Церкви, учрежденной Джозефом Смитом 6 апреля 1830 г. Длительное время у них сохранялась иллюзия об объединении всех направлений («ветвей») в мормонизме вокруг идеи построения Храма в штате Миссури «в этом поколении». Но Храм, как начало Нового Иерусалима или Сиона, несмотря на все предпринятые усилия и жертвы, так никогда и не был возведен на «священной земле» в г. Индепенденс. В настоящее время Храмовый участок, находящийся в собственности хедрикитов, представляет собой открытое, поросшее травой поле с несколькими деревьями в его северо-восточной части и зданием штаб-квартиры Церкви Христа. Рядом на Большом Храмовом участке (63,5 акра) находится несколько культовых сооружений джозефитов, бригамитов и Церкви Остатка. Во всем мире в конце XX в. насчитывалось около 5 тыс. хедрикитов. В наши дни миссии Хедрикитской церкви действуют в 12 странах. По состоянию на 2013 г. Церковь Христа объединяла 7 310 членов, большинство из которых проживают в США. Ее приходы существуют также в Канаде, Мексике, Гондурасе, Нигерии, Кении, Демократической Республике Конго, Малави, Танзании, Эфиопии, Индии и на Филиппинах.

Библиографический список

1. Драгоценная Жемчужина. Джозеф Смит – История 1: 68–72
2. Малахия 3:1
3. Руководство к Священным Писаниям // Книга Мормона. Еще одно свидетельство об Иисусе Христе. – Солт-Лейк-Сити (Юта): ЦИХСПД, 2011. С. 4.
4. Учение и Заветы (далее – У. и З.) 27: 12–13
5. У. и З. 84: 18–25; 107: 18–21
6. У. и З. 84: 2–5
7. У. и З. 85: 7–8
8. У. и З. 138: 38–39
9. A Brief History of the Church of Christ [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.churchofchrist1830.org/history>. – Date of access: 22.02.2021.
10. Addams R.J. The Church of Christ (Temple Lot) and Their Quest to Build a Temple in Zion. A paper presented at The 2009 CESNUR Conference, Salt Lake City, Utah, June 11-13, 2009 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.cesnur.org/2009/slc_addams1.htm. – Date of access: 27.02.2021.
11. Addams R.J. The Church of Christ (Temple Lot) and the Reorganized Church of Jesus Christ of Latter Day Saints: 130 Years of Crossroads and Controversies // The Journal of Mormon History. 2010. Spring. Vol. 36. № 2. P. 54-127.
12. Articles of Faith and Practice of the Church of Christ [Electronic resource]. – Mode of access: <https://static1.squarespace.com/static/5be4fa99af2096d655d5f98f/t/5bfc5af34d7a9c171a5fc426/1543265015412/Articles+of+Faith+and+Practice++2008.pdf>. – Date of access: 24.02.2021.
13. Bishop Edward Partridge. A History of The First Bishop of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints. Chapter Eleven: Expulsion From Jackson County [Electronic resource]. – Mode of access: <http://bishoppartridge.blogspot.com/2012/06/chapter-eleven-expulsion-from-jackson.html>. – Date of access: 25.02.2021.
14. History of the Church of Christ [Electronic resource]. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20080421070901/http://www.churchofchrist-tl.org/history.html>. – Date of access: 28.02.2021.

15. History of the Church of Christ. In 2 volumes. – Independence, Missouri: Church of Christ (Temple Lot), 2012. – 521 p.
16. Mormons: The Church of Christ, Temple Lot 1830 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bible.ca/mor-church-of-christ-temple-lot-mormons-1830.htm>. – Date of access: 28.02.2021.
17. Religious Bodies, 1936: Summary and detailed tables. – Washington, D.C.: U.S. Dept. of Commerce, Bureau of the Census, 1941. – 1695 p.
18. Sheldon W.A. A Synopsis of the Church of Christ Beliefs and Practices as Compared to Other Latter Day Saint Churches. Independence, Missouri: Church of Christ (Temple Lot), 1995. – 4 p.
19. The Truth-Teller Will Advocate The Primitive Organization Of The Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints, Which Was Organized On The 6-th Day Of April, 1830, And Maintain Her Doctrines In All Truth. Also, An Exposition Of All The False Doctrines That Has Been Imposed Upon The Church. – Bloomington: Published by the Church. 1864. Vol. 1. № 1. P. 4–6.
20. Whitmer D. An Address to All Believers in Christ. A Witness to the Divine Authenticity of the Book of Mormon. – Richmond (Missouri), 1887. – 75 p.
21. Zion's Advocate. 1926. April. Vol. 3. №3. P. 1.
22. Zion's Advocate. 1926. June. Vol. 3. №5. P. 4.
23. Zion's Advocate. 1928. April. Vol. 5. №4. P. 64.

Сведения об авторе:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского доцент, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, e-mail: vitaliypr@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РАЗВИТИЕ АРТУРОВСКИХ ЛЕГЕНД В РЫЦАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: Христианство в артуровских сказаниях эпохи средневековья стало одним из элементов, который оказал значительное влияние на их формирование и дальнейшее развитие. На это повлияла ранняя и мирная христианизация Британских островов, а также культурно-религиозный контакт кельтов-переселенцев с населением Арморики. В настоящей статье рассмотрены две ветви развития артурианы, христианские истоки легенды о Святом Граале, а также влияние христианской морали и гомилетики на сюжетообразующие мотивы средневекового рыцарского романа.

Ключевые слова: кельты, христианство, Иосиф Аримафейский, религиозный контакт, король Артур, бретонская ветвь артурианы, Робер де Борон, Кретьен де Труа, Грааль, рыцарский роман.

Yanenko E.M. Impact of Christianity on development of King Arthur legends in the knight literature of Middle Ages.

Abstract: Christianity in the Arthurian legends of the Middle Ages became one of the elements that had a significant impact on their formation and further development. This was influenced by the early and peaceful Christianization of the British Isles, as well as the cultural and religious contact of the Celtic settlers with the population of Armorica. This article examines two branches of the development of Arthurianism, the Christian origins of the legend of the Holy Grail, as well as the influence of Christian morality and homiletics on the plot-forming motifs of the medieval chivalric novel.

Keywords: Celts, Christianity, Joseph of Arimathea, religious contact, King Arthur, the Breton branch of the Arthurians, Robert de Boron, Chretien de Troyes, the Grail, chivalrous romance.

Когда-то на Британских островах были такие времена, когда существовал «Артур до Артура» [7, с. 23], у которого не было ни имени, ни подвигов, ни Мерлина, ни Морган. В рамках древней валлийской культуры постепенно нарождаются те компоненты, в которых главной фигурой станет король Артур. В III-VII вв. в развитии артуровских легенд появляется новый определяющий фактор – христианство. Современная кельтология оперирует не только поздними рукописями, но и рядом произведений, созданных в христианизированной Британии. Нам известно, что лишь основа легенд, их базис – чисто языческий.

Британские острова, в частности Ирландия, были христианизированы очень рано и очень мирно – необходимо учитывать эти факторы в рассмотрении культурологического аспекта развития артурианы. Христианство не просто не уничтожило языческие культы, а обогатило их, познакомив с греческой и римской литературой, традиции которых нашли здесь твердую почву. Именно поэтому, например, при дворе Карла Великого, среди деятелей каролингского Возрождения было немало ирландцев [7, с. 23].

Артуровские легенды оказались насыщенными мистико-фантастическими мотивами благодаря христианству и тем валлийским народным верованиям, которые сумели к нему приспособиться. Часть кельтских элементов мироощущения даже в некоторой мере усилилась благодаря христианским трансформациям.

На Британских островах значительны были традиции именно восточного христианства (Палестина, Сирия, Египет), что объясняет ранняя христианизация. Сложившаяся здесь церковная организация отличалась своеобразием и была не такой, как на континенте. Так, в северной части Британии почти не было городов, а следовательно, отсутствовали епископства. Монастыри – вот основные религиозные центры. Именно к ним тяготели разного рода барды и филиды: их устное творчество, состоящее в основном из сюжетов кельтской мифологии, развивалось наряду с письменной латинской традицией. С одной стороны, воздействие библейских мотивов было в такой ситуации глубоким и органичным, а с другой – лишенным категорической императивности [7, с. 25].

Стоит обратить внимание на популярность апокрифических евангелий («Евангелия от Никодима») и легенды об Иосифе Аримафейском (род. в I в. н.э.), который не только поместил снятое с креста тело Иисуса в гробницу, но и стал первым хранителем чаши Грааль с кровью распятого Христа. Также известно, что впоследствии Иосиф добрался морем из Палестины до острова Бретань и основал в Логрии (современная Англия) Гластонберийское аббатство, где потом и был похоронен [6, с. 59]. Эти сказания были зафиксированы в Британии уже в VII веке. Культ Иосифа Аримафейского, в котором британцы видели первого христианизатора, оказал очень сильное влияние на формирование и развитие легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Отсюда мы можем понять важность артуровских легенд для британской культуры в целом.

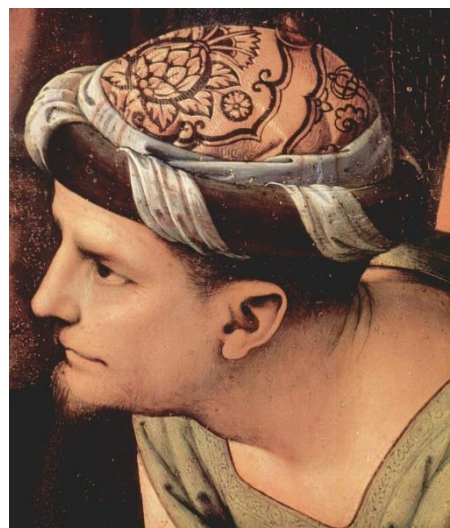
В V-VI вв. начинается колонизация Британских островов группами германских племен с континента. Теснимые англосаксами, они переселились в Арморику (Бретань, континент, северо-запад нынешней Франции). Эти территории относительно кельтизируются. Благодаря непрерывным контактам кельтов-валлийцев с населением Бретани, ряд сказаний был переведен на французский язык, именно тогда происходит обогащение кельтской письменной традиции и именно тогда в нее включается мистико-религиозный христианский элемент. Тем не менее, кельтские сюжетообразующие мотивы артурианы остаются в неприкосновенности.

Артуровский цикл в целом отличался своей «открытостью» к внешнему влиянию – в него с легкостью вплетались новые сюжетные элементы и герои. Яркий пример такого вкрапления – включение в артуриану истории о Тристане и Изольде. В первых поэтических обработках (Беруль, Том) Артур лишь упоминался – мы не наблюдаем здесь ни Ланселота, ни других рыцарей Круглого Стола. В дальнейших же прозаических вариантах эти герои уже теснее вплетаются в основной сюжет.

Существует две основных ветви артурианы – английская и бретонская. Английская ветвь артуровских сказаний развивалась на Британских островах (однако не без ряда элементов французского воздействия). Она развивалась в основном за счет устной традиции (лэ), в нее также условно можно включить известную «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского. Английский писатель Томас Мелори (1405-1471 гг.) составил полноценный свод артуровских легенд, который вошел в книгу «Смерть Артура» – это своего рода энциклопедия артуровского мифа.

Бретонская ветвь, сформировавшаяся на континенте, в Арморике, включила в себя «артуриану по Кретьену де Труа» и «артуриану по Роберу де Борону». Большую работу в попытках систематизировать сказания бретонского цикла проделал французский историк Поллен Парис (1800-1881 гг.). Как отмечает он сам, опубликованные им тексты — «неплохое собрание исторических, поэтических и религиозных преданий древних бретонцев, более или менее видоизмененных при включении в чуждую литературу. Франция взяла их от бретонцев и открыла другим странам, в том числе и самой Англии» [6, с. 65]. Бретонская ветвь, по сравнению с английской, на сегодняшний день изучена меньше.

В рамках «артурианы по Кретьену» французский поэт Кретьен де Труа (XII в.), который при изложении артуровских сказаний ориентировался на современную ему политику,

Иосиф Аримафейский. Пьетро Перуджино, фрагмент картины «Оплакивание Христа», 1495

акцентировал внимание на куртуазно-героических аспектах сказаний (жизнь и интересы рыцарства были полны войной, приключениями и куртуазной жизнью). Христианские элементы здесь либо отсутствуют вообще, либо проскакивают вскользь. Религиозное начало рыцарской идеологии нашло своего выразителя в лице писателя рубежа XII–XIII вв. Робер(т)а де Борона. В «артуриане по де Борону» образ рыцаря непосредственно отражает ревностного защитника христианской церкви, активного распространителя христианского вероучения.

Робер де Борон также стал одним из первых, кто попытался составить из разрозненных легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола единый связный цикл с общей сюжетной линией. В его книгах нашли отражение уже упоминаемые нами легенды о христианизации Британских островов, где образ Иосифа Аримафейского сыграл ведущую роль – по сюжетам этих легенд был написан «Роман об Иосифе Аримафейском». У Робера де Борона все акценты развития артуровских сказаний смещены в религиозно-мистическую сторону [6, с. 61]. Одним из центральных мотивов героев становится поиск святой чаши Грааль, о символизме которого мы скажем несколько позже.

Рассмотрим на конкретных примерах особенности религиозного контакта и взаимосвязь кельтской и христианской традиций в рамках сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

В исследовании кельтского элемента артуровских легенд стоит учитывать его культурную многослойность, ведь в кельтских мифах нашли свое отражение ирландские предания, мифология пиктов и сказания некоторых соседних народов (например, скандинавов). Христианство стало в кельтских легендах о короле Артуре особым элементом, который, тем не менее, сумел в них органично вплестись.

Известна история, описывающая путь Артура к трону. Согласно кельтским традициям, «при вступлении на трон нового короля филид должен был подтвердить благородное происхождение претендента и принять от него присягу на верность древним обычаям» [5]. При изъятии Артуром Экскалибура из камня присутствует маг Мерлин и христианский архиепископ, благославляющий нового короля на долгое царствование, а также принимающий тронную клятву Артура.

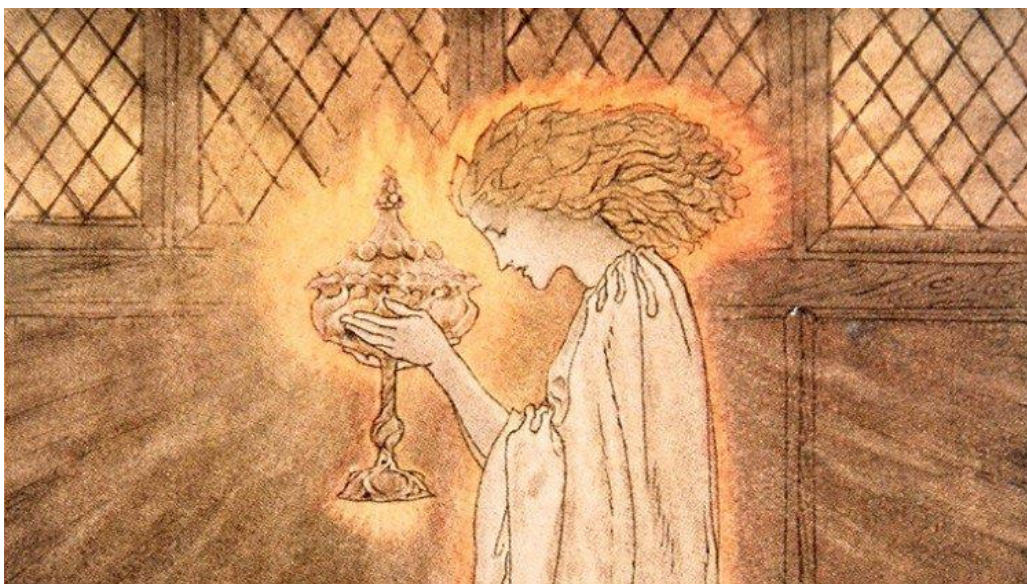
Следующим примером может служить одна из идейных составляющих артурианы, которая отражает службу и верность как центральные категории средневекового христианства. В связи с этим в сказаниях о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола детально разобрано, кто кому приходился оруженосцем и кто чьим вассалом являлся.

Остановимся на одном из важнейших христианских элементов артурианы – овечной множественностью загадок чаше Грааль.

Легенда о Святом Граале и ее происхождение отражают в себе постепенное вкрапление христианства в культуру рыцарского романа, в том числе – в артуровский цикл. Культ Грааля, осмысленного как чаша, из которой Иисус ел и пил во время Тайной Вечери и в которую Иосиф Аримафейский собрал его кровь, входит в круг артуровских преданий относительно рано. Это один из самых сложных и самых спорных сюжетов «бретонского цикла».

Чтобы понять генезис легенды, необходимо прежде всего выяснить этимологию слова «Грааль». По самому распространенному мнению, оно происходит от латинского слова *gradalis*, обозначающему большое блюдо, на котором во время пиров подавали рыбу или мясо. По-провансальски словом *grazal* и сегодня называют кастрюлю для приготовления рагу. Другие версии связывают происхождение слова с латинским *gradale*, переменной блюд в ходе трапезы, или с *cratis* (прилагательное *cratalis*) — корзина, нечто плетеное. Сторонники кельтского происхождения легенды о Граале выводят это слово из ирландского *croil*, означающего волшебный сундук или корзину королевы Медб. Искусственная этимология Борона, в свою

очередь, производит слово «Грааль» от «се qui agréе» (то, что нравится), поскольку волшебная чаша радовала всякого, кто ее видел. Наконец, последняя, популярная в наши дни версия трактует выражение San Graal (Святой Грааль) как sang real (истинная кровь), исходя из того, что некоторые авторы пишут оба слова слитно: Sangraal или, как у Мэлори, Sangreal [9, с. 253].

Артур Рэкхем. Святой Грааль. кон. XIX в.

Трудно точно определить, когда и каким образом тема чаши впервые встретила с циклом артуровских легенд. Одним из самых ранних свидетельств стал роман Кретьена де Труа «Персеваль» (ок. 1185 г.). Роман посвящен графу Фландрии Филиппу Эльзасскому. В 1150 году отец последнего Тьерри привез из Святой земли хрустальный сосуд, в котором помещался кусок ткани, будто бы пропитанный кровью Спасителя. Сосуд был помещен в специально выстроенный храм Святой крови Христовой в центре фламандской столицы Брюгге; не исключено, что граф заказал роман о нем популярному литератору для привлечения в город паломников. Задача была выполнена — в Брюгге устремились все, кто не мог добраться до Иерусалима, что способствовало не только обогащению графского семейства, но и росту популярности произведений Кретьена [9, с. 247]. Обратимся же непосредственно к роману.

Когда Персиваль попадает на пир к Королю-Рыбаку, во время празднества в комнату вносят окровавленное копьё, а за ним — Грааль. Кретьен никак не характеризует этот предмет, говоря только, что вносит его красивая девушка и что из него исходит неземной свет [1, с. 73].

*Затем настал черед грааля:
В руках девица в зал внесла.
Она за юношами шла,
Красивая, в нарядном платье.
Когда вошла, по всей палате
Распространился свет тотчас,
Он от грааля шел, лучась
Так, что все свечи стали бледны,
Как звезды в небе в час рассветный
Или когда луна ясна.*

Впервые упомянув Грааль, Кретьен не захотел — или не успел, — сообщить читателям смысл этого понятия, и это пришлось сделать другому автору. Около 1200 года Робер де Бо-

рон, поэт из Франш-Конте, завершил «Роман о Граале», которому предстояло стать первой частью впечатляющей трилогии, раскрывающей тайную связь новозаветного предания с историей Европы [9, с. 249].

В самом начале XIII века в работах Робера де Борона тема поисков Святого Грааля, который является олицетворением благодати, набирает большую популярность. Христианская символика, а затем и христианская идея начинают подменять собой в сказаниях о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола все прочие, прежде всего идею реванша побежденных кельтов (первоначальное сюжетное и идеологическое ядро артуровских легенд).

Внешний вид Грааля в романе Борона не описывается, зато излагаются свойства «сосуда добра и красоты» [3, с. 140]:

*Кто знает о сосуде, тот
Его Граалем назовет.
Однако, — был ответ Петров, —
Положен на Грааль покров,
И людям чаша та незрима,
Проходят, не заметив, мимо.
Но праведники входят в дом
И перед чашей за столом
Допущенные все подряд,
На трапезе святой сидят.
А с чашею и рыба тут,
И так завет Христов блюдут...*

«Артуриана по де Борону» сформировала канонический образ Святого Грааля, который лишь с небольшими поправками кочевал из романа в роман. Исключением стали лишь немногочисленные сочинения.

Исследователи спорят о том, кто первым затронул тему чаши Грааль в артуриане – Кретъен де Труа или Робер де Борон. Однако кто бы то ни был – в XIII веке она стала столь прочно ассоциироваться у переписчиков с именем Робера, что они единодушно приписывали ему авторство романа «Святой Грааль», в основе которого лежит упомянутое выше предание (иногда называемое «бретонским Евангелием») [6, с. 62]. Книги «артурианы по де Борону» существовали в очень малом количестве экземпляров — из-за их объема (а значит, и высокой стоимости переписки). Стоит также отметить, что церковники не желали признавать их религиозную ценность.

Рассмотрим вопрос о том, насколько велик христианский идейный элемент в сказании о Граале. На этот счет в исторической науке сложилось несколько точек зрения. Интересно мнение известного французского медиевиста Марио Рока. Он пришел к выводу о том, что в легенде о Граале нет иной основы, кроме христианской. С его точки зрения, все это воспроизводит в символической форме один из моментов христианской литургии – таинство евхаристии. Проносимое копьё оказывается символом того копья, которым один из во-

*Хуан де Хуанес.
Фрагмент картины
«Тайная вечеря».
Иисус Христос
с причастием. ок. 1562*

инов пронзил ребра распятого Иисуса, чаша же – символом той чаши, которая фигурировала во время Тайной Вечери и в которую собрали кровь Христа, истекшую из раны; оруженосец, держащий копье, олицетворяет собой этого воина, а Дева, проносящая чашу, олицетворяет христианскую церковь. Однако есть иная точка зрения: Жан Маркс настаивает на кельтских корнях легенды, не отрицая ее христианского характера [7, с. 49].

Легенда о Граале набрала новую волну популярности в эпоху Крестовых походов, когда со взятием Иерусалима культ святынь заметно усилился. Мистико-религиозное начало цикла дало мощнейший идеологический импульс «миссионерам огня и меча» — крестоносцам, а впоследствии и конквистадорам. И стержнем этой идеологии стал роман «Святой Грааль». Древние бретонские сюжеты, таким образом, в конце концов произвели революцию не только в литературе, но даже в нравах всего христианского мира [6, с. 62]. Распространенный мотив кельтского фольклора (чаша изобилия, панацея от всех бед, и она же – напоминание о возмездии) наполнился христианским содержанием.

Таким образом, проникновение христианства в кельтские земли естественным образом привело к соединению образов волшебного котла и чаши причастия — одного из главных образов новозаветной символики [9, с. 246]. Это еще раз подчеркивает тот особый культурно-религиозный синкретизм кельтского язычества и христианства, который находит свое выражение и в других элементах артуровского цикла.

Перейдем к рассмотрению рыцарского романа, в рамках которого христианская проповедь стала сюжетообразующим мотивом.

Авторство поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» (XIV в.) определено неточно, однако существует точка зрения, что им является некто, именуемый «жемчужным поэтом» (*Pearl Poet*). Как считается, он же написал такие христианские элегические поэмы, как «Жемчужина», «Терпение» и «Чистота». *Католическая гомилетика в них явная, очевидная, находящаяся на поверхности, но в «Сэре Гавейне» она скрыта, замаскирована автором, образует слой неявных смыслов* [8, с. 358].

Интересен тот факт, что элементы христианской гомилетики в произведении переплетаются с гендерной тематикой. При внимательном прочтении оказывается, что христианская составляющая романа отражена в мужских образах, женские же иллюстрируют оккультизм, язычество и ведьмовство. Есть теория о том, что на это повлияло личностное предвзятое отношение к женщинам автора произведения. *С другой стороны, эта особенность может являться проявлением более широкой средневековой католической традиции отождествлять женское начало со стихийными силами природы, с оккультизмом, магией и колдовством* [8, с. 359].

В поэме читатель находит как ряд привычных женских образов артуровского цикла, так и некоторые новые. *Королева Гвиневера и Игрейна, герцогиня Корнуольская – жена и мать Артура – находятся на периферии сюжета; многочисленные леди и фрейлины в Камелоте и замке де Оdezера оттеняют сюжет; в центре же его – Фея Моргана и леди Бертилак* [8, с. 359]. Особый интерес представляют отношения Феи Морганы и Короля Артура: первая в большинстве произведений артурианы выступает в качестве метафоричного отображения колдовства и древнекельтского язычества; Артур же, наоборот, олицетворяет христианство [4].

Король и фея – некое литературное символическое единство, что доказывает Джон Берроу [8, с.360]. Напомним, что Моргана приходится Артуру сводной сестрой и, по мнению того же Берроу, является чем-то вроде альтер-эго Короля. Это доказывает наличие множества сцен, в которых оба этих персонажа в открытую враждуют, но при этом не желают друг другу смерти. В частности, у Томаса Мэлори в «Смерти Артура» (XV в.) Король часто подстраивает все так, чтобы Моргана смогла уйти от наказания или избежать предполагаемой казни [2, с.170, 172 и др.].

Подобная взаимосвязь персонажей, которую К.С. Шаров называет «любовью-ненависти» [8, с. 360] аллегорически представляет нам наглядную картину взаимодействия христианства и кельтской культуры на территории Британских островов в рассматриваемый период. Так, языческие кельтские представления о мироздании в теории противоречат некоторым догматам христианства, а на практике образуют аутоинтечную эклектическую картину мира, которая и нашла свое яркое отражение в сказаниях артуровского цикла. Повсеместно бытующие в Британии языческие простонародные суеверия наряду с христианскими элементами мировоззрения были обычным делом во времена Столетней войны.

«Ведьма Моргана», Э. Ф. Сэндис, 1864. Бирмингемская художественная галерея

Центральный сюжет «Сэра Гавейна» обусловлен языческой властью Морганы — колдуньи, которая была настолько сильна, что могла открыто бросить вызов всему славному христианскому Камелоту и обществу рыцарей Круглого Стола [8, с. 361]. В конце концов это приводит к тому, что лучший рыцарь короля Артура (сэр Гавейн), доблестный носитель христианских ценностей Круглого Стола, оказывается если не побежденным леди Бертилак, ставленницей Морганы, открыто, то побежденным ею *психологически* [4, с. 147-151]. Именно тогда мы понимаем всю силу средневекового язычества в Британии.

Финал поэмы интересен тем, что язычество остается вообще нетронутым, а условная победа главного героя приводит развитие сюжета к важной идее *христианского покаяния* — покаяния сэра Гавейна. Не вражда против *внешней* языческой угрозы, а борьба с *собственным* суеверием, с *собственным* проявлением язычества в человеке —

таким предстает императив поэмы, понятой как гомилетическое произведение [8, с. 362].

Таким образом, на основе анализа поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» К.С. Шаров доказывает, что она может быть представлена как пространство противостояния христианских (король Артур, сэр Гавейн, рыцари Круглого Стола) и языческих (Зеленый Рыцарь, Фея Моргана, леди Бертилак) сил [8, с. 362]. Также показано, что религиозные смыслы поэмы тесно связаны с гендерными смыслами.

Артуриана представляет собой не простую совокупность, а сложную систему разнородных сказаний и легенд. На ее развитие, кроме древней кельто-валлийской мифологии, большое влияние оказала прежде всего ранняя и мирная христианизация Британских островов. Одним из ключевых христианских элементов-символов стала чаша Грааль, также мы увидели, что немалое значение в развитии легенд сыграли христианская гомилетика и основные ценности христианской морали (добро, сострадание, милосердие и др.). «Открытость» артуровского цикла позволила сформировать аутентичный синкретизм кельтских и христианских традиций.

Библиографический список

1. Кретъен де Труа Персеваль, или повесть о Граале / Перевод со старофранцузского Н.В. Забабуровой и А.Н. Триандафилиди. — Москва: Common Place, 2014 — 408 с. ISBN 978-99970-0108-5 // URL: https://royallib.com/book/de_trua_kreten/perseval_ili_povest_o_graale.html (дата обращения 23.02.2021) [Текст: электронный]

2. Мэлори Т. Смерть Артура / Томас Мэлори; [пер. с англ., примеч., указ. имен И. Бернштейн; предисл. Л. Сумм]. – М.: Эксмо, 2007. – 688 с.: ил. – (Библиотека Всемирной Литературы). // ISBN 978-5-699-22852-2 // [Текст: непосредственный]
3. Роман о Граале / Робер де Борон; в пер. с фр. Е. Кассировой. – СПб.: Евразия, 2005 (ГУП Тип. Наука). – 221, [2] с.: ил.; 17 см.; ISBN 5-8071-0035-2 (в пер.) // URL: <https://facetia.ru/node/2506> (дата обращения: 22.02.2021) [Текст: электронный]
4. Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь: [сб. средневековых англ. поэм] / пер. со среднеангл. Н. Резниковой и В. Тихомирова; [общ. ред. О. А. Смирницкой]. — М.: Аграф, 2006. — 320 с. // URL: https://vk.com/wall271202244_5632 (дата обращения: 22.02.2021) [Текст: электронный]
5. Ладыгина О.М. Культура мифа. – М.: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2000. – 56 с. – (Б-ка журнала «Образование в современной школе». Серия «Культурология»; Вып. 2). ISBN 5-901384-07-5 // Исходные посылки формирования легенд об Артуре. // URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/ladygina-kultura-mifa/legendy-ob-arture.htm> (дата обращения: 27.02.2021) [Текст: электронный].
6. Мальский И.С. Бретонская ветвь романов Круглого Стола и ее связь с христианской апокрифической литературой // VMA. 2015. №1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bretonskaaya-vevromanov-kruglogo-stola-i-ee-svyaz-s-hristianskoj-apokrificheskoy-literaturoy> (дата обращения: 22.02.2021) // [Текст: электронный]
7. Михайлов А.Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы / Рос. академия наук; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 264 с. – (Studia philologica. Series minor). ISBN 5-9551-0150-0 // Артуровские легенды и их эволюция, с. 12-65. // URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/zarublitra/Mikhaylov_A_D_Srednevekovye_legendy_i_zapadnoev.pdf (дата обращения: 22.02.2021) [Текст: электронный]
8. Шаров К.С. Христианская проповедь как сюжетобразующий мотив средневековой рыцарской поэмы «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» // Новый филологический вестник. 2019. №4 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskaya-propoved-kak-syuzhetoobrazuyuschiy-motiv-srednevekovoy-rytsarskoj-poemy-ser-gaveyn-i-zelenyy-rytsar> (дата обращения: 22.02.2021) // [Текст: электронный]
9. Эрлихман В.В. Король Артур / Вадим Эрлихман. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 319 [1] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1195). ISBN 978-5-235-03246-0. // Часть третья, глава вторая. Небесная чаша. (с. 245-276). [Текст: непосредственный]

Сведения об авторе:

Яненко Екатерина Михайловна, студентка III курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: dekun.ekaterina@yandex.ru

Древности и археология

УДК 94(367+368)

Б.М. Кондорский

ПРОБЛЕМА РУСОВ И КОНЦЕПЦИЯ ОЙКУМЕНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Аннотация: История Древней Руси рассматривается как смена ойкумен определенного типа. Автор рассматривает ойкумену как форму существования социумов в географическом пространстве, как систему, имеющую свои законы. Элементом ойкумены являются потоки информации в процессе миграций, торговли, войн. Показаны базовые элементы архетипа ойкумен как совокупность основных социальных институтов и явлений. Рассмотрена роль русов, как изгоев из традиционных общин самого различного этнического происхождения, в формировании Киевской Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, Киевская Русь, ойкумена, русы, древние славяне.

Codorsky B.M. The problem of Rus and the concept of Okumen in ancient Russia

Annotation: The History of Old Rus is regarded as the change of certain type oecumenes. The author considers the oecumene as a form of sociums' existence in the geographical space, as a system having its own laws. Information flows in the process of migrations, commerce, wars are a component of the oecumene. The article shows the main components of oecumenes' archetype as a sum total of basic social institutions and phenomena. The role of Rus people as declassé outcasts from traditional communities of variegated ethnic origin in the formation of Kievan Rus has been limelighted.

Key words: Old Rus, Kievan Rus, oecumene, Rus people, old Slavs.

Обычно под ойкуменой понимают заселенную человеком часть земной поверхности. Мы же рассматриваем ойкумену как систему, в чем-то аналогичную биосфере. Согласно нашей концепции, ойкумена представляет собой форму существования социумов в географическом пространстве. То есть является социально-географической системой, характеризующейся синтезом, единством социальных и природно-географических закономерностей [22; 23; 26].

Формирование ойкумены происходит путем освоения, очеловечивания географического пространства. Основным элементом ойкумены как системы являются потоки информации в форме миграций (типа «просачивания»), торговли (как правило, предметами роскоши престижного характера), войн (по законам, которые принципиально отличаются от современных). Ойкумену следует рассматривать как систему, имеющую свою совокупность законов, как пространство обмена и диффузии информации.

Историю заселения славянами Русской равнины нужно рассматривать именно в этом «ключе». А саму Русскую равнину – как вмещающий ландшафт по Л.Н.Гумилеву [13] который и служил географической основой сменяющих друг друга ойкумен различного типа в рамках Древней Руси.

Существует много гипотез и мнений по поводу происхождения славян. Большинство специалистов склоняется к тому, что прародина славян должна помещаться между Одером и Вислой. С прародины славяне двигались на юг к Дунаю и на восток к Днепру [2, с. 31; 37, с. 28; 50, с. 149]. Из Среднего Повисленья в V в. вышли славяне, которые заселили северные области Восточноевропейской равнины [52, с. 16-17].

Что касается антов, то их следует рассматривать как тупиковую, инадаптивную ветвь славян. Данный термин используется в биологии (теории биологической эволюции) по отношению к ветвям, которые достигли определенного уровня развития достаточно быстро и про-

стым способом. Обычно подобного рода системы не имели потенциала дальнейшего развития и, в конечном итоге, вымирали.

Анты в силу специфики своей истории оказались в стороне от процесса сложения славянского этнического самосознания [5, с. 17]. Анты не имели общего князя или вождя [1, с. 42], не создали единого политического объединения [50, с. 36]. Для антов была характерна племенная раздробленность [49, с. 29]. Антские племена так и не смогли создать достаточно устойчивой ойкумены, имеющей потенциал дальнейшего развития.

Для государств этого времени, которых условно можно назвать «цивилизованными», на прилегающих к их границам территориях располагалась племенная ойкумена, которую можно назвать «флюктуационной». Подобного рода ойкумена была характерна для славян, поселившихся на северных границах Византии по Дунаю. В VI в. происходит расселение славян по территории Империи. Они заняли всю Элладу и Фракию, разорили многие города, вели разбойничий образ жизни [49, с. 22]. Византия платила славянам за соблюдение мира [47, с. 24]. Сформировалась система, при которой за мир нужно было платить. Грозя набегами, ежегодной дани в течение длительного времени добивались болгары. Союзная помощь за деньги покупалась у Византии и уграми, и печенегами.

В данном случае дань была важнейшим фактором взаимодействия и поддержания мира между различными ойкуменами (именно ойкуменами, а не политическими образованиями). Причем это касается взаимодействия не только «племенных», но и «цивилизационных» ойкумен. В 678 г. арабский халиф Моавия заключил с Империей мир, по которому он должен был выплачивать дань в течение 30 лет [47, с. 93-94].

Для славян первой половины – середины первого тысячелетия была характерна ойкумена племенного типа. Основу общин составляли кровнородственные связи. Большую роль в поддержании единства ойкумены играли ритуальные центры. Ляхи, которые в VI в. расселились по Висле и Бугу, имели общий ритуальный центр – капище на горе Вавель [1, с. 43]. Можно предположить, что одним из важнейших восточнославянских капищ были киевские горы.

У славян в первой половине I тыс. н. э. был общественный строй похожий на таковой у германцев времен Тацита. Существовал совет старейшин. Верховная власть принадлежала народному собранию. У славян, также как и у германцев, создавались частные объединения для ведения войны на свой страх и риск [29, с. 28-30]. Однако деятельность подобного рода дружин не отражала интересы общины [49, с. 30].

У ранних славян основу хозяйства составляло пастушеское скотоводство [32, с. 188]. Большое значение играл скотий бог Велес, как защитник скота и покровитель скотоводов. У древних славян главным богатством был скот [32, с. 206]. Деньги назывались «скотом» [30, с. 182]. У многих балканских славян князь звался жупаном. Слово зира в индоевропейском значении пастух, господин скота – выборный вождь племени [49, с. 31-32]. У индоариев наблюдалась очень похожая картина. У них основные социальные термины имели скотоводческое происхождение.

В VIII–IX вв. когда земли Восточной Европы в значительной степени были уже освоены славянским населением, наблюдался приток многочисленных групп славянских переселенцев из Подунавья. В процессе расселения старая племенная старшина утрачивала свои позиции, уступая место служилой [11, с. 19]. Мигрировали небольшими группами (вплоть до Северо-Запада) металлурги, гончары, ювелиры [50, с. 184]. Об этом говорят многочисленные находки женских украшений, гончарной керамике, железных ножей особого типа [54, с. 75].

Германские племена во времена Тацита (I в.н.э.) представляли собой общности, основанные на кровнородственных связях. В ходе начавшегося затем переселения народов произошло дробление племен, включение в различные политические образования. В результате сложи-

лись новые общности на территориальной основе. В эпоху переселения славян происходили принципиально сходные процессы [10, с. 19].

Мы считаем, что в период, предшествующий миграции, в Подунавье произошла трансформация славянских общин. И немалую роль в этом сыграло господство авар, которые разрушили здесь славянскую ойкумену традиционного типа. На смену общинам «закрытого типа» приходят общины «открытого типа». В свое время типичной общиной «открытого типа» (можно сказать даже «сверхоткрытого») был Рим. В отличие от социумов второго типа, в социумах первого типа рождаемость находилась под жестким контролем и была близка к единице. Появились условия для миграционной колонизации других регионов. Не последнюю роль в демографическом взрыве сыграл переход от примитивного подсечного земледелия к пашенному [37, с. 19].

Вероятнее всего, миграция происходила за счет членов мужского союза. Как известно, мужской союз, состоящий из молодежи, является древнейшим социальным институтом. Подобного рода группировки установили контроль над общинами закрытого типа на территории Русской равнины, заключив с ними своеобразный договор. В результате появлялся князь со своей дружиной имеющий элементы публичной власти. ***Источником публичной власти является общественный договор.***

Происходит усиление роли Перуна в пантеоне славянских богов, который являлся покровителем военного дела, ремесла. Возрастает значение военной знати, рост роли ремесла и металлургии [2, с. 85-86]. Перун выступает как покровитель князей и дружинников [1, с. 42]. Древнее обращение к богу о помощи превращается в личное имя княжеского богородоначальника (Дажьбога). Солнца дай – (дажь) бог. Княжеский предок теперь – «бог дающий», главный источник людской удачи. Этот миф укрепляет сакральную и политическую власть князей [1, с. 119].

В ПВЛ и других древнейших источниках названия славянских племен четко отделяются от руси. Различают русов и славян арабоязычные авторы [15, с. 46-47]. Русь в ПВЛ отождествляется со славянами и отождествляется с варягами и в тоже время противопоставляется и тем и другим. Русь не рассматривалась древними авторами как этноним. «Русь» более древнее слово, чем «варяги». В византийских хрониках это слово появляется только в начале XI в. [15, с. 58].

В течение IX и большей части X века на территории Восточной Европы действовали сообщества купцов-воинов известных как русы [57, с. 110]. Ибн Фадлан описывает русов как воинов и торговцев, которые не имели единого руководства. Команда каждого корабля обладала определенной автономностью и состояла из равноправных партнеров. Ибн Фадлан не установил при расспросах никакой идентичности кроме «русской» [57, с. 183-185]. Русы предстают как индивидуумы, впитавшие различные этнокультурные традиции [8, с. 87].

Русы характеризовались отсутствием какого-либо земледелия, недвижимого имущества, централизованной власти [63, с. 75-76], занимались международной торговлей в основном невольниками и пушниной [42, с. 118]. По словам Ибн-Руста русы подъезжали на кораблях к славянским поселениям и забирали пленников [8, с. 37].

Подведем некоторые итоги. Русы – это изгои самого различного этнического происхождения связанные с институтом мужского союза [27, с. 146-147]. Подобного рода корпорации в Новое время называли разбойничьими бандами. Однако в свое время эти объединения сыграли исключительную роль в мировой истории. Объединив «банды» молодежи в пределах Лация и заключив общественный договор с местными общинами, Ромул основал Рим [38, с. 10-11]. «Люди длинной воли», состоявшие из изгоев племен Центральной Азии, сделали Темучина Чингисханом [14, с. 223]. Деятельность «свободных атомов» лежала в основе появления основных полисов Древней Греции. То же самое относится к Александру Македонскому и его

окружению, имевших типичное сознание мужского союза и державшихся в своих походах по-дальше от «родных» общин [27, с. 147].

В VII–VIII веках с появлением и становлением Арабского халифата начинает формироваться сеть торговых путей, обеспечивающая торговые связи Европы с Востоком. Появляется международная торговая ойкумена. В начале основную роль играет Средиземноморье. Затем появляется потребность в торговле с населением (племенами) Русской равнины, которые могли предложить дефицитные товары – в первую очередь пушнину. А через ее речные пути – с Севером Европы.

Сами славяне в рамках общин закрытого типа не могли стать купцами. Русы (будучи «свободными атомами») в наибольшей степени подходили для этих целей. Русы имели как бы две составляющих – воинскую и купеческую. Сначала явно преобладала первая составляющая, затем все больше начала доминировать вторая составляющая (торговая). В отличие от традиционных общин, находясь в рамках торговой ойкумены, русы «должны» были подчиняться ее законам.

Что касается происхождения термина «рус», то здесь существует две основных гипотезы. Одни специалисты связывают это слово с *ruotsi* от древнескандинавского глагола «грести» [33, с. 27]. Термин *ruotsi* является заимствованным из древнегерманского. Так звались представители дружинного сословия независимо от этноса [50, с. 66]. Есть гипотеза об иранском происхождении термина. Восходит в иранской основе *rūk* – белый, блестящий, свет, сиять [50, с. 67]. Слово рус тесно связано с красным цветом, цветом воинов. Он символизировал воинское сословие у индоариев, иранцев, кельтов [19, с. 206].

В связи с тем, что сторонники «северной» и «южной» гипотез находятся в приблизительно равной пропорции и оперируют достаточны убедительными аргументами, можно предположить независимое происхождение этого термина в обоих регионах. Так могло получиться, что и на севере и на юге независимо появились сходные по звучанию слова, обозначавшие свободных воинов (купцов) – изгоев по происхождению.

Если проанализировать сведения арабоязычных авторов в отношении русов, то здесь вырисовываются четыре основных региона их обитания. Ал-Истахри, живший в первой половине X в., указывает на три основных центра – Куяба, Славия и Артания. С Куяба и Славией все понятно. Из Артании привозят черных лисиц и соболей [21, с. 206]. По Новосельцеву Арта – это Сарское городище, которое находилось в самом центре речной системы Волжско-Окского междуречья [39, с. 418-419].

Наибольший интерес представляет упоминание об «острове руссов», окруженным озером у Ибн Руста и Гардизи. Споры о местонахождении «острова руссов» начались еще в прошлом веке. Одни авторы помещали его на севере Европы – в Скандинавии, в районе Новгорода, на Верхней Волге. Другие на юге Восточной Европы – в Киеве, в Тмутаракани, в Крыму, в дельте Дуная [18, с. 204-212].

По нашему мнению «остров русов» вероятнее всего находился на Таманском полуострове в устье реки Кубани [64, с. 171-172]. В 1986 г. таманской экспедицией Института археологии АН СССР на Таманском полуострове были обнаружены остатки укрепленного городища IX в.. При раскопках найдены вещи скандинавского происхождения [62, с. 230]. Да и появление Тмутараканского княжества на таком удалении от Киева ничем другим нельзя объяснить. Таманские русы вероятнее всего занимались в основном разбоем и пиратством. Возможно нападение на Амастриду на побережье Малой Азии в 830-е гг. и Константинополь в 860 г. связано именно с этими русами, а не с днепровскими.

Ряд авторов указывают на существование Азово-Черноморской Руси [19, с. 211]. Однако азовские (а точнее донские) русы представляли собой самостоятельное сообщество. Данных

русов можно локализовать в бассейне Дона, Северского Донца и прилегающих территорий. В.В. Седов считал, что Русский каганат находился в междуречье Дона и Днепра [50, с. 76]. На пути с Донца, Оскола к Волге найдено большое количество кладов [30, с. 184].

Вероятнее всего донские русы не имели постоянного «места проживания» (только временные стоянки зимой) и большую часть времени проводили на судах, передвигаясь по рекам вплоть до Волги и Днепра. Ряд арабских авторов сообщает о нападении русов на славян с последующей продажей пленников в Хазарию. Однако донские русы вероятнее всего находились в мирных отношениях с местным славянским населением. Что касается рабов, то в традиционных общинах продажа «лишних ртов» была обычной практикой.

В составе донских русов возможно значительная часть была представлена аланами, которых в VIII в. хазары переселили в этот регион [8, с. 87]. Население салтово-маяцкой культуры алан в бассейнах Дона и Северского Донца играло активную роль в торговле донских русов с арабским миром [7, с. 127].

Донские русы находились в своеобразном симбиозе с Хазарией, которая остро в них нуждалась. У Хазарии отсутствовали сильные союзники кроме русов. В свою очередь, русы могли торговать только через Итиль. Первые набеги русов на Каспий датируются началом второй половины IX в. Хазары не имели своего флота и использовали русов для набегов на своих торговых конкурентов на Каспийском море. В частности, на Дербент – основной форпост арабского влияния на Каспии [20, с. 112-115].

Русы были инструментом в руках хазарского каганата в осуществлении контроля торговых путей и левобережных славян, через территорию которых проходила часть торгового пути из Европы на Восток [40, с. 6]. Однако серьезные политические проблемы, возникшие в X в. рамках мусульманского мира на Среднем и Ближнем Востоке, нанесли серьезный удар по существующей здесь торговой ойкумене. Это привело к резкому ослаблению Хазарскому каганату. Именно эти факторы и привели, в конечном итоге, к его гибели.

В 913-914 и 944-945 гг. русы совершили два крупных и хорошо организованных набегов в области юго-восточного Кавказа [9, с. 15]. Обращает на себя внимание тот факт, что русами была предпринята попытка надолго закрепиться на кавказском побережье Каспия [35, с. 200]. Нужно иметь в виду, что к этому моменту основная часть левобережных славян (северян) перешла под контроль Киевской Руси, что резко сузило зону торговой деятельности донских руссов и активизировало их воинскую составляющую. Ослабление руководства Хазарского каганата способствовало автономизации мусульманской гвардии, которая вступила в конфликт с русами. В сражении большая часть их была перебита. Все это привело к деградации Донской конфедерации руссов, которая к концу X в. исчезает с исторической арены. Их реликтом стали так называемые бродники.

Больше всего «повезло» северным руссам. Ладога, основанная здесь скандинавами в середине IX в., стала оплотом для их проникновения вглубь территории Восточной Европы [51, с. 116]. Приладожье в VIII-IX веках являлось зоной интенсивных контактов местного населения со скандинавами [46, с. 152].

Не надо забывать, что в это время Северо-Запад был частью балтийской ойкумены. Мы многое знаем о скандинавах, викингах, но гораздо меньше о той роли, которую играли прибалтийские славяне, в частности полабские. Н.И. Васильев считает, что Рюрик по отцу был ободритом, а по матери сыном Умилы, дочери словенского князя Гостомысла [6, с. 54. Рерик – главный племенной центр ободритов. Второе название ободритов – ререги [28, с. 34]. К тому же надо иметь в виду, что после того как словены согласно ПВЛ изгнали скандинавов, которые собирали дань, трудно представить, что они снова их пригласили. Мотив приглашения правителя «со стороны» характерен для многих народов. Достаточно вспомнить Ромула.

Рюрик в качестве тотема имел сокол (ререг) [12, с. 347]. Соколиная символика активно использовалась русской княжеской династией [45]. Сокол был связан с солнечным богом Сварогом и считался его зооморфным воплощением [12, с. 345]. Кстати, очень похожая ситуация имела место в Древнем Египте. Фараон считался медиатором божественной силы, которая от бога солнца Ра переносилась ему богом-соколом Хором [24, с. 18].

Олег с воинами из варягов, словен, чуди, мери, веси и кривичей сначала захватил Смоленск, затем Любеч, где посадил своих мужей. Олег начал основывать города и устанавливать дань, подчинив древлян, северян, радимичей [54, с. 23]. Следует обратить внимание, каким образом Олег организовал представителей столь большого количества племен, включая финно-язычных, а затем легко подчинил несколько городов, включая Киев. И, наконец, установил контроль над среднеднепровскими племенами.

По нашему мнению это объясняется тем, что на всем протяжении ареала обитания славянских племен Русской равнины «ощущалась» потребность в объединении, в формировании ойкумены нового типа. Подобного рода процессы в это время происходят на территории нынешней Польши и Чехии. Олег укрепился в Киеве на основе договора с местной общиной, также как и в свое время это сделали Аскольд и Дир [41, с. 134]. В летописи отсутствуют упоминания о военном конфликте Руси и Хазарии [36, с. 41]. Как уже говорилось выше, с левобережными племенами контактировали донские русы. Вероятнее всего собственно хазар вообще никогда не было в этом регионе.

Базовая специфика функционирования ойкумены нового типа носила не совсем обычный характер. Здесь опять нужно будет обратиться к биологическим (точнее экологическим) закономерностям. В экологических системах фундаментальным условием нормального протекания биологического круговорота веществ является редукция произведенной биомассы. Именно этот «блок» выполняет управляющие функции. Материальной основой цивилизационной ойкумены (которая формируется в это время вместо племенной) является утилизация избыточного продукта (не путать с прибавочным, как экономической категорией) в процессе социального круговорота. Те же пирамиды в Древнем Египте есть результат утилизации избыточного продукта (с учетом урожайности, близкой к современной).

Первичным звеном утилизации избыточного продукта, который появляется в этот период в славянских общинах открытого типа, является полюдь. Именно русы, как основа дружины Рюриковичей и становится главным организатором этого процесса. Следует обратить внимание, что изъятие избыточного продукта (именно избыточного) проводилось на основе взаимного согласия. К тому же во время полюдья князь выполнял полицейские и судебные функции [4, с. 62]. Конфликт, который возник у Игоря с древлянами, был связан с тем, что князь грубо нарушил существующие на тот момент законы ойкумены.

Затем собранные продукты нужно было переправить на рынки Константинополя путем мучительного и страшного, невыносимо тяжелого плавания по Днепру по словам Константина Багрянородного [57, с. 280]. Следует отметить, что договор от 907 г., заключенный Олегом с Византией, носил в первую очередь торговый характер [53, с. 280]. Купцы, приезжавшие в византийскую столицу, мало чем отличались от воинов [55, с. 154]. Все эти мероприятия носили жизненно необходимый характер для существования ойкумены и составляющих ее племен [40, с. 11].

Рассмотрим теперь ойкумену уже Киевской Руси на основе ее архетипа. Архетип в данном случае мы рассматриваем как совокупность базовых институтов и социальных явлений, определяющих специфику данного типа ойкумены.

Следует сразу обратить внимание, что сознание человека того времени носило в своей основе сакральный (языческий) характер. Даже когда Киевская Русь приняла христианство

[43, с. 69]. Реально, христианство скользило по поверхности древнерусского общества [17, с. 277]. Культ христианского бога рассматривался как один из существующих на Руси культов, наравне с культами языческих богов [11, с. 193]. Во время бедствий в общественном сознании оживали, срабатывали языческие обычаи, определяющие поведение людей [60, с. 185]. В частности, случаи разграбление имущества неугодных князей и приближенных к ним бояр, регулярно случавшиеся в течение XI – XII веков, следует рассматривать как форму архаического института потлача [60, с. 186].

Сакральность сознания проявила себя в антропоморфном восприятии государства и княжеской власти. Материально воспринимаемая власть как бы состояла в родовом имуществе Рюриковичей и ею они могли распоряжаться, так же как и другими видами имущества [27, с. 151]. Антропоморфная концепция государства, в которой князь голова, а народ тело, присутствует в «Слове о полку Игореве» [56, с.15].

Антропоморфность княжеской власти заключалась также в посажении правящим князем своих сыновей в стратегически важных городах ойкумены [42, с. 132], как правило, в центрах бывших племенных княжений [48, с. 34]. Сыновей князя здесь следует рассматривать как части его телесной личности.

Пребывание князей как представителей рода Рюриковичей, обладающего сакральной харизмой, можно рассматривать как формирование и поддержание сакральной составляющей ойкумены, как сакральное освоение территории. Важным моментом здесь было устранение племенных князей (не обязательно физическое) [48, с. 34]. Тем самым Рюриковичи превращались в единственный княжеский род обладающий монополией на власть, в единственный источник сакральной силы [56, с. 22]. В Киевской Руси политическая воля, находившаяся в синкретическом единстве с сакральной волей (силой), носила родовой характер. В отличие от собственно феодального периода, князь проявлял свою политическую волю как представитель рода Рюриковичей, а не как самостоятельная личность.

Главной опорой князя была дружина [44, с. 185]. Дружина жила вне общины и по своим законам. Можно сказать, что между нею и князем существовала органическая связь. В то же время в феодальной Европе отношения между сеньором и вассалом носили политико-правовой характер. И сеньор и вассал являлись автономными личностями. Дружину можно назвать частнопрововым союзом, построенным на общности очага и хлеба (в сакральном понимании) [44, с. 190], как корпорацию профессиональных воинов [15, с. 109].

В начале XI начинается процесс формирования городской гражданской общины. В Правде Ярослава из 17 статей 10 посвящены правам личности члена городской общины. Формируется соответствующий тип сознания, который воспринимал службу князю как рабство [43, с. 73]. В социальном сознании происходит выделение физического труда. Личный труд свободным мужем воспринимался как признак подчинения.

Происходит заметная имущественная дифференциация. Имущество становится принадлежностью не патронии, а малой семьи. Члены городской общины, которые не могут исполнять свои гражданские обязанности, не имеют для этого достаточного имущественного ценза, превращаются в изгоев. Изгой – лица выбитые жизнью из тех или иных обычно-правовых союзов. Изгой – это холопы, вышедшие на волю путем выкупа, а также свободные люди, потерявшие свое положение вследствие материального разорения. Все они находились под защитой князя [44, с. 414]. Изгой оказывался за пределами общины. Однако благодаря опеке князя изгой снова становился частью правовой системы [61, с. 182].

Само холопство было следствием обнищания [59, с. 110]. Холопов следует отличать от челядинцев. Челядничество формировалось за счет рабов-пленников и полностью зависело от князя и его дружины [60, с. 95]. Посаженные на землю рабы-пленники становились смердами.

В княжеских селах смерды обычно разводили лошадей и производили все, что нужно для нормальной жизни князя и его дружины [59, с. 121-122].

Во второй половине X в. происходит упадок городищ, которые были основой предыдущей ойкумены. Протогорода, которые населяли воины-купцы и ремесленники, были связаны с торговыми путями (торговой ойкуменой). С формированием ойкумены нового типа рядом со старыми торговыми городищами появляются города нового типа. Новгород, Смоленск, Ярославль, Ростов не стали прямыми приемниками Рюрикова городища, Гнездова, Тимирева, Сарского городища [16, с. 51]. Т. е. ойкумена нового типа в X в. формируется на совершенно иной основе и не является продолжением старой, которая по отношению к новой носит инадаптивный характер.

Следует обратить внимание на очень важный момент. Любой город населялся находниками – людьми со стороны. Новгород это не город словен, также как Киев не город полян [34, с. 60]. Т.е. в городе, в рамках городской общины, отсутствовали связи и, соответствующий тип сознания, характерные для традиционных социумов.

В начальный период формирования Новгорода основу общины мужей составляли главы патроний, которые назывались боярами. Бояре – члены вечевого общины, которые основали город и были его первыми поселенцами. Однако, большую часть населения города составляли люди, которые были вне вечевого общины и находились в юрисдикции князя [3, с. 102-107]. Со временем большая часть городских «изгоев» приобретают статус полноправных общинников.

Просматривается полная аналогия с процессом развития римской общины. Сначала права имеют только первопоселенцы – патриции, в отличие от неполноценных плебеев. Плебеи находились под патронатом и опекой римского царя, который также как и князь был человеком со стороны. В республиканский период плебеи постепенно становятся полноправными гражданами римской общины.

Во второй половине XI в. набирает силу городская община. Развиваются и крепнут ее организационные структуры. Происходит общинная революция [31, с. 23]. В этот же период новгородское боярство представляет собой корпорацию, которая служит не князю, а самим себе, своей корпорации [10, с. 450]. У любой социальной структуры корпоративного типа внутренние интересы всегда доминируют над внешними. В Киеве местные бояре появляются в начале XII в. [15, с. 107].

Все большее значение приобретает договор (ряд), заключаемый городской общиной с князем. Нарушение договора князем приводит к его изгнанию [31, с. 22]. Усиливается влияние вечевого собрания [15, с. 158]. Князь все больше зависит от города. Вместо дани с покоренных племен основным средством существования князя и его дружины становится кормление за счет города, судебные штрафы, торговые пошлины [60, с. 198].

В XII веке начинают проявлять себя процессы отчуждения. Это касается и дружины, которая приобретает определенную автономию [44, с. 207], и бояр, начинающих активно участвовать в политической жизни. В Галичине и Волыне бояре участвуют в военных действиях, сменяют князей в своих интересах [31, с. 609-611]. В XIII в. происходит упадок общин и усиление княжеской власти, но уже на новой основе. На смену понятия дружина приходит термин «бояре и слуги» [17, с. 296].

Здесь мы переходим к очень важному вопросу – проблеме феодализма в Киевской Руси. Большинство специалистов считает, что на Руси уже существовал феодализм. Основная дискуссия касалась степени его развития. В то же время часть ученых, в первую очередь И.Я. Фроянов и его ученики, рассматривали этот период как дофеодальный.

Мы рассматриваем феодализм как этап исторического развития [25, с. 25]. Переход от одного этапа к другому всегда происходил революционным путем. Революции, как особое со-

стояние общества, сопровождались качественными изменениями во всех сферах социально-политической жизни, в первую очередь в «голове». Один тип социального сознания сменялся другим. На смену старому архетипу (базису) социальной организации приходил принципиально новый.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития социумов нового типа [24, с. 17].

После гибели Римской империи и других постархаических цивилизаций начинается третий виток исторического развития. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские племена и их объединения исторически к этому отношения не имели. То же самое относится к реликтам романского населения.

Регулярные «перетряски» населения в предшествующий период, отягощенные регулярными набегами норманнов, привели к появлению общин, лишенных и варварского и латинского сознаний. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность.

Что касается Меровингов и ранних Каролингов, то здесь мы имеем не ранний феодализм, а процесс феодализации, когда появляются отдельные внешние признаки характерные для феодализма. Феодализм как система утверждает себя только после феодальной революции в районе IX – X веков.

В Киевской Руси мы как раз и имеем процесс феодализации. Феодализм как система появляется уже в рамках Московского государства [27, с. 156]. Клан Рюриковичей как политический субъект, с одной стороны, и городские общины – с другой, в XIII в. уже не имели какого-либо потенциала развития.

Формирование нового типа сознания происходит в рамках революционного периода. Для Руси (России) феодально-революционный период начался в 1262 г., когда Александр Невский вместе с татарским войском жестоко подавил восстание городских общин Северо-Восточной Руси против баскаков. Закончился революционный период уже при Иване III с присоединением к Московскому государству последних реликтов старой Руси – Новгорода и Пскова.

Библиографический список

1. Алексеев С.В. Великое расселение славян. 672 – 679 гг. М.: Вече, 2015. 352 с.
2. Алексеев С.В. Праславяне. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Академический проект. 2015. 430 с.
3. Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV веков // Советская археология. 1974. № 3. С. 100-111.
4. Асонов Н.В. Эволюция социально-политических представлений в Домонгольской Руси. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 135 с.
5. Васильев И.А. Следует ли начинать этническую историю славян с 512 г. // Славяноведение. 1992. № 2. С. 3-20.
6. Васильева Н.И. Русь и варяги // Русь и варяги. Новый взгляд на историю Европы и Руси. М.: Метагалактика, 1999. С. 7-202.
7. Винников А.З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром // Советская археология. 1990. № 3. С. 124-137.
8. Виноградов А.Е. Происхождение Руси. Латинская теория. М.: Триада, 2014. 142 с.
9. Гадлю А.В. Тмутараканские этюды. II. (Держава Инала и его потомков) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 3. С. 9-20.
10. Горский А.А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М.: Прометей, 1989. 124 с.

11. Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
12. Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь. М.: Русская панорама, 2015. С. 245-500.
13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
14. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М.: Ди-Дик, 1994. 480 с.
15. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII). М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
16. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X – XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 43-60.
17. Дворниченко А.Ю. Зеркала химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия, 2014. 560 с.
18. Древняя Русь в свете зарубежных источников // под ред. Е.А. Мельникова. М.: Логос, 2003. 608 с.
19. Елисеев А. Древние русы: народ и каста // Русь и Варяги. Новый взгляд на историю Европы и Руси. М.: Метагалактика, 1999. С. 203-220.
20. Ермолова И.Е. Политика Византии по отношению к кочевникам в V–VI вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В.Т.Пашуто. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 72-78.
21. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С. 189-297.
22. Кондорский Б.М. Концепция ойкумены и законы биологического пространства // Природа и общество: общее и особенное. Социоестественная история. Вып. XXXV. М.: Энергия, 2011. С. 53-57.
23. Кондорский Б.М. Крым как периферия цивилизационной ойкумены // Человек и природа в пространстве и времени. Социоестественная история. Вып. XXXVI. М.: Энергия, 2012. С. 115-122.
24. Кондорский Б.М. Архаическая революция в Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16-28.
25. Кондорский Б.М. Феодальная революция в Китае (к постановке вопроса) // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2016. С. 24-40.
26. Кондорский Б.М. Историческое развитие китайской ойкумены в древности // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 20-35.
27. Кондорский Б.М. Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси // Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. VI Зиминские чтения. М.: Древлехранилище, 2017. С. 143-157.
28. Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 28-55.
29. Левченко М.В. Византия и славяне в VI–VII веках // Вестник древней истории. 1938. № 4(5). С. 23-48.
30. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 2008. 591 с.
31. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.
32. Майоров А.В. Традиция этнического сближения венедов и сарматов в свете данных современной археологии и этнографии // Россия и Удмуртия: история и современность. Ижевск: Изд-во Удм.ГУ, 2008. С. 186-191.
33. Мельникова Е.А., Петрухин А.Я. Название «Русь» в ранней этнокультурной истории древнерусского государства // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 2. М.: Наука, 1989. С. 42-55.
34. Милов А.Н. Первослово, или третья Русь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 504 с.
35. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М.: Восточная литература, 1963. 265 с.
36. Мирошниченко Ю.Р., Удик С.А. Русь-Украина: становление государственности. Т.1. К.: Ваклер, 2011. 780 с.
37. Михайлов С.М. От Рюрика до Святослава. СПб.: СПбГИПСР, 2014. 305 с.
38. Нечай Ф.М. Образование римского государства. Минск: Изд-во БГУ, 1972. 276 с.

39. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – XI вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.
40. Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первые ее правители // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 3-20.
41. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. М.: Гнозис, 1995. 320 с.
42. Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т.1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13-412.
43. Поляков А.Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального слоя // Вопросы истории. 2006. № 6. С. 67-86.
44. Пресняков А.Е. Княжое право древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
45. Рапов О.М. Знаки Рюриковичей и символ сокола // Советская археология. 1968. № 3. С. 62-69.
46. Санкина С.Л. Возвращаясь к норманнской проблеме // Этнографическое обозрение. 1998. № 2. С. 150-156.
47. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X века. М.: Мысль, 1980. 360 с.
48. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. 240 с.
49. Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 321 с.
50. Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.
51. Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.
52. Седов В.В. Славяне в римское время. М.: ИА РАН, 2003. 28 с.
53. Серяков М.Л. Одиссея варяжской Руси. М.: Вече, 2015. 320 с.
54. Темушев С.Н. Образование Древнерусского государства. М.: Квадрига, 2014. 208 с.
55. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Политическая литература, 1956. 152 с.
56. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность и идеология. К.: Наукова думка, 1992. 224 с.
57. Толочко А.П. Очерки начальной Руси. К-СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
58. Толочко П.П. Власть в Древней Руси. X – XIII вв. СПб.: Алтейя, 2011. 200 с.
59. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: ЛГУ, 1974. 157 с.
60. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М-СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.
61. Фроянов И.А. Рабство и данничество у восточных славян (VI – X вв.). СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 1996. 512 с.
62. Чупин Г.Т. Предистория и история Киевской Руси, Украины и Крыма. Харьков: Литера Нова, 2010. 720 с.
63. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.
64. Эрлихман В.В. Русы и варяги в Восточной Европе // Сборник русского исторического общества. Т. 8 (156). М.: Русская панорама, 2003. С. 169-173.

Сведения об авторах:

Кондорский Борис Михайлович - кандидат биологических наук, самостоятельный (независимый) исследователь, г. Донецк Украина. E-mail: bmkbbox@mail.ru

Историография

УДК 930.2

Г.Ю. Стародубцев

«ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД» НА АРХЕОЛОГИЮ И АРХЕОЛОГОВ (или ПОЧЕМУ В ЖЕРТВУ АПАТЕ И ЛИССЕ ПРИНОСИТСЯ АФИНА)

Аннотация: Статья посвящена С.П. Щавелёву и его «особенным» методам в изучении истории курской археологии и археологов, посвятивших свою жизнь исследованию древнейшего прошлого Курского края. В ней проанализированы серьезные ошибки в его публикациях, отмечены наиболее важные системные aberrации, существенно влияющие на объективное отражение действительности.

Ключевые слова: С.П. Щавелев, история археологии, историография, системные aberrации

G. Yu. Starodubtsev

"A special view" on archaeology and archaeologists (or why Athena is sacrificed to Apata and Lissa)

Abstract: The article is devoted to S.P. Shchavalev and his "special" methods in the study of the history of Kursk archaeology and archaeologists who devoted their lives to the study of the ancient past of the Kursk region. It analyzes serious errors in his publications, and highlights the most important systemic aberrations that significantly affect the objective reflection of reality.

Keywords: S.P. Shchavalev, history of archaeology, historiography, system aberrations

Есть в литературе такой жанр – «откровения старого еврея». По молодости человек держит себя в рамках приличия, какие-то общественные тормоза срабатывают против того, чтобы писать и говорить гадости, настоящие или выдуманные. Гадости, безусловно, в нашей жизни есть. Но достоинство человека в том и состоит, чтобы не выносить эти гадости на публику, не полоскать чужое грязное белье ради дешёвой популярности у недалеких читателей и слушателей. По умолчанию о таких вещах публично люди не говорят. Документ прочитать – пожалуйста, а выносить всё на потеху публике или для удовлетворения затаившихся внутри самого себя комплексов – никогда. Однако по достижении определённого возраста то ли из-за нереализованных юношеских комплексов, то ли от наступившего творческого бессилия внутренние тормоза ослабевают, и на свет выползают все затаённые обиды, которые хочется выплеснуть на окружающих.

Среди множества уважаемых историков и археологов, безусловно, встречаются специалисты различной степени образованности, талантливости, везучести, умения видеть и анализировать. Большинство из них, к сожалению, не оставили воспоминаний о своих учителях, соратниках, учениках, о себе. И дело даже не в том, что им нечего было сказать, или они не делали этого из ложного чувства скромности. Просто, зачастую, им было просто жаль времени, которое, по их мнению, нужно было успеть потратить на более важные дела.

Есть и те, кто оставил воспоминания, которые стали настоящими источниками для последующих поколений историков. Но есть, к сожалению, и те, кто, начав как скрупулезный и добросовестный молодой исследователь, постепенно скатился в грязное болото, выискивая лишь те обрывки полуправды, которые легко превратить в откровенную ложь.

В начале 1990-х годов на небосклоне отечественной историографии начала пульсировать новая звезда – Сергей Павлович Щавелёв. Получив в 1975 г. историческое образование в Курском государственном педагогическом институте и защитив в 1979 г. кандидатскую

диссертацию по философии, он начал активно заниматься историей курской археологии. Им были опубликованы обстоятельные исследования о курском археологе и краеведе Ю.А. Липкинге [21, с.213-219], об одном из первых исследователей археологических памятников Курской губернии А.И. Дмитрюкове [22, с.177-184], об известном российском археологе Д.Я. Самоквасове [19, с.221-235; 28, 1998], об истории изучения археологических памятников Курского края [23, с.4-6; 25; 26] и т. д. В 1990-е гг. неоднократно участвовал в работах Посемьской археологической экспедиции КГУ, в 1994 г. защитил докторскую диссертацию по философии, а в 2002 г. – докторскую диссертацию по истории (тема диссертации «Судьбы исторических древностей Южной России и их место в её провинциальной культуре XVII – XX веков»).

Видимо решив, что полученный опыт работы в качестве землекопа в экспедициях, а также имеющиеся две докторские степени позволяют «прирожденному историку» [44, с.376] заняться исследованиями в области изучения археологических источников и артефактов, автор опубликовал ряд статей. Однако эти публикации были достаточно прохладно и скептически встречены археологами из-за натяжек в выводах. Тем более что выбор тем для исследований у С.П. Щавелёва был относительно небольшой, что приводило к тому, что ряд идентичных статей с незначительными правками (а зачастую с практически одинаковыми названиями и содержанием) выходили в различных сборниках. В их числе работы о начале христианизации Курского Посеймья по данным археологии [18, с.236-242; 38, с.188-202; 39, с.94-109], о зооморфных остроконечниках с роменских памятников курского Посеймья [17, с.26-29; 24, с.45-52; 34, с.93-97; 37, с.185-193], о происхождении летописного Курска и новгородско-курских параллелях [6, с.261-271; 20, с.3; 27, с.33-38; Щавелёв, 2001. С. 83-90], о курских землях в ордынское время (Щавелёв, 2000а. С. 106-108; Щавелёв, 2000б. С. 3-31; 31, с.232-236), о камерных погребениях Гочевского курганного могильника [17, с.86-98] и другие.

Относительно темы о гочевских камерных погребениях хотелось бы высказаться особо. Еще в 1982 г. Е.А. Шинаковым [15, с.90-97] были выделены два камерных погребения из раскопанных Д.Я. Самоквасовым в 1909 г. (курганы I и IX) (Самоквасов, 1915а. С. 9, 11; Самоквасов, 1915б. Табл. IX, XII). Однако С.П. Щавелёв выделил еще 10 захоронений, из которых погребения X, XXXIII, LXVIII, XCVII, CXXVII он посчитал камерными, несмотря на несоответствие параметров классических камерных соотношений ширины/длины 0,6-0,7 соотношению размеров гочевских могильных ям 0,44-0,50, а также на отсутствие в них остатков деревянных конструкций. Относительно погребений XXVII, XX, XLV, LX, CXLII им было высказано предположение, что они были, вероятно, не в камерах, а в ямах (при соотношении ширины/длины 0,42-0,46), но здесь, по его мнению, имели место две фазы сходного обряда – первая по классическому «канону» камер, а вторая согласно «релятивистским» представлениям.

При анализе захоронений в ямах из раскопок Г.Ю. Стародубцева погребение кургана 29 в узкой могильной яме (соотношение ширины/длины 0,27) также отнесено к камерным погребениям на основании обнаруженных следов деревянного перекрытия ямы. Наличие же в насыпи кургана нескольких фрагментов раннекруговой посуды (находка которых было трактована С.П. Щавелёвым как скопление раннегончарной керамики) позволило ему датировать захоронение XI в. При этом сознательно была пропущена упоминание о находке в насыпи обломка круговой ангобированной керамики XII в. Находка же двух курганов-кенотафов (№№ 305 и 307) с обнаруженной в одном из них линзой коричневой материковой глины лежащей на слое погребенной почвы была расценена им как возможное «нераспознанное погребение камерного типа в стороне от курганной насыпи или глубже под ней».

Подобные выводы, сделанные автором свидетельствуют как о его слабых познаниях в области методики исследований погребальных сооружений, а так и о полном отсутствии опыта проведения таких работ, т.к. при проведении раскопок в обязательном порядке исследуется не только насыпь кургана, но и околокурганное пространство (на предмет выявления ровиков и других деталей погребального комплекса), а также осуществляется контрольный прокоп материка.

Упоминающееся выше скептическое отношение археологов к различным необоснованным выводам С.П. Щавелёва вызвало у него непреодолимое желание оболгать и опорочить всех, кто им был отнесен к категории «недруг». Для начала они были обвинены: в приглашениях в экспедиции деятелей антикварного рынка, «где они орудуют детекторами как бы на паях с профессиональными археологами», в сотрудничестве «археологов областного и районного масштабов с земляками-кладоискателями», в экспертизе и оценке вырытых браконьерами вещей для дальнейшей продажи на антикварном рынке, в скупке находок у кладоискателей, в экспонировании добычи торговцев антиквариатом на выставке в стенах Курского музея археологии, в организации шабашей «ассоциации знахарей» и поисков «физика-экстрасенса» на археологических памятниках [33, с.86-87].

Когда же на страницах журнала «Российская археология» в продолжении дискуссии о проблеме сохранения археологического наследия в нашей стране сотрудниками Курского государственного музея археологии было высказано недоумение тем, что «о положении дел в Курской области свидетельствовал материал, представленный С.П. Щавелёвым, человеком, в общем-то, далёким от проблем сохранения историко-археологического наследия, часто по своему трактуящим публикации в местной прессе», а также достаточно подробно была изложена ситуация с незаконными раскопками в Курской области и мерами, предпринимаемыми для их профилактики (на фоне мер по охране памятников археологии, принимаемых в других странах мира) [10, с.120-125], С.П. Щавелёв в ответ разразился серией публикаций о «постыдном сотрудничестве археологов Курской области с кладоискателями и представителями лжеисторической паранауки» [43, с.330], доходящего по его утверждению до братания курских и брянских археологов «с грабителями культурного слоя!..» [43, с.420], а также об экспертизе и частичной скупки находок кладоискателей для фондов музея [43, с.420, 423; 52, с.345-355]. В своем обвинительном порыве он договорился до такой оценки «Курские примеры всего сказанного про официальных и «чёрных» археологов настолько изобильны, что наша область выходит в лидеры среди регионов России по размаху подпольного археологического рынка», а также до обвинений курских музейщиков в наводке кладоискателей на археологические памятники – «Когда же тот же музейщик объявляет граду и миру, где именно надо искать клады, – это совсем другое и ... недопустимое. Ведь в фондах и нашего краеведческого музея находятся, и на витринах Курского областного музея археологии выставлены многие вещи, в том числе монеты и прочие ценности, где тоже указано, что они обнаружены на Ратском городище. Получается объявление: вот где зарыты сокровища, серебро и золото»¹ [48].

Дальше – больше. В ход пошли передергивания, граничащие с обычной ложью. Например, «кандидат исторических наук А. В. Зорин от лица директора и ученого секретаря Курского областного музея археологии высказал на страницах «Российской археологии»

¹ На сайте «Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года» в разделе «Статьи С.П. Щавелёва» (<http://old-kursk.ru/avtor/shavel.html>) имеется ссылка на публикацию статьи «Краеведческий музей и незаконный оборот древностей» в журнале «Российский археологический ежегодник», № 2, 2012. Однако в данном номере журнала такая статья отсутствует.

свою аргументацию в пользу того, что **учёным и музейным работникам необходимо общение с «чёрными археологами»**. Их доводы, по мнению С.П., сводятся к следующему: ради спасения для науки информации о ценных, нередко уникальных находках приходится консультировать грабителей, принимать на экспертизу их находки, не мешать их разрушительной деятельности (Стародубцев, Зорин, Шпилев 2004: 120–121)» [49, с.315; 52, с.346]. Или ещё один пример характерного для С.П. передергивания – «к ордынскому времени относится найденный там же (на территории Ратского археологического комплекса под Курском. – С. Щ.) полностью собранный из обломков чугунный котел диаметром 51 см» [52, с.353], который в следующем абзаце превращается в целый сосуд, для извлечения которого «с помощью металлодетектора» необходимо разрыть «целую яму в человеческий рост».

В своих обвинениях он дошел до того, что «приобретение и бесконтрольное использование металлоискателей в официальных экспедициях по открытым листам» также является одной из форм сотрудничества археологов и кладоискателей [43, с.420], что вновь свидетельствует о слабых познаниях С.П. Щавелёва как в законодательстве Российской Федерации, а так и в области методики полевых исследований. Ведь в ст. 45_2 Федерального закона от 25.06.2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» об этом прямо говорится: «1. Использование специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин в целях обнаружения объектов археологического наследия и (или) археологических предметов возможно исключительно при осуществлении археологических полевых работ, проводимых на основании разрешения (открытого листа).

2. Под специальными техническими средствами поиска в настоящей статье понимаются металлоискатели, радары, магнитные приборы и другие технические средства, позволяющие определить наличие археологических предметов в месте залегания».

Также об этом говорится в п. 3.15. «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации», утвержденного постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от «20» июня 2018 г. № 32, «применение металлодетектора не является самостоятельным методом исследования и допускается в комплексе с другими методами исследования в следующих случаях:

а) на разрушающихся участках объектов археологического наследия (пашнях, обнажениях, участках без дернового покрытия, склонах с переотложенным культурным слоем, памятниках, подвергшихся разграблению и иных подобных объектах) на глубину нарушенного слоя;

б) для предварительного обследования исследуемых площадей и объектов без изъятия предметов из слоя;

в) для проверки перебранного культурного слоя и грунта отвалов в ходе работ на объекте археологического наследия и после их завершения;

г) на полях сражений (при отсутствии на них объектов археологического наследия) со сплошной выборкой находок» [4, с.14]. Т. е. использование металлодетекторов в ходе проведения полевых археологических исследований официально разрешено!

Но остановиться автору оказалось уже невозможно. Что поделаешь, обида порою застилает глаза! И следующими шагами стало переиздание биографического словаря «Историки Курского края» (Курск, 2009), а также выпуск учебного пособия для аспирантов и соискателей ученой степени к экзамену кандидатского минимума «Этика и психология науки» (Курск, 2010), в которых каждому «досталось по серьгам». При этом ощущение собственной

близости к «закрытой касте» археологов¹ привело к тому, что С.П. Щавелёв стал запанибратски – снисходительно отзываться о тех археологах, с кем ему приходилось встречаться в экспедиции или на различных конференциях. Причем это он мог позволить не в ходе личного общения, а в собственных публикациях.

Например, в биографическом словаре «Историки Курского края» статьи о ряде исследователей грешат личностными оценочными суждениями, а также ложной информацией, что совершенно неприемлемо для данного рода издания². В качестве примеров: А.В. Григорьев – «уроженец г. Москвы, официального образования не имеет» [41, с.100]; Г.П. Григорьев – вел раскопки Авдеевской стоянки, но «назревшего обобщения соответствующих материалов предпринять оказался не способен» [41, с.101-102]; В.В. Енуков – постоянно сталкивается с дилеммой «сотрудничества, либо борьбы с «чёрными археологами», активно опустошающими памятники курской археологии при попустительстве и благосклонных консультациях своих находок со стороны археологов официальных» [41, с.115]; О.А. Щеглова – «специалист по волынцевским и «антским» древностям восточных славян и их соседей... соответствующих книг так и не подготовила, и вряд ли подготовит» [41, с.285]; Г.Ю. Стародубцев – ведет раскопки Гочевского археологического комплекса, но «применяемая при этом послойно-штыковая методика раскопок... выглядит сегодня устаревшей и слабоинформативной»³. Гочевская экспедиция под его руководством не сумела организовать действенную охрану реликтовых гочевских курганов от ежегодного разорения так называемыми «чёрными археологами»⁴ [41, с.241]; А.А. Чубур – для его деятельности «характерно причудливое сочетание незаурядной энергии и сомнительных приёмов полевой и кабинетной работы» [41, с.276]. Хотелось бы обратить внимание читателей «Словаря» на то, что подобные оценочные суждения касаются не только археологов, но и ряда курских историков и краеведов. Однако разбирать подробно все статьи не имеет смысла. Самым «важным» в данном издании является мнение и личное отношение автора к конкретным персонам. Именно поэтому на него внезапно нападает «забывчивость» на даты рождения археологов Н.А. Тихомирова и О.А. Щег-

¹ «Будучи землекопами, мы, тем не менее, оказались вхожи в командирскую палатку, пущены на периодические застолья» [51, с.47].

² Это отмечает во введении сам автор: «В словарно-энциклопедическом жанре не принято давать авторские оценки личности и творческого вклада удостоенных персональных статей лиц». Но далее сообщает, что «историографический замысел нашего издания идет наперекор этой вежливой (порой вплоть до лицемерия) традиции» [41, с.31].

³ И вновь мы имеем дело с дилетантством С.П. Щавелёва в области методики полевых исследований: «**4.18.** Археологические раскопки древних поселений всех видов (стоянок, селищ, городищ), а также стратифицированных затопленных поселений **ведутся по стратиграфическим (или литологическим) слоям или пластам.** Толщина пластов зависит от типа объекта археологического наследия, степени сохранности и насыщенности культурного слоя, но не должна превышать 20 см, а для памятников каменного века – 5 см. Желательно выдерживать толщину пласта в рамках постоянной величины. В случае если внутри пластов выделяются стратиграфические слои, пятна ям или сооружений, фиксация массового и индивидуального материала должна вестись в соответствии с ними. Нежелательно механическое объединение материала по пластам в целом, за исключением однородных нестратифицированных слоёв. Информация о принадлежности находок к определённому слою или комплексу должна быть отражена в описях находок [4, с.22].

⁴ В данном случае мы имеем перед собой попытку подмены автором функций органов охраны объектов культурного наследия по осуществлению мероприятий «государственной охраны объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, проведение которых отнесено настоящим Федеральным законом и законами субъектов Российской Федерации к полномочиям соответствующих органов охраны объектов культурного наследия» (Ст. 33.15. Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). Музеи (а тем более экспедиции музеев) этими полномочиями не наделены.

ловой, но при этом появляются статьи о художниках П.К. Лихине, Е.Е. Лансере, К.А. Трутовском и В.Г. Шварце, скульпторе В.М. Клыкове, «курском археологе» А.А. Федине – людях, чей вклад в изучение истории родного края весьма сомнителен, и т.д.

Если же мы заглянем в учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени к экзамену кандидатского минимума «Этика и психология науки», то увидим еще более красочные «опусы», на которых, по замыслу автора необходимо учиться начинающим учёным. В их числе: о музее-заповеднике «Куликово Поле» и его научном сотруднике А.В. Григорьеве¹ – «упомянутый музей в 2008 г. получил Государственную премию. Её размер теперь 5 миллионов рублей. В число лауреатов Г-в не попал, но ящик водки ему начальники музея обязательно выставят» [46, с.62]; о нечистых на руку археологах, уводящих часть денег «из бюджета археологических экспедиций (экономя на питании экспедиционеров, списанном давным-давно снаряжении и т.д.) или по другим статьям бюджетного финансирования науки»; или еще «вкуснее», о шантаже со стороны археологов заказчиков предпроектного изучения культурного слоя [46, с.50]; об альянсе представителей официальной науки и скупщиков краденого, когда «часть музейных работников и даже отдельные ученые вступили на скользкий путь сотрудничества с криминальными собирателями. Экспертиза их находок в музеях и университетах обменивается на информацию о криминальных поисках, на часть незаконно найденного» [46, с.71]; о курском археологе [В.В. Енукове], который «защитил докторскую, создал и возглавил региональный НИИ археологии», но «много курит..., физическая активность ограничивается прогулками с пуделем... да ходьбой на раскоп летом, в экспедиции (впрочем, и там он всё реже выбирается из командирской палатки). Довольно много пьёт, самые разные напитки, преимущественно крепкие; по поводу и без повода» [46, с.261]; о московском археологе Ю.Ю. Моргунове, который многие годы сочетал активную работу с запоями («правда, в итоге докторскую диссертацию он защитил на старости лет натуральной развалиной») [46, с.281]; и т.д., и т.п.

Не секрет, что археологи (как и люди других профессий) выпивают, но в названном учебном пособии это смакуется с особенным удовольствием (спившийся «за двадцать лет до своей физической кончины» В.И. Равдоникас, погибший по пьянке в День археолога Г.С. Лебедев, умерший в одиночестве из-за последствий пьянства директор Кунсткамеры И.С. Д-в², вынужденный уйти «по запойной причине» с работы в университете и в ИИМК РАН В. Б-н³) – «этот мартиролог жертв «зелёного змия» среди российских археологов, да и многих других учёных легко продолжать и продолжать» [41, с.281].

Все вышесказанное ярко свидетельствует о четырёх «смертных грехах» С.П. Щавелёва, которые непростительны для любого более-менее объективного исследователя. Первый грех – подмена жанра – состоит в том, что вместо обоснованных фактами положений используются рассуждения, пытающиеся навязать какую-нибудь собственную заманчивую идею. В этом случае вместо научного исследования на выходе получается беллетристика.

Например, в статье-рассуждении о находках, «относящихся к роменской и древнерусской культурам, имеющих предположительно медицинское или фармакологическое назначе-

¹ И опять автор допускает описку, на которую неспособен специалист-археолог, говоря об А.В. Григорьеве – «автор многих научных статей и двух монографий, посвященных IX-XI вв. в этнокультурной истории **Днепровского** Левобережья» (выделено нами. – Г.С.) [46, с.62].

² Игорь Васильевич Дубов (на самом деле его звали именно так, а не И.С. Д-в) был директором Российского этнографического музея.

³ Василий Александрович Булкин никогда не работал в ИИМК РАН, а был доцентом кафедры археологии Санкт-Петербургского университета, в котором проработал до своего выхода на пенсию.

ние» к числу таковых отнесены обереги (как языческие, так и христианские), «орнамент многих на ювелирных изделиях (перстнях, браслетах, подвесках, серьгах) – геометрический либо растительный, либо изображающий фигурки зверей, птиц, людей и т.д.)», и «предположительно *медицинские инструменты*: *ножи* миниатюрного размера, *пинцеты* (похожие на нынешние) могли использоваться как в косметологической, так и в хирургической практиках (удалять занозы, наконечник стрел из ран и т.п.); специально хирургические *ланцеты* – предшественники современных скальпелей и т.п. инструментов оперативной медицины; *копоушки* – своего рода ложечки для удаления серы из ушей, *цельнометаллические* ножи с воллютообразным навершием» [50, с.189-190]. Или о наградной практике князей Древней Руси, отмечавшими «своих дружинников – кто серебряными ложками в трапезной, кто первыми чеканами золотых да серебряных монет (не имевших хождения, а носившихся как медали)» [46, с.204]¹.

Второй грех – бездоказательные голословные обвинения – не нуждается в каких-либо комментариях, а относится к области юриспруденции (ст.128.1 УК РФ).

Грех третий – амикошонство – вытекающий из его собственной гордыни. Именно поэтому в его публикациях рождаются фантастические байки: о происхождении прозвища Н.А. Тихомирова – «Никсон» – из-за якобы портретного сходства с 36-м президентом США; про А.А. Чубура, который якобы по трассе «катил перед собой красный газовый баллон, а в руке нёс [мёртвого] гуся»; об А.А. Узянове, которому за поставленную в документе подпись шло возмещение «жидкой валютой», о К.Ф. Соколе, который не гнушался тем, что пропущенную находку, «чтобы скрыть грех», мог подбросить в культурный слой; о блужданиях в обнимку с «абсолютно пьяным» А.В. Кашкиным по «Курскому институту археологии» с целью прочтения табличек на дверях аудиторий («Отдел теории и методики», «Сектор историографии» и т.п.); о тотальных пьянках в экспедициях, по ходу которых студенты братаются друг с другом и с руководством экспедиции; о насильственном привозе А.В. Зорина в экспедицию «с целью перевоспитания»; о заклеенном сотрудниками музея слова «система» в названии выставленной в витрине книги А.А. Чубура «Система «человек – мамонт» в бассейне Сейма» («портрет автора смотрелся как живая иллюстрация «человека-мамонта»). Список подобных баек можно продолжать долго.

И, наконец, грех четвертый – стремление облить грязью также людей, физически уже не способных ответить автору ввиду собственной смерти – как, например, археологи В.А. Булкин (1945-2017), М.И. Гоняный² (1953-2020), А.В. Григорьев (1959-2017), Г.П. Григорьев (1937-2012), И.В. Дубов (1947-2002), Г.С. Лебедев (1943-2003), Ю.Ю. Моргунов (1948-2018), В.И. Равдоникас (1894-1976), А.А. Узянов (1947-2007). Это также говорит о «высоких» моральных принципах С.П. Щавелёва. Досталось даже *alma mater* – как историко - педагогическому факультету Курского государственного педагогического института («вполне гитлерю-

¹ А уж за это «открытие» у славян следов каннибализма («После того, как под влиянием христианства славяне перестали сжигать своих покойников и постепенно, за два-три (в зависимости от региона) века перешли к обряду трупоположения, по некоторым из сохранившихся в курганах скелетов антропологи могут поставить окончательный диагноз: пережитые в результате голодовок, изнурительного труда, требующего повышенной физической активности; залеченные при жизни травмы, раны; некоторые хронические заболевания (вроде артрита), или же причины смерти (проломленные или порубленные кости, застрявшие в них наконечники стрел и т.п., вплоть до пугающе частотных следов каннибализма [1, с.28-29; 13, с.98])») С.П. Щавелёву впору при жизни поставить памятник. Особенно учитывая то обстоятельство, что ссылается автор на статьи, посвященные палеолиту.

² Рассылка с заголовком «Почти чёрный археолог» (10.07.2020, 20:41, "Щавелев Сергей" <sergej-shhavelev@yandex.ru>:) по ряду адресов электронной почты сообщения ГИМа о смерти М.И. Гоняного.

гендовское марширование под барабан студентов в синей форме»), так и декану факультета («Много, много позднее, кое-что осознав, я, грешным делом, написал эпиграмму «На факультете формы красивые. / Это вам скажет любой. / Галстуки красные, блузы синие, / Только декан голубой...» [44, с.371]).

Долгое время, читая опусы этого автора, ловил себя на мысли о том, что когда-то нужно ответить на все эти пасквилы, чтобы у последующих поколений не сложилось превратного впечатления о моих современниках. Но... было безумно жаль тратить на это время, которое можно с гораздо большей пользой посвятить занятиям **настоящей** наукой. Поэтому все годы занимал позицию «собака лает – караван идет». Да и вступать в полемику со С.П. Щавелёвым (пусть даже в защиту истины), на наш взгляд, дело неблагодарное. Хотя бы потому, что, надеяться на то, что: 1) случится *μετάνοια* – бессмысленно; 2) буду понят – тем более. При этом получение в ответ изрядной доли грязи и лжи гарантировано. Также как бесполезно пытаться объяснить «остепенённому» дилетанту то, что заниматься археологией в качестве хобби (при отсутствии системного археологического образования и практики), по крайней мере, нелепо¹.

Однако, в конце концов, решился воспользоваться советом самого С.П. Щавелёва – «иной раз надо прервать пелену глухого молчания и на клевету ответить гласно, с трибуны, в печати. Сказать правду, и будь что будет» [46, с.219]. При этом, несомненно, было несколько опасений. Во-первых, была вероятность соскользнуть в этой статье на одну с ним плоскость, оказаться на одном поле сведения личных счетов или нереализованных амбиций (иногда складывается впечатление, что это тактика С.П. – опубликовать новый пасквиль и разослать его в различные адреса с целью ожидания того, что кто-нибудь ответит – и тогда появиться очередная тема, которую можно долго мусолить²). А играть по этим правилам – выше моих сил. И, во-вторых, очень не хотелось бы, чтобы эта публикация воспринималась, как попытка оправдаться в том, в чём не виновен.

Но всему приходит предел. Когда-то и кому-то необходимо сказать правду и о нём (*pourquoi pas!*), иначе пройдет 50 лет, и о нас будут судить по публикациям «белого и пушистого» Щавелёва, а он сам, похоже, избежит этого.

Очень жаль, что наше разобщённое научное сообщество не часто находит в себе сил и мужества высказать этому автору своё мнение о нём, как в своё время было высказано А.А. Формозову на страницах журнала «Российская археология» [2, с.176-177; 5, с.173-176; 7, с.169-173; 12, с.177-181; 13, с.165-169]. Лишь в конце 2000-х годов этим же журналом был отклонен очередной вариант статьи С.П. Щавелёва «Областная археология в чёрно-белую

¹ Именно в этом случае и появляются подобные советы С.П. Щавелёва: «Паспортизировать памятник археологии возможно только благодаря точечной, я бы сказал, снайперской шурфовке. Например, для городища это должна быть шурфовка основания вала. Она должна дать опорную стратиграфию и примерную датировку основных культурных напластований поселения». Или легкость в решении проблемы распространения кладоискательства: «Поймать «чёрных археологов» за работой и привлечь к суду сейчас позволяет законодательство об охране памятников. Была бы **воля археологов** объяснить правоохранительным органам важность этой задачи, их перспективность для полиции, ФСБ и Национальной гвардии». Или рассуждения о целесообразности проведения новых полевых исследований: «руководители музея каждый год раскапывают ещё несколько погребений, ещё кусочек поселения. Новой информации такие микрораскопки вряд ли принесут. Ещё десяток типичнейших пряслиц, несколько ножиц, черепов да пару лунниц, других украшений; если повезёт, ещё монетка.... Без прямой и оперативной связи с исторической наукой раскопки сегодня уже не нужны. Если их продолжать такими же примитивными методами (на штык лопаты с выборкой вещей, планы и профили квадратов), то в обозримом будущем копать в Центральной России уже будет нечего».

² Как, например, собранная в один файл и разосланная на ряд адресов электронной почты в конце июня 2020 г. частная переписка с В.В. Енуковым о термине «Посемье».

полоску (О разграблении курских памятников археологии в 1990 – 2000-е гг.)», который был им позднее неоднократно продублирован [45, с.146-149; 49, с.314-320].

Завершая, хотелось бы привести строки из книги «Человек и наука» одного из основоположников изучения истории археологии в России А.А. Формозова, которого С.П. считает своим учителем [46, с.17-18], «если я к чему-то призываю, то не к борьбе, а к трезвому взгляду на жизнь, к постоянному контролю над низменными сторонами человеческой натуры. Для каждого исследователя обязателен жёсткий самоконтроль. Ошибся – признайся в этом. Не стремись захватить столько, сколько не в состоянии переварить» [11, с.221].

Библиографический список

1. Бужилова А.П. К вопросу о причинах смерти взрослого сунгирца (в контексте погребального обряда верхнепалеолитического захоронения с учетом антропологических источников) // Труды II (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб – М. – Великий Новгород, 2011. С.28-29.
2. Герасимова М.М. «Филькина грамота» А.А. Формозова (письмо в редакцию) // РА. № 3. 2006. С. 176-177.
3. Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курский край: Курск: история города от средневековья к новому времени: X – XVII века. Научно-популярная серия в 20 томах. Т. 4. Курск, 1999.
4. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации (Утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от «20» июня 2018 г. № 32). М., 2018.
5. Молодин В.И. Человек, наука и Формозов // РА. № 3. 2006. С. 173-176.
6. Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П. «Куреськ на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997. С. 261-271.
7. Савинов Д.Г. О «юбилейных» книгах А.А. Формозова // РА. № 3. 2006. С. 169-173
8. Самоквасов Д.Я. Атлас Гочевских древностей. М., 1915.
9. Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. М., 1915.
10. Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Шпилев А.Г. О проблеме сохранения археологического наследия // РА, № 1. 2004. С.120-125.
11. Формозов А.А. Человек и наука. М., 2005.
12. Черных Е.Н. Об «историографической» серии книг А.А. Формозова: литературно-психологические ассоциации // РА. № 3. 2006. С. 177-181.
13. Чубур А.А. Новая палеоантропологическая находка на Новгород-Северской верхнепалеолитической стоянке (Средняя Десна) // Труды II (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб – М. – Великий Новгород, 2011. С. 98.
14. Шер Я.А. О некоторых особенностях освещения новейшей истории российской археологии // РА. № 3. 2006. С. 165-169.
15. Шинаков Е.А., 1982. Население верхнего течения р. Псёл в XI - XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Сер. 8. История, № 2. М., 1982. С. 90-97.
16. Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Камерные погребения Гочевского некрополя на Верхнем Псле // Приложение в кн.: Чернышев А.А., Чернышев А.С. Верхний Псёл (река Псёл в Курской и Белгородской областях). Курск, 2001. С. 86-98.
17. Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Камерные ингумации Гочева: юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця 17-20 липня 2003 р.). Чернігів, 2003. С. 194-200.
18. Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Крест и лунница: археологические свидетельства христианизации летописных северян Курского Посеймья в X–XIII вв. // Христианское наследие Византии и Руси. Сб. материалов II Международной конференции «Церковная археология: изучение, реставрация и сохранение христианских древностей» (Симферополь, 2002). Симферополь, 2003. С. 236-242.

19. Щавелёв С.П. Эпизоды истории русской археологии (к 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) // РА. № 1. 1993. С. 221-235.
20. Щавелёв С.П. «Куреськ на Тускоре»: происхождение названия и возраст города // Городские известия. 14 ноября. № 135. 1995. С. 3.
21. Щавелёв С.П. Последний романтик краеведческой археологии. // РА. № 3. 1995. С. 213-219.
22. Щавелёв С.П. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820-1830-е годы // РА. № 4. 1996. С. 177-184.
23. Щавелёв С.П. Обреченный арьергард: курские краеведы 1920–30-х годов и разгром провинциальной археологии в Советской России // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы региональной научно-практической конференции. Белгород, 1996. С. 4-6.
24. Щавелёв С.П. Образ змея-дракона в эпической мифологии и его археологическая реплика — зооморфные остроконечники из круга дружинных древностей Восточной Европы // Юдинские чтения—96. Курск, 1996. С. 45-52.
25. Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск, 1997.
26. Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-1910-е годы. Курск, 1997.
27. Щавелёв С.П. «Северяне от кривичей»: новгородско-курские параллели как примечание к летописной формуле // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Новгород, 1997. С. 33-38.
28. Щавелёв С.П. Историк Русской земли: Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998.
29. Щавелёв С.П. Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 106-108.
30. Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь третья. Курск, 2000. С. 3-31.
31. Щавелёв С.П. Курск на Ловати и Курск на Тускари: историко-археологический комментарий к топонимическому дубликату // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13-15 ноября 2001 г. Великий Новгород, 2001. С. 83-90.
32. Щавелёв С.П. Викинги на юго-востоке Руси (по находкам скандинавских древностей на земле летописных северян) // I Северный Археологический конгресс. Новосибирск, 2002.
33. Щавелёв С.П. [Выступление на заседании редакционной коллегии и редакционного совета журнала:] «Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология»» // РА. № 4. 2002. С. 85-89.
34. Щавелёв С.П. Зооморфные острия с роменских памятников Курского Посеймья // Деснинские древности. Вып. 2. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа Ф.М. Заверняева. Брянск, 2002. С. 93-97.
35. Щавелёв С.П. Курская тьма в составе Золотой Орды // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 232-236.
36. Щавелёв С.П. Дракон в руках богатыря (Зооморфные остроконечники из круга дружинных древностей Восточной Европы I тыс. н. э.) // Уваровские чтения-IV. Богатырский мир: эпос, миф, история. (14–16 апреля 1999 г.). Муром, 2003. С. 26-29.
37. Щавелёв С.П. Зооморфные остроконечники из состава дружинных древностей Европы VIII–XI вв. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного

- польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця 17-20 липня 2003 р.). Чернігів, 2003. С. 185-193.
38. Щавелёв С.П. Лунница и крест (начало христианизации Курского Посеймья по данным археологии) // Деснинские древности. Вып. III. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвящённой памяти брянского археолога и краеведа ... Ф.М. Заверняева. Брянск, 2004. С. 188-202.
 39. Щавелёв С.П. Лунница и крест: христианизация Юго-Востока Руси (По материалам Курского Посеймья) // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Сб. статей. Воронеж, 2005. С. 94-109.
 40. Щавелёв С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930-1931 годов (Курский «филиал»). Курск, 2007.
 41. Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь // Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 1-288.
 42. Щавелёв С.П. Курские клады: мифы и реальность (Рец. на кн. В.А. Бердинских. История кладоискательства в России. М.: «Захаров», 2005. 240 с.) // Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 323-332.
 43. Щавелёв С.П. Областная археология в чёрно-белую полосу (О разграблении курских памятников археологии в 1990 – 2000-е гг.) // Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 418-424.
 44. Щавелёв С.П. Факультет разных вещей (Вспоминая испед) // Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 371-376.
 45. Щавелёв С.П. Областная археология в чёрно-белую полосу (О разграблении курских памятников археологии в 1990 – 2000-е гг.) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова. Рязань, 2010. С. 146-149.
 46. Щавелёв С.П. Этика и психология науки. Дополнительные главы курса истории и философии науки. Учебное пособие для аспирантов и соискателей ученой степени к экзамену кандидатского минимума. Курск, 2010.
 47. Щавелёв С.П. Власть археологии и археология власти (Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с. // Российский археологический ежегодник / Под ред. Л. Вишняцкого. № 2. СПб., 2012. С. 765-780.
 48. Щавелёв С.П. Краеведческий музей и незаконный оборот древностей // <http://old-kursk.ru/events/sh130314.html>, 2012.
 49. Щавелёв С.П. Областная археология в чёрно-белую полосу. О разграблении курских памятников археологии в 1990 – 2000-е гг. // Дань Мнемозине: Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990 – 2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. Кн. 1. Курск, 2013. С. 314-320.
 50. Щавелёв С.П. Медицинская археология (этюды на славяно-русских материалах) // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1. Брянск, 2016. С. 189-194.
 51. Щавелёв С.П. Почему Стива? // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк, 2017. С. 47-49.
 52. Щавелёв С.П. Российская археология в черно-белую полосу (развивая критику Л.С. Клейном незаконной добычи древностей и уточняя отношение к ней дипломированных археологов) // Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2017. С. 345-355.

Сведения об авторе:

Стародубцев Геннадий Юрьевич – кандидат исторических наук, директор, Курский государственный областной музей археологии. 305001, г. Курск, ул. Пионеров, 6. Россия. E-mail: arch1962@mail.ru

ГЛАВНАЯ ЗАГАДКА СМУТЫ: ТАЙНА ЛИЧНОСТИ САМОЗВАНЦА

Аннотация: Следует констатировать ущербность корпуса источников, касающихся как предполагаемого убийства царевича Дмитрия в Угличе, так и освещающих возможное происхождение Самозванцев. Серьезные и обоснованные сомнения вызывает каноническая для советской и постсоветской историографии версия, что первый Самозванец был монахом-расстригой Григорием Отрепьевым. Анализ и синтез имеющихся сведений позволяет утверждать, что первый Самозванец был искренне уверен в своем царственном происхождении. Менее вероятно, что он действительно был спасенным и воспитанным на чужбине царевичем. Более обоснована версия, что некий юноша был тайно воспитан как «царевич Дмитрий» внешней или внутренней оппозицией Бориса Годунова как претендент на престол. Самозванец стал весьма перспективным правителем-реформатором, однако его деятельность была прервана заговором и безвременной гибелью. Компаративно-исторический анализ деятельности Дмитрия и Петра I демонстрирует сходство их реформ по многим параметрам. Объясняться это может тем, что перед обоими правителями стояли по сути дела сходные объективные задачи. Второй Лжедмитрий («Тушинский вор») остается личностью не менее загадочной, однако, в отличие от Первого Самозванца, несамостоятельной, не имеющей ни программы реформ, ни образования и воспитания. Именно он - случайная фигура, авантюрист, политик-дилетант, вознесенный судьбой на одну из вершин власти и использовавшийся разными политическими силами.

Ключевые слова: Смута, Борис Годунов, царевич Дмитрий. Самозванец, Тушинский вор

Novikova A.E. The main mystery of the Troubles: The Mystery of the Personality of Impostor

Annotation: The damage to the corps of sources relating to both the alleged killing of Tsarevich Dmitry in Uglich, and cover the possible origin of the self-shirts. Serious and reasonable doubts cause canonical for the Soviet and post-Soviet historiography version that the first impostor was the monk-listing Gregory Otrepiev. Analysis and synthesis of available information suggests that the first impostor was sincerely confident in its royal origin. It is less likely that he was really saved and brought up in a foreign prince. The version is more substantiated that a certain young man was secretly brought up as "Tsarevich Dmitry" by the external or inner opposition of Boris Godunov as an applicant for the throne. The impostor became a very promising ruler-reformer, but his activity was interrupted by plotting and untimely death. The comparative historical analysis of the activities of Dmitry and Peter the Great demonstrates the similarities of their reforms in many parameters. This can be explained by the fact that there were similar objective tasks in front of both rulers. The second Lia-Dmitry ("Tushinsky Vor") remains a person's no less mysterious, however, in contrast to the first impostor, no independent, which does not have a reform program or education and education. It was he - a random figure, an adventurer, a politician-amateur, ascended by fate on one of the vertices of power and used by various political forces.

Keywords: troubled, Boris Godunov, Tsarevich Dmitry. Impostor, Tushinsky Vor

1. Затянувшийся транзит и «кровавые мальчики»

«- Убивал?

- Ну что вы! - засмеялась коза. - Лично – никогда».

Аркадий и Борис Стругацкие «Сказка о Тройке»

Чтобы прикоснуться к тайне личностей Самозванцев – хотя бы самых известных Первого и Второго – для начала необходимо попытаться выяснить, что произошло с реальным царевичем Дмитрием в Угличе. Ведь именно его личность «взяли на вооружение» многочисленные самозванцы. А значит нельзя не вспомнить и про его отца, деяниями которого страна сначала «приросла» территориями, а затем была разорена и опустошена опричными куражами, крымскими набегами и безнадежно затянувшейся и проигранной Ливонской войной. Иван IV был не единственным «грозным» царем в русской истории. Прижизненно «Грозным» называли его деда, Ивана III, который, помимо того имел еще прозвища «правосуд» и «великий». В итоге, в историографии за Иваном III закрепилось прозвище «великий» (как и за известной кремлёвской колокольней), а «грозным» для историков и для народной молвы стал его жестокий внук. При жизни Ивана IV «Грозным» не величали. Для современников нередко он был «Иваном-мучителем» [10]¹. Руслан Григорьевич Скрынников,

¹ Цифровая версия под заголовком «Иоанн Грозный – для современников Иоанн Мучитель» на миссионерско-апологетическом портале «К истине». URL: <https://k-istine.ru/pseudoconfession/pseudoconfession-022.htm>

виднейший исследователь жизни и деяний Ивана Грозного писал, что в источниках XVI века прозвище «Грозный» по отношению к этому царю вообще не встречалось. Скорее всего, царь получил его, когда стал героем сложившихся уже спустя десятилетия после его кончины исторических песен [32], то есть, вероятно, в период Смуты, о котором мы и ведем речь в нашем исследовании. Тогда многочисленные и страшные по масштабам и уровню зверств злодейства царя-тирана стали стираться в народной памяти (часто эта самая «народная память» бывает чрезмерно коротка, что в итоге служит злую службу ее носителям) и начал формироваться во многом фантастический образ сурового государя, наводящего в стране порядок, этакой крепкой руки, возвращения которой многие стали подсознательно желать на фоне голода, лишений, войны Смутного времени. Так рождаются «прекрасные» исторические мифологемы, тешащие души сторонников «ультраохранительных» параисторических концепций. Психология.

Смертны даже самые жестокие тираны. С кончиной Ивана IV, как всегда бывает в подобных ситуациях, выяснилось, что тирана заменить нечем и созданная им система управления страной устоять не может. В Московском Царстве развернулся транзит власти. Хотя престол по наследству, как и полагается, занял единственный уцелевший взрослый сын Ивана – Фёдор, реально страной он не управлял, будучи личностью слабой, безвольной, зависимой, страшющейся любых действий, да к тому же еще и чрезмерно религиозной. Естественно между наиболее влиятельными боярами из окружения прежнего царя – Годуновым и Шуйским – развернулась борьба за «генеральное» влияние на нового, на сей раз слабого государя, а по сути дела – за реальную власть в оставшейся без жесткого руководства стране. Польский посол в Москве Л. Сапега в депеше от 10 июля 1584 г. писал своему королю: «Между вельможами раздоры и схватки беспрестанные; так и нынче, сказывали мне, чуть-чуть дело не дошло у них до кровопролития, а государь не таков, чтоб мог этому препятствовать» [8, с.109-110].

Незадолго до кончины Иван IV, предчувствуя скорую смерть, создал регентский совет, который помогал бы властвовать его слабоумному сыну Фёдору до совершеннолетия (и соответственно восшествия на престол) живущего в Угличе младшего царевича – Дмитрия. В этот совет царь ввел пятерых приближенных бояр: дядю царя Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, князя Ивана Федоровича Мстиславского, князя Ивана Петровича Шуйского, Богдана Яковлевича Бельского и, наконец, Бориса Федоровича Годунова [31, с.16-17]. Первый член совета вскоре тяжело заболел и, приняв монашество, скончался. Борис Годунов, менее знатный, оказался при этом в наибольшей степени приближен к царю и имел на него большее влияние уже потому, что его сестра Ирина была женой Фёдора Иоанновича (сам же Борис был женат на дочери палача-опричника и храброго воина, сложившего голову на Ливонской войне – Малюты Скуратова). Было ясно, что устроив разрыв между царём и его супругой, влияние Годунова можно ликвидировать. И в 1586 г. Шуйские с помощью митрополита Дионисия попытались развести царя Фёдора с Ириной Годуновой. Попытка провалилась и Борис Годунов удержался у власти, а вот Дионисий лишился статуса митрополита, а часть других участников заговора поплатилась ссылкой и пострижением в монахи. Годунов, развивая победу, с провокационной целью поручил Ивану Петровичу Шуйскому судить местническое дело печатника Алферьева с Ф.Л. Лошаковым-Колычёвым, а затем обвинил Шуйского в том, что тот судил в пользу своего близкого Колычёва, и на этом основании сослал в Кирилло-Белозерский монастырь, вслед за уже отправленным туда ранее Иваном Мстиславским, скончавшимся двумя годами ранее под именем монаха Ионы [40]. В монастыре 16 ноября 1588 г., насильственно принуждённый принять схиму, Шуйский тоже вдруг умер в своей келье от угарного газа. Стечение обстоятельств? Вряд ли. Есть косвенные, но надежные доказательства, что Иван Шуйский был убит по приказу Годунова. Денежный вклад на помин души Ивана Шуйского был внесён в Кирилло-Белозерский монастырь уже через 12 дней после его гибели. За столь корот-

кий срок в те времена невозможно было сообщить из монастыря о смерти в Москву и получить оттуда в ответ деньги на поминаение. Выходит, что, они были доставлены заранее, а это значит, что Ивана Шуйского везли не просто в ссылку, а на смерть [34].

Об этих интригах и смертоубийствах, связанных с именем Годунова, мы ведем речь, чтобы обозначить два важных нюанса: во-первых это демонстрирует, что у Годунова имелась мощная оппозиция, готовая на серьезные интриги для его отстранения от власти. Во-вторых, мы видим, что сам Годунов тоже был способен в политической борьбе и в реализации своих далеко идущих планов на интриги, а если нужно и на уничтожение противников и препятствий на его пути – вплоть до убийства. А теперь вспомним, что все это время в Угличе продолжал жить его главный соперник и явный будущий претендент на трон – царевич Дмитрий – последний русский удельный князь Углицкий, младший сын Ивана Грозного от Марии Фёдоровны Нагой, шестой или седьмой по счету его жены, не считавшейся законной.

Характер Дмитрия, по впечатлениям окружающих, был своеобразен. Похоже, он унаследовал не самые прекрасные отцовские черты. «Младший брат царя, дитя лет шести или семи (как сказано было прежде), содержится в отдалённом месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих, но (как слышно) жизнь его находится в опасности от покушений тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя. Кормилица, отдававшая прежде него какого-то кушанья (как я слышал), умерла скоропостижно. Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых летах в нём начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда течёт из него кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкой гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут» [42, Гл.5] - пишет в своей книге британский торговец Джайлс Флетчер, проведший несколько лет по торговым делам в Московии. Впрочем, нельзя исключить, что русские собеседники англичанина кое-что и присочинили по принципу «знай наших!». То, что для британца неприятно, ужасно, для москвитянина могло быть напротив предметом своеобразной гордости за царственного ребенка: не боится крови – настоящий государь растёт. Не грех такие качества ему и приписать. Не случайно сэр Джайлс острожно помечает: «говорят», то есть сам он свидетелем предполагаемых утех наследника престола не был. С другой стороны дети отличаются неосознанной жестокостью, которая проходит при правильном воспитании.

И вот в 1591 г. произошла трагедия: мальчик Дмитрий в неполные девять лет вдруг трагически погиб. Согласно официальной версии, царевич закололся заточенным для игры гвоздём («свайкой») в припадке «черной немощи» (эпилепсии?), коей он якобы страдал. Но когда на Руси верили официальной версии? В народе стали упорно распространяться слухи, что Дмитрий стал жертвой убийц, подсланных коварным Борисом Годуновым. Многочисленные нажитые Борисом враги активно способствовали созданию вокруг него «ореола убийцы», пролившего священную царскую кровь. Конечно, зная о судьбах некоторых врагов Годунова, нельзя исключать, что эти слухи имели под собой веские основания, хотя доказать или опровергнуть это с нынешним корпусом источников принципиально не представляется возможным. С другой стороны – царевич Дмитрий был по церковным канонам незаконнорожденным, а потому Годунов не мог считать его серьезным конкурентом в борьбе за власть и создание новой династии. Классики русской литературы XIX века – А.С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов» и А.К. Толстой в трагедии «Царь Федор Иоаннович» утвердительно ответили на вопрос о виновности царя Бориса в смерти наследника престола. Оба литератора, создавая бессмертные произведения, тщательно работали с историческим материалом. И все же это лишь мнения. Историческая наука же опирается на факты, а вот их в данной ситуации не хватает.

Имеются материалы следственного дела [2], но следствие о гибели царевича организовывал сам Годунов, хотя в составе комиссии был и один из будущих «смутных» царей – Василий Шуйский, не питавший к Годунову добрых чувств. Выводы следствия, проведенного «по свежим следам» однозначны: царевич стал жертвой несчастного случая. Но много позже, уже свергнув и убив Самозванца, в котором до того публично признавал Дмитрия, и заняв престол, Шуйский вдруг открыто выдвинул противоположную версию, обвинив в организации убийства в Угличе покойного Годунова. Тогда-то вдруг «святые мощи страстотерпца царевича Дмитрия были обретены нетленными», а после оперативной канонизации его останки перенесли в Архангельский собор московского Кремля и стали почитать как реликвию. Возникает резонный вопрос: не пытался ли Шуйский, фактически повторно убивший помазанника божия Дмитрия (кем бы Самозванец ни был на самом деле), оправдать самого себя? Чтобы убедить всех, что убит севший на трон авантюрист, следовало доказать, что Дмитрий действительно погиб в детстве. Заодно, «убивая двух зайцев» и оговорить уже мертвого старого врага Бориса, «подтвердив» версию убийства в надежде, что никто уже не помнит, что заключение следствия о несчастном случае готовил сам Шуйский.

Отчасти расставить точки над «i» мог бы сравнительный молекулярно-генетический анализ ДНК останков Ивана IV и того, кто погребен в Архангельском соборе Московского кремля как благоверный отрок Димитрий. Однако пока не преодолены препятствия клерикального характера (Дмитрий признан поместным святым – и даже мизерный шанс на обнаружение того, что «мощи» могут принадлежать совершенно иному подростку не способствует разрешению на исследования) [43]. Да и среди историков далеко не все заинтересованы в том, чтобы расшатывать устоявшуюся «каноническую» версию идентификации личности, помогающую представить Дмитрия-Самозванца предателем родины, авантюристом и марионеткой.

По смерти государя Федора Иоанновича, сына Ивана IV и последнего из царствующей династии Рюриковичей, не оставившего потомства, наступившей 17 января 1598 г. (царю было всего 40 лет), на московский престол Земский собор избрал (а если быть исторически точными – «выкрикнул на царство») боярина Бориса Годунова. Именно со смерти последнего монарха-Рюриковича в отечественной историографической традиции начинают отсчет времени, именуемого «Смутой». Неслыханное возвышение нового царя, не принадлежавшего к роду Рюриковичей, поразило воображение современников. Он стал одним из самых известных в народе самодержцев. В художественной литературе за Борисом, увы, укрепилась репутация, соответствующая словам, вложенным А.С. Пушкиным в уста Василия Шуйского: *«Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, / Зять палача и сам в душе палач...»* [28]. Близка к пушкинской и оценка в строках К. Рылеева: *«Ему представился тот страшный час, / Когда, достиг пытаясь трона, / Он заглушил священный в сердце глас, / Глас совести, и веры, и закона»* [29].

Между тем реальный Борис Годунов отличался от этого мрачного образа, привычного теперь обывателям. Он был всерьез озабочен далеко не только личными интересами и являлся одним из самых талантливых и многообещающих правителей в отечественной истории. Царь был умён, даровит, превосходя этими качествами своих противников, слыл сторонником культурных новшеств и полезных заимствований, был «умеренным западником» и искренне желал процветания вверенной ему державы и ее возвращения в число сильных европейских держав. Его авторитет не мог основываться только на интриге и придворной ловкости. Борис оказался не только инноватором, но и талантливым дипломатом, вернувшим путем переговоров значительную часть земель и городов, утраченных Москвой в ходе провальной Ливонской войны. Но тут вмешались «его величество случай» и «мать-природа».

Гораздо чаще, чем нам всем хотелось бы, судьбами мира управляет случайность, на которую мы никак не способны повлиять. Вмешалась такая случайность и в судьбу крепнущего

правления Бориса Годунова, уже считавшего себя основателем новой великой династии. Катастрофическое извержение 19 февраля 1600 года вулкана Хуинапутина в далёком Перу, выбросившее в стратосферу сотни тысяч тонн пыли и вулканического пепла привело к кратковременному (на несколько лет) глобальному похолоданию [43].

Ударил летний мороз, после неурожая с весны 1601 г. начался голод, за ним – разбой, случаи людоедства. Тысячи трупов привели к эпидемиям. Документы сообщают, что в 1601-1603 годы «вымерла треть царства Московского голодною смертью» [31, С.94]. Положение южных русских земель было полегче, но к началу 1603 г. голод охватил и северщину. Об этом можно судить по записи неизвестного почепского жителя от 2 мая 1603 года, согласно которой на церковном погосте в Почепе «закопали ... человек со триста» [14, С.52]. Прежде всего, смерть от голода настигала пришельцев из других мест, но не обходила и местных жителей: «Прихожие люди мерли голодною смертью, мерли и в Почепе на посаде» [14, С.52]. Правительство Годунова, пытаясь улучшить положение голодающих, организовало раздачу хлеба и денег из государственных житниц и казны, но эта мера оказалась безуспешной. Более того, слухи о царской милостыне растеклись по стране, и народ толпами хлынул в столицу, отчего голод там усилился. Тщетны были попытки царя смягчить ситуацию и разрешением крепостным уходить на юг, где можно прокормиться. Самое неприятное, что пришедшие голод и мор народ счёл божьей карой за нелегитимность Бориса. Начались выступления против «ненастоящего царя». Волнения начали приобретать активную форму с осени 1601 г. Летом и в начале осени 1603 г. «восстание» Хлопка Косолапа, названное так советскими историками, всюду пытавшимися найти справедливую классовую борьбу трудящихся против угнетателей, по имени атамана одной из наиболее крупных разбойничьих шак. «Восстание» являло собой не организованное выступление против власти под единым командованием, а хаотичный, страшный разгул разбоя и бандитизма на значительной территории. Оно угрожало ввергнуть в кровавый хаос Москву, охватив районы южного и западного Подмосковья. Начальным очагом бунта была Северская земля. Правительственные документы не указывают на политический характер восстания: участники холопского бунта называются в них «разбойниками» (уголовными преступниками), а не «ворами» (преступниками политическими). Таким образом, ухудшение климата, губительно сказавшиеся на урожаях в Восточной Европе и повлекшее голод и мор в Московском Царстве, совпало с династическим политическим кризисом, что привело к социальному хаосу и преддверию гражданской войны.

Именно в этот момент по стране стали расходиться «прелестные письма»: гласившие, что царевич Димитрий чудесным образом бежал от подосланных Годуновым убийц, и, видя лишения и тяготы народа, решил вернуться в Москву, чтобы по праву занять трон. Тех, кто верил в эти слухи, не смущало, что с одной стороны царь Борис еще недавно обвинялся в кровавом убийстве малолетнего отрока Дмитрия и – таким образом – в нелегитимном захвате власти, а с другой – Дмитрий одновременно оказывается живым и здравствующим и претендовал на Московский престол, занятый нелегитимным царём-убийцей маленьких мальчиков. Так называемое «клиповое мышление», позволяющее сочетать в одном ряду алогичные, обрывочные, совершенно несочетаемые друг с другом суждения [6], не является особенностью только современной информационно-цифровой эпохи. Оно порождается не как таковыми телевидением и рекламными роликами, а активной пропагандой, в каких бы формах и какими бы техническими средствами она не велась. Ведь пропаганда основана именно на клиповой подаче информации, и «прелестные письма» в этом плане по воздействию на психику мало чем отличались от политических телешоу. Представляется, что для адекватной оценки некоторых исторических событий и их движущих сил следует активней применять методы психологического и психоаналитического исследования.

Тем временем, действительно объявившийся в польских землях Самозванец получил финансовую поддержку от воеводы Юрия Мнишка, в юную дочь которого – умную и красивую девушку, искренне влюбился. И вот, 13 октября 1604 г. его небольшое поначалу трёхтысячное войско, отчасти наёмное, а отчасти уже состоящее из добровольцев, жаждавших помочь «настоящему царю», перешло границу Речи Посполитой и Московского Царства и двинулось по территории Северского края вдоль правого берега Десны.

К началу XVII в. Северский край, который историки называют «гнездом Смуты», представлял собой неоднородное и противоречивое образование. С одной стороны, здесь находились пограничные крепости Московии с испытанными в боях гарнизонами из дворян, казаков, стрельцов. С другой, значительную часть Северщины занимала принадлежавшая непосредственно царю Комарицкая волость, образованная в конце XVI в. [44], известная, несмотря на пограничное в то время положение, как «волость многолюдная и большая» [26, с.324]. Эта характеристика находит подтверждение в словах голландца Исаака Массы, оценившего волость как «землю весьма плодородную, богатую хлебом, медом и воском, также льном и коноплей и населенную богатыми крестьянами» [19, С.81].

Правительство Бориса Годунова собрало с Комарицкой волости для борьбы с Самозванцем 2500 даточных людей. И.И. Смирнов, исходя из расчета, что один даточный брался со двора, определил количество дворов в волости этой же цифрой [36, С.112]. Занимая особое положение «дворцовой», Комарицкая волость имела независимое управление и была в подчинении и личном владении своего «барина» - царя Бориса Годунова. Дворцовые волости ведались не воеводами городов, а приказчиками Приказа Большого дворца. Туда они платили подати, там ведались судом. Но в административном отношении дворцовые волости входили в определенные уезды (Комарицкая в Брянский уезд), с которыми несли ряд повинностей, главным образом, военных, а в военно-полицейском отношении подчинялись воеводе уезда. Положение крестьян Комарицкой волости определялось принадлежностью к дворцовому ведомству: среди них не было крепостных. На плодородных землях, богатых хлебом, мёдом, воском, льном и коноплей, они жили в достатке, исправно платили подати в царскую казну и не желали урезания своих преимуществ и вольностей [23]. При этом Северский край в целом, где надзор правительства за жизнью подданных, ввиду пограничного положения, был много слабее, давал негласный приют многочисленным беглым холопам, преступникам, опальным боярам и дворянам. Эти люди и стали «огнивом» в разразившихся событиях Смуты.

Дмитрий (под этим именем он фигурировал в современных ему документах, термин «Лжедмитрий» рожден позднее) мудро приказал деревень не разорять и население не грабить. Весть о «добром государе» быстро разнеслась по округе. Войско, быстро росшее за счет притока недовольных московской политикой местных жителей, взяло Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Рылск, Курск, Севск. Как указывает «Иное сказание» «А люди в тех городах – в Муроме, в Чернигове, в Курске, и в Комарицкой волости, и в Путивле, и в Рылске, и в Стародубе, и в Ромнах (...) никто не стал воевать с ним: куда ни приходил, везде ему отворяли крепостные ворота и оказывали ему подобающее поклонение и приносили дары, как положено царскому величеству» [9, С.37].

Годуновым к Брянску была послана армия под командованием князя Ф.И. Мстиславского. Оттуда пять полков двинули на помощь Новгороду-Северскому, где 21 декабря 1604 года произошло сражение между армиями Годунова и Дмитрия. Несмотря на численное превосходство, русское войско потерпело поражение и отступило, потеряв около 4 тысяч человек. Юрий Мнишек атаковал и рассеял брянские полки, применив военную хитрость: «многие его люди и кони были обряжены в медвежьи шкуры и в овечьи шкуры, вывернутые наизнанку, у других коней по обе стороны – косы, и они режут людей в тесноте и творят много зла. И кони

московского войска от тех коней отшатнулись и не пошли на врага. И они в том смятении начали еще больше убивать и одолевать» [9, С.39]. В начале января 1605 года Дмитрий занял Севск. Жители Комарицкой волости, выдав связанными севского воеводу и трех царских чиновников, а затем присягнув царевичу, с охотой предоставили войску квартиры, продукты и фураж. К Севску двинулось двадцатитысячное московское войско князей Фёдора Ивановича Мстиславского и Василия Ивановича Шуйского. Дмитрий двинул свою пятнадцатитысячную армию ему навстречу с целью дать генеральное сражение. Оно произошло между селами Добрыничи и Чемлыж 21 января 1605 года. Битва, успешно начатая Самозванцем, в итоге была им проиграна и Дмитрий ретировался с остатками армии в Путивль, но не оставил идеи дойти до Москвы. Он стал ожидать весны и копить новые силы. Хмельные от победы москвиты стали жечь деревни и зверски расправляться с местным населением. Расправы над тысячами комаричан укрепляли живых в мысли, что именно Годунов – узурпатор, а Дмитрий – истинный государь. Весной 1605 г. пришла весть о кончине Годунова, который то ли умер от инсульта, то ли принял яд. Вскоре войско Дмитрия вошло в столицу, было радостно принято. Самозванец занял царский трон, начав реализовать свои планы по переустройству государства на европейский лад.

2. Кем мог быть первый Самозванец?

*«...ни король, ни папа, ни вельможи –
Не думают о правде слов моих.
Дмитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны...»
А.С. Пушкин*

Широко распространено и вошло в советские и российские школьные учебники как непреложный факт, мнение, что первым Самозванцем (Лжедмитрием I по отечественной историографической традиции) был боярский сын Юшка (Юрий) Богданов сын Отрепьев, более известный под монашеским именем чернеца Григория. Сам Григорий Отрепьев – вполне реальная историческая личность. Юношей он служил у бояр Романовых и Черкасских. По восшествии на престол Борис Годунов устранял конкурентов ссылками и казнями, что и было сделано с Романовыми и Черкасскими. Дворню бояр ждала та же участь, поэтому, спасаясь от преследования, Гришка и постригся в монастырь, где «сподобился» чина дьякона, но затем ушел из монастыря, почему впоследствии его часто именовали «расстригой». Позже Григорий устроился переписчиком книг у патриарха Иова, который его весьма «жаловал». «И познаша его многие от вельмож ... за его книжное сказательство». Вскоре в переписываемых им книгах были обнаружены отступления от принятых норм, Григорий был «за свое еретическое воровство» посажен под стражу, но сбежал [33, С.136]. В начале 1602 г. Отрепьев со странствующими монахами Варлаамом Яцким и Мисаилом Повадиным нанял от Москвы подводу до Болхова, затем путники прибыли в Карачев, а оттуда согласно позднему «извету» Варлаама - в Новгород-Северский. О пребывании Григория в Брянске Варлаам не упоминает, но согласно «Новому летописцу», по дороге «на Северу» «Гришка ... прииде во Брянск». Вероятнее всего, его путь из Карачева в Новгород-Северский лежал в марте 1602 года через Брянск. В мае того же года Григорий со своими спутниками пошел из Новгорода-Северского «на Стародуб и на Стародубский уезд», и далее за границу – якобы, чтобы вернуться оттуда царевичем [15, С.36]. С Григорием Отрепьевым и отождествляется обычно человек, который в 1603 г. в одном из имений польского магната Адама Вишневецкого объявил себя царевичем Дмитрием - сыном Ивана Грозного. Однако ставшая канонической версия вызывает у специалистов немало вопросов. Юрий Богданович Отрепьев был, как уже было сказано, из боярских детей. Отец его получил в феврале 1577 года поместье под Костромой, служил стрельцом, погиб. Вдова бо-

ярина-ратника Отрепьева воспитывала рожденного от него отрока, а затем отправила его в Москву к родне. Отсюда вытекает простой вопрос: Юрий Отрепьев, получается, был узнаваемой личностью в Москве. Как же вышло, что знавшие его москвичи, включая амбициозных бояр, не опознали его в Самозванце? Объяснить это лишь страхом преследования невозможно. Одно это ослабляет популярную, рожденную противниками Самозванца еще во время противостояния его с Годуновым, версию.

С другой стороны серьезные вопросы к «отрепьевской идентификации» вызывают государственный склад мышления, уровень профессиональных военных знаний (стратегия, тактика) и навыков (например, великолепное фехтование), образованность (включая знание языков), совершенно нехарактерные для монаха или мелкого дворянина, который не всегда мог быть знаком даже с грамотой.

Жак Маржерет рассказывает о личности Самозванца и считает, что для христианского мира его гибель была большим несчастьем. Но он сомневается, что на площади было действительно тело императора (сам он болел, и тела не видел). Маржерет отвергает мнение, что Дмитрием назвался беглый монах Григорий Отрепьев. Неверно, как он считает, и мнение иностранцев, что Дмитрий был поляк, трансильванец или воспитанный иезуитами для борьбы за престол русский. Если его воспитали иезуиты, они научили бы его говорить и читать латински. Но латыни он не знал. Не так уж он и жаловал иезуитов: их было с ним всего трое, одного он отправил в Рим. По-русски же он говорил как нельзя лучше и лишь для красоты «вставлял порой польские фразы». Письма его на русском были так хороши, что ни один русский не мог найти повода для упреков. Непонятно и как иезуиты нашли такого воспитанника: «Я не думаю, чтобы взяли ребенка с улицы, и скажу мимоходом, что среди пятидесяти тысяч не найдется одного, способного исполнить то, за что он взялся в возрасте 23-24 лет». Ссылаются, что он насмеялся над русскими обычаями. Но ведь москвиты «грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести». Дмитрий же воспитывался некоторое время в Польше, свободной стране, среди знати. Он стремился к исправлению и просвещению подданных. Если бы он чувствовал за собой вину, то породнился бы с русским родом, чтобы укрепить положение. Маржерет заключает: «Его красноречие очаровало всех русских, а также в нем светилось некое величие, которого нельзя выразить словами и невиданное прежде среди русской знати и ещё менее среди людей низкого происхождения, к которым он неизбежно должен был принадлежать, если бы не был сыном Ивана Васильевича» [18, С.215].

Традиционно Самозванца изображают сугубо негативным персонажем, окруженным бесчинствующими наёмниками-иноземцами, интервентами. Однако, заняв престол, Дмитрий вовсе не жил разгульной жизнью дорвавшегося до власти авантюриста, а деятельно участвовал в государственных делах, в военном строительстве. Вместо традиционного для москвитов послеобеденного сна ходил в город, беседуя с людьми. Дважды в неделю лично принимал и рассматривал челобитные. Не уступил союзникам-полякам земли, продемонстрировав суверенитет и вызвав раздражение Кракова. Готовил поход на Азов, открытие школ и университета. Поднял в высшие государственные чины людей малоизвестных, но в дальнейшем сыгравших огромную роль в истории государства Российского – так именно при Дмитриии начинает звучать в источниках имя князя Пожарского, будущего спасителя России.

Представляется более близкой к истине версия, что Дмитрий не был «политическим актером», ибо играл до момента гибели самого себя или по крайней мере того, кем он себя искренне считал: тайно спасенного и соответственно воспитанного на территории Литвы и Речи Посполитой сына Ивана IV, в нужное время выдвинутого оппонентами Бориса Годунова (а таковых было множество включая весьма знатные и влиятельные аристократические роды) в

качестве претендента на московский престол. Это не означает, что он действительно был чудесно спасшимся царевичем (хотя и такой вариант нельзя полностью исключать).

Возможность спасения Дмитрия допускали такие видные историки, как крупный специалист по генеалогии и истории письменности С.Д. Шереметев, профессор Санкт-Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин [3], известные историки И.С. Беляев [2] и К.Валишевский [5], журналист А.С. Суворин [38]. Н.И. Костомаров же заметил: «легче было спасти, чем подделать Димитрия» [13, С.60]. Перечисленные авторы обращали внимание на то, что молодой царь вел себя невероятно уверенно для банального авантюриста. Василий Шуйский был приговорен судом Боярской думы к смертной казни за заговор против Дмитрия. Казалось бы, вот она – возможность раз и навсегда отделаться от опасного свидетеля, лично видевшего труп убиенного царевича в Угличе. Но Дмитрий дарует ему жизнь и даже прощает. Не боялся он и разоблачений из Польши, до предела обострив отношения с королем Сигизмундом III и отказавшись принять из рук посла королевскую грамоту, адресованную Великому князю, а не Императору всея Руси, что вызвало в Кракове возмущение магнатской верхушки. Даже в момент мятежа, уже лежа на земле со сломанной ногой после прыжка из окна второго этажа, на грани гибели, Самозванец продолжал утверждать собравшимся вокруг стрельцов, что он – настоящий, законный царь Дмитрий Иванович.

Современники единодушно отмечают, с какой поразительной, смелостью молодой царь нарушал этикет привычный московскому двору. «Он не вышагивал медленно по дворцу, подерживаемый под руки приближенными, а стремительно переходил из одной комнаты в другую, так что даже его личные телохранители порой не знали, где его найти. Толпы он не боялся, не раз в сопровождении одного-двух человек он скакал по московским улицам... Царю прилично было быть спокойным и неторопливым, истовым и важным. Этот действовал с темпераментом названного отца (без его жестокости). Все крайне непохоже на расчетливого самозванца. Вспомним, как старательно пытался Пугачев копировать формы екатерининского двора. Считай Лжедмитрий себя самозванцем, он уж наверняка сумел бы заранее освоить этикет московского двора. А в учителях в Польше не было недостатка: и любой из дипломатов, часто бывавших в Московии, и многочисленные эмигранты из России» [11].

Так что же, подлинный Дмитрий Иоаннович, законный престолонаследник? Можно при желании предложить конспирологическую версию «чудесного спасения Дмитрия». Был ли настоящий Дмитрий в Угличе в момент убийства, или был вывезен в неизвестное место намного раньше в целях безопасности и с ведома матери, которая в целях безопасности же подлинного царевича выдавала за такового для окружающих другого ребенка? Доказательств этому, конечно, нет – но как сюжет для околоисторического блокбастера или романа может сгодиться. Или издательство «Дилетант» могло бы вслед за нашумевшим историческим комиксом «Спасти цесаревича Алексея» выпустить и «Спасти царевича Димитрия»...

Обратим внимание на письмо английского дипломата Джерома Горсея, высланного из Москвы в Ярославль, отправленное всего через 26 дней после случившейся в Угличе трагедии, 10 июня 1591 г. да и адресованное лорду-казначею Бэрли. Сообщая об убийстве царевича, Дж. Горсей прибавляет многозначительно: «...случились еще многие столь же необыкновенные дела, которые я не осмелюсь описать не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно» [7, С.130]. Что могло показаться Горсею опаснее, чем само известие об убийстве отрока Дмитрия? Не сообщение ли о подмене его и о своей собственной роли в этой манипуляции? Известно же из его мемуаров, что в ночь после убийства неожиданно посетил сильно испуганный и взволнованный Афанасий Нагой, якобы только ради того, чтоб попросить лекарство для опальной царицы – матери убиенного [17, С.200]. Может быть он и привез реального Дмитрия, в спасении которого тайно участвовал и Горсей?

Чтобы отвергнуть эти версии «чудесного спасения» и «аутентичности Дмитрия Ионановича», многие историки старательно доказывали самозванство Дмитрия (в их варианте – безусловно «Лжедмитрия») тем, что он был ополяченным белорусом или же украинцем по происхождению. Однако есть интереснейший документ. Еще в конце XIX века исследователь отношений России и папского престола П. Пирлинг сумел разыскать в архиве Ватикана письмо Самозванца, собственноручно написанное им на польском языке. И оказалось, что графика и язык этого письма, как подтверждают исследования таких экспертов, как крупнейшие ученые-слависты И.А. Бодуэн де Куртенэ и С.Л. Пташицкий [27], указывают на то, что письмо было, вероятно, составлено человеком, для которого польский язык был родным, однако переписано «набело» (а оно, напомним, переписано лично Дмитрием) не столь сведущий в польском языке. Переписчик делал ошибки, свидетельствующие о том, что он говорил по-польски с русским акцентом, многие буквы писал на русский кириллический манер, скорее напоминающий московскую скоропись XVI-XVII веков. Получается, что письмо, вероятно, составил один из польских приближенных Дмитрия, а переписал уже сам Самозванец. Это неопровержимо свидетельствует о московском происхождении Самозванца и о том, где или у кого он обучался грамоте и письму.

Однако к тому, что Самозванец был не Дмитрием, а «обученным на Дмитрия» и убежденным «учителями» в своем царственном происхождении человеком, заставляют склоняться его рассказы в кругу близких к нему людей, что он был спасен неким иностранным врачом Симоном, подменившим его в постели. Источники не знают ни о каком враче-иностранце, жившем в Угличе. Во всем следственном деле нет ни одного упоминания о нем. К тому же, положив в постель другого мальчика, Симон ничего не добился бы: царевич погиб среди бела дня, в послеобеденное время, играя во дворе. В этом единодушны все русские источники: как считающие смерть царевича результатом несчастного случая, так и обвиняющие в убийстве Бориса Годунова и его агентов. Таким образом, Самозванец, выходит, даже не знал обстоятельств смерти своего прототипа. Впрочем, не был ли он подменён еще до смерти «мальчика-двойника»? Как знать. Да и какой взрослый может точно воспроизвести в памяти события, происходившие с ним в возрасте восьми лет? Попробуйте: обрывки будут ясными, но цельной подробной картины воссоздать не получится, даже имена части учителей, приятелей или родственников точно не вспомните даже хорошо напрягшись.

Важные соображения в пользу личности Самозванца приводит немецкий ландскнехт Конрад Буссов. Это был человек, стоявший близко к самозванцу и относящийся к нему с уважением и сочувствием. Целую главу своей книги он посвятил доказательству того, что Лжедмитрий – самозванец. Буссов приводит слова Петра Басманова: «Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он наш государь. Мы его приняли и ему присягнули, и лучшего государя на Руси мы никогда не найдем» [4].

Не так просто обстоит дело и с эпилепсией, которой как будто страдал в детстве царевич, но, судя по всему, совершенно не страдал Самозванец. Хотя здесь следовало бы проконсультироваться со специалистами по медицине, причем лучше – с целым консилиумом. Симптомы этой болезни могут надолго перестать проявляться, да и нет полной гарантии, что Угличский отрок страдал именно этим заболеванием – сведения о похожей на эпилепсию болезни в документах того времени – не диагноз невропатолога.

Так или иначе, ясно одно: Дмитрий – подлинный или воспитанный в вере в свою подлинность – искренне верил в свое происхождение и предназначение и жил и действовал согласно этому. То есть во благо народа и государства своего, как он это благо разумел.

Лежат на поверхности параллели между Дмитрием II и Петром I – харизматическими лидерами соседних эпох: как в реформаторской политике, так и в чертах личностей. Дмитрий –

первый московский государь, побывавший в Европе; Петр стал вторым таким русским царем, под впечатлением чего и развернул реформы. Оба пришли к власти силовым путем, сломив сопротивление, оба были храбры, часто идя в бой во главе армий. Похожи и их матримониальные связи – и там и там любовь и женитьба на инославной иноземке, осложнявшая отношения с подданными. Оба не чурались общения с народом, были энергичны, обладали гибким умом и недюжинной силой, были любознательны, не гнушались физического труда. Оба царя-реформатора отличались и демонстративным небрежением к традиционной московской жизни [43]. Сходные давно назревшие проблемы, стоящие перед властью и государством, Дмитрий и Петр решали, как можно убедиться сходными методами. Петровские реформы последовательно вели к укреплению абсолютизма, ту же цель прежде преследовал и впервые на Руси объявивший себя императором Дмитрий [1]. Оба вместо Боярской Думы учреждают на европейский манер Сенат. Дмитрий вводит изменения в системе судебных приказов. Как необходимый стране единый кодекс законов составлен «Сводный судебник», основанный на «Судебнике Ивана IV», включая закон о крестьянском выходе в Юрьев день. Водворял правопорядок, запретил взятки, приказных, избличенных в злоупотреблениях, били палками на торгу [16]. Судебные реформы Петра глубже и последовательней, но у него и времени было куда больше.

Похожи действия Дмитрия и Петра в области военной реформы: Дмитрий готовил поход на Азов, проводя учения и собирая войско и провиант в Ельце. Армию решил перестроить по польско-литовскому образцу (тактика взаимодействия артиллерии, пехоты и кавалерии), совершенствовал артиллерию [24]. Петр предпринимал в принципе то же, только обучение армии по образцу полков иноземного строя шло не по польско-литовскому, а по прусскому, австрийскому и шведскому лекалу. Оба подчинили клир государству – Дмитрий заменив патриарха на более лояльного, Петр более радикально: вовсе ликвидировав институт патриаршества и создав Синод. Оба были религиозно терпимы и не устраивали гонения на иные конфессии, позволяя строить кирхи и костёлы [12; 22]. При этом Петр традиционно считается смелым реформатором, а Дмитрий – «гонителем православия», хотя католицизм он не насаждал, а православный клир – невиданное дело! - допустил в состав Сената.

Оба оказались перед необходимостью реформировать и устаревшую систему податей [30]. Дмитрий как и Пётр намеревался «посылать русских в чужие края, а к себе ...приглашать ученых и знающих иностранцев, чтобы их примером побудить русских учить своих детей всяким наукам и искусствам», считал необходимым создавать школы, «чтобы у меня во всем государстве выучились читать и писать», планировал заложить университет в Москве». Развивал «политику открытых дверей» сделав из «закрытой страны» весьма свободное государство. Ремесло и торговля, ввиду снятия запретов на въезд и выезд из страны, повышали доходы казны и доступность товаров. Пытался вводить европейские манеры, традиции, платье, питание среди знати, вел борьбу с проявлениями «устаревшего» образа жизни [12; 43].

Но одно качество разительно отличало Дмитрия от нового реформатора, севшего на престол почти век спустя: реноме «добротного государя». Дмитрий формулировал принцип правления так: «Есть два способа царствовать, милосердием и щедростью или суровостью и казнями; я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его». Он обрывал желавших польстить ему, дурно отзываясь о Годунове, замечая льстецу, что тот тоже «ставил Бориса на царство», а теперь его хулит. Новый царь вернул из ссылки знать, репрессированную Годуновыми [43].

Спустя год, утром 27 мая 1606 г. вооруженная толпа, ведомая по наущению ранее помилованного им Василия Шуйского сенатором Михаилом Татищевым, ворвалась в Кремль и расправилась с монархом не менее легитимным, чем пришедшие позже Романовы или умерший Годунов. Останки Дмитрия были выставлены на всеобщее обозрение, но со скоморошьей

маской на лице. Казалось бы – глумление над трупом. И всё же возникает мысль: кто-то опасался, что убитого царя опознают, или напротив, боялся, что он не будет опознан? Так или иначе, кто-то готовил почву для рождения новых самозванцев и на эскалацию смуты и гражданской войны, затихшей было с приходом к власти реформатора европейского типа (а вовсе не авантюриста, как мы могли убедиться). Царь-реформатор был убит, трон ненадолго занял интриган Шуйский. Деяния «дважды убиенного» Дмитрия были очернены и преданы забвению. Замаевший призыв европейского пути для Московского Царства угас.

3. Тушинский вор и другие Лжедмитрии

«А всё-таки быть царём так же плохо, как и не быть царём!»

Эдуард Успенский

Убийство «народного царя» Дмитрия и воцарение боярского ставленника, интригана и заговорщика Василия Шуйского привели к новому резкому обострению положения в Северной области и в других южных районах России. Майские события 1606 г. восприняли здесь как расправу с законным государем, обещавшим улучшить положение народа и немало успевшего сделать в этом отношении. В частности, население южных районов России, оказавших поддержку Самозванцу, было на 10 лет освобождено им податей. Правительство Василия Шуйского, естественно, это решение отменило. Грамоты Шуйского, увещевания его о самозванстве якобы Гришки Отрепьева, об «истинной» смерти царевича Дмитрия еще в детстве в Угличе не принесли желаемых результатов. Очень скоро стало ясно, что ни царские, ни боярские и ни патриаршие грамоты не воздействуют на умы людей, живущих в отдаленных городах. В результате «в Польских, и в Украинных и в Северских не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить». Волнения поддерживались широким распространением слухов о том, что в Москве убит был не царь Дмитрий, а какой-то другой человек (немец), а самому Дмитрию удалось чудесным образом спастись и он скрывается, скорее всего, на территории Речи Посполитой.

Первыми подняли восстание против Шуйского жители Путивля с воеводой князем Г.П. Шаховским, которого «Новый летописец» назвал «всей крови заводчиком». При царях Фёдоре Ивановиче и Борисе Годунове князь Г.П. Шаховской не раз назначался воеводой: в Тулу, Крапивну, Новосиль, Белгород. Затем попал в руки повстанцев и сразу принял сторону Самозванца, с коим потом оказался в Москве. Шуйский же, не думая о последствиях и желая отправить подальше от столицы? послал его воеводой в Путивль – и получил закономерный результат. Прибыв на место новой службы, Шаховской собрал на площади горожан и заверил их, что изменники-бояре хотели убить законного царя Дмитрия, но тому удалось скрыться и теперь он нуждается в помощи. Путивльцы поддержали нового воеводу и стали формировать ополчение в поддержку народного царя. Их примеру последовали жители Чернигова, Стародуба, Новгорода-Северского, Рыльска, Кром и других городов. Вновь «Комарицкия волости мужики, царю Василию изменили», как оценивал ситуацию в своей грамоте и патриарх Иов, перечисляя в ней наиболее активных участников движения («преже погибшие Северской украины севрюки», а также «стрельцы и казаки, и разбойники, и тати, и беглые холопы») и отмечая, что «от той Северской украины мнози и инии города прелестишася» [14, С.72]. Путь ещё одного мятежного войска, которое возглавлял бывший боевой холоп Иван Исаевич Болотников, тоже начался в Северских землях на Юго-Западе Руси. Этот мятеж одни историки называли «авантюрой Шаховского», а другие – «восстанием Болотникова» и даже «крестьянской войной». Однако все это не раскрывает важнейшие — идейные мотивы повстанцев, их протест против незаконных, по мнению сторонников Дмитрия Иоанновича, действий Шуйского по захвату трона и стремление восстановить «доброе царя» на московском престоле, «побив лихих бояр»

[15, с.47]. Не доходя до Севска, Болотников, объявивший себя воеводой спасшегося царя Дмитрия, находящегося в Литва, остановился на юге Комарицкой волости в селе Воскресеновке. Население волости и Севской крепости встало на его сторону. Таким образом, значительную помощь новому «войску царя Дмитрия» оказали дворцовые крестьяне Комарицкой волости, издавна несшие боевую службу на пограничье, а также преданные первому самозванцу стрельцы, которых царь Василий выслал из Москвы. Однако костяк Болотниковской рати составили дети боярские и служилые люди «по прибору» южных уездов, целыми «городами» стекавшиеся вновь под знамена якобы спасшегося Дмитрия. Особое значение имели военные холопы (из каковых происходил и сам Болотников), «даточные люди», «киже на конех играющие», и части войск, перешедших к Болотникову из армии Шуйского [15, С.48]. Остановить восстание в зародыше Шуйский не смог, армия Болотникова чудом не смогла взять Москву, а затем в Туле держала осаду несколько месяцев [37].

Немудрено, что на «дрожджах» народных фантазий и надежд, особенно бурливших на бунташной северщине, быстро материализовался новый самозванец, получивший в истории «ник» Лжедмитрий II. Поражает, насколько скоро москвичи, присутствовавшие при расправе над трупом покойного царя, смогли забыть эти события и безоговорочно поверить в фантастическое спасение. Вновь внутренне противоречивое, парадоксальное, алогичное «клиповое мышление» народа под влиянием пропаганды. По словам Н.М. Карамзина, у русского народа «действовала любовь к чудесному и любовь к мятежам», а профессиональный вояка, француз Жак Маржерет остроумно заметил, что «чернь московская была готова менять царей еженедельно, в надежде доискаться лучшего» [20]. Возродившиеся в Северщине и других южнорусских землях бунтарские настроения привели к уже упомянутому мятежу Болотникова (в советской историографии именуемого по классово-идеологическому недоразумению «крестьянской войной») и, главное, к явлению нового, на сей раз безусловного самозванца летом 1607 г. в Стародубе. В отличие от Дмитрия, он не был самостоятельной политической фигурой, не имел хоть какой-то внятной программы, да и по образованности наголову проигрывал предшественнику, так что речи о европейской альтернативе тут уже нет.

По сообщению белорусской Баркулабовской летописи, он раньше был домашним учителем в Могилёве, затем попал в Пропойск, откуда в мае перебрался именем Андрея Нагого оказался 12 июня в Стародубе, где объявил себя спасшимся царём. Вера горожан в сказанное и особенно утвердилась, когда находившийся в Стародубе сподвижник Болотникова, казачий атаман И.М. Заруцкий знавший ранее первого Самозванца и посланный из осаждённой Тулы для установления связи с «царём Дмитрием», подтвердил истинность слов нового самозванца. Жители Стародуба и окрестных селений оказали мнимому «Дмитрию» подобающие ему почести и поддержали его в военном и материальном отношении. Получая рассылаемые самозванцем грамоты, жители соседних городов «к тому воровству пристава и начаша нему збиратися». По свидетельству польского современник «москвитяне толпами стремились к царю, одни из преданности, считая его своим государем, другие из ненависти Шуйскому, третьи для своеволия» [14, С.81]. Для привлечения на свою сторону народных масс Лжедмитрий II объявил, что «крестьяне, согласные присягнуть ему, могут присвоить себе земли господ своих, служивших Василию», и обещал «всем крестьянам и холопам прежнюю вольность». В результате к концу лета 1607 г. у самозванца в Стародубе собралось более 3 тыс. жителей Северской земли, вошедших в состав его войска [39, С.123].

Но основную ставку Лжедмитрий II делал на военную поддержку польской шляхты: в день объявления самозванца царём в Стародуб вступил 5-тысячный отряд польского пана Меховецкого, ставшего гетманом войск «царя Дмитрия». Собрав войско Лжедмитрий II 10 сентября 1607 г. вышел из Стародуба, держа путь на северо-восток, к осаждённой Василием Шуй-

ским Туле – через Почеп, где жители «встретили и приняли его с радостью», Брянск, где также «все люди вышли ... на встречу царя Дмитрия», Карачев, где к нему присоединились отряды запорожских казаков. Восьмитысячное войско шло на помощь Лжепетру и Болотникову, но опоздало. Дойдя со своим разношерстным войском до Москвы, Лжедмитрий II встает лагерем в селе Тушино, где и будет в дальнейшем располагаться его «штаб-квартира» (за что был в правящих кругах немедля окрещен «Тушинским вором»). В деле легитимизации нового претендента на престол заметную роль сыграл патриарх Филарет, (Федор Никитич Романов). Судя по описаниям современников событий, «воровская» столица имела весьма неприглядный вид. Вершина холма была усеяна шатрами польских гусар. Посреди них стояла просторная рубленая изба, служившая «дворцом» самозванца. За «дворцом» располагались жилища русской знати. Простые люди занимали предместья у подножия холма. Наспех сколоченные, крытые соломой «сарайи» стояли очень тесно и были битком набиты казаками, стрельцами, холопами...

Больше всего вопросов в истории Лжедмитрия II связано с тайной его подлинного имени. Первые известия о появлении этой версии «спасшегося царя» датируются зимой 1607 г., когда в Литве обнаружился один из самозванцев, кто выдавал себя за царственную особу, а конкурентов у него было действительно немало. В среде терских казаков появился и царевич Петр Федорович – он же Илейка Муромец (якобы сын царя Федора Иоанновича, то есть лжевнук Ивана IV), и лжецаревич Иван-Август (якобы сын Ивана Грозного от брака с Анной Колтовской). Первый мародерствовал на юге России, а затем вступил в ряды армии боевого холопа Ивана Болотникова (за что и был повешен в Туле менее года спустя) [35], а второй действовал в Нижнем Поволжье, где ему даже удалось захватить Астрахань [21, С.33-34]. Третьим появился Лаврентий – еще один «внук» Ивана IV, якобы «сын» убиенного отцом царевича Ивана Ивановича.

Воевода Лжедмитрия II князь Дмитрий Мосальский Горбатый «сказывал с пытки», что самозванец «с Москвы с Арбату из Законюшев попов сын Митька». Другой бывший соратник Афанасий Цыплятев на допросе говорил, что «царевича Дмитрея называют литвином, Ондreja Курбского сыном». «Московский летописец» и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий считал его выходцем из семьи стародубских бояр Веревкиных (поскольку именно они одними из первых признали нового самозванца). Польские хронисты, современники событий полагали, что имя убитого в 1606 г. царя принял крещеный еврей Богданко (Богдан Сутупов), что был учителем в Шклове, а затем перебрался в Могилев, где находился в услужении у священника. За проступки шкловскому учителю грозила тюрьма – тут его и заприметил участник похода первого Самозванца на Москву поляк М. Меховский. Известный историк Смуты, Р.Г. Скрынников, опираясь на иностранные источники, полагал, что Лжедмитрий II «разумел и язык Еврейский, читал Талмуд, книги Раввинов, именно Сигизмунд послал его, назвав Дмитрием Царевичем» [35].

Оригинальную, теоретически конечно возможную, но практически непроверяемую версию тайны личности «Тушинского вора» предложил известный писатель Эдуард Успенский. Он полагал, что именно второй Лжедмитрий был настоящим спасшимся сыном Ивана Грозного, унаследовавшим черты отца: жестоким, своевольным, с надломленной психикой. Писатель обратил внимание на то, что дошедшие до нас сведения о характере «царственного отрока» из Углича (вспомним, как он с удовольствием наблюдал убийства животных и сам принимал в этом участие) и описание поведения и деяний «Тушинского вора» сходны [41].

Так или иначе, второй Самозванец разительно отличается от первого и уровнем образованности и воспитания, и куда более слабой воинской подготовкой, и, наконец, отсутствием четкого видения целей и задач своей деятельности с точки зрения государственной политики. Это фигура в целом негативная, действительно авантюристичная, хотя и слепо воспринятая

народными массами, как очередной или же чудесно спасшийся «народный государь». Подобная «слепота» нуждается в отдельном исследовании, поскольку в истории есть немало примеров, когда народ, в надежде на улучшение жизни, нередко видит лидеров и спасителей в личностях пустых, недостойных, авантюристичных и в итоге ввергает себя в очередную трагедию.

Подведем итоги:

1. Следует констатировать ущербность корпуса источников, касающихся как предполагаемого убийства царевича Дмитрия в Угличе (даже об этом событии нельзя говорить вполне уверенно по ряду причин), так и освещающих возможное происхождение Самозванцев, первый и второй из числа которых активно проявили себя, в том числе и в первую очередь, и на Юго-Западных землях Московского Царства.

2. Серьезные и обоснованные сомнения вызывает каноническая для советской и постсоветской историографии версия, что первый Самозванец был монахом-расстригой Григорием Отрепьевым. Анализ и синтез имеющихся сведений позволяет утверждать, что первый Самозванец был искренне уверен в своем царственном происхождении. Маловероятно, что он являлся действительно спасенным и воспитанным где-то на чужбине царевичем Дмитрием. Более обоснованной представляется версия, что некий юноша был воспитан как «царевич Дмитрий» внешней или внутренней оппозицией Бориса Годунова как претендент на престол. Воспитание дало плоды: Самозванец стал перспективным правителем-реформатором, однако его деятельность была прервана заговором и безвременной гибелью.

3. Компаративно-исторический анализ деятельности Дмитрия и Петра I демонстрирует сходство их реформ по многим параметрам. Объясняться это может тем, что перед обоими правителями стояли по сути дела сходные объективные задачи.

4. Второй Лжедмитрий («Тушинский вор») остается личностью не менее загадочной, однако, в отличие от Первого Самозванца, несамостоятельной, не имеющей ни программы реформ, ни должного образования и воспитания. Именно он, скорее всего, случайная фигура, авантюрист, политик-дилетант, вознесенный судьбой на одну из вершин власти и успешно использовавшийся различными политическими силами.

Библиографический список

1. *Агеева О. Г.* Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века // Мир истории. 1999. №5 [электронный журнал] URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/05/ageyeva.htm>
2. *Беляев И.С.* Следственное дело об убиении Дмитрия Царевича в Угличе 15 мая 1591 года. – М.: Типография штаба московского военного округа, 1907. – 36 с.
3. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. – СПб.: Изд. С.Д. Шереметева, 1898.
4. *Буссов К.* Московская хроника // Смута в Московском государстве. — Москва, 1989.
5. *Валишевский К.* Смутное время. – М.: Терра, 1991
6. *Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание. – М.: Академический проект, 2014. – 249 с.
7. *Горсей Дж.* Записки о России XVI - начале XVII в. / Вступит. статья, перевод и комментарии А. А. Севастьяновой. М., 1990.
8. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. – М.: Мысль, 1986.
9. *Иное сказание* // Смута в Московском государстве. М., 1989.
10. *Каплан В.* Иван Грозный: благочестие на крови. Беседа с известным церковным историком и религиоведом Александром Дворкиным // Фома. 2006 № 4 (36). С. 89-94.
11. *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? – М.: Московский рабочий, 1992.
12. *Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. – М.: Мол. гвардия, 2009.
13. *Костомаров Н. И.* Кто был первый Лжедмитрий. – СПб., 1864.
14. *Крашенинников В.В.* История Севска и окрестных мест. Т. I. – Брянск, 2011.

15. Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. – М., 2014.
16. Лисейцев Д.В. Судные приказы Московского Царства в конце XVI начале XVII века // Российская история, №6, 2010.
17. Лурье Я.С. Письма Джерома Горсея // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Л., 1941. Вып. 8.
18. Маржерет Жак. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Смута в Московском государстве. — Москва, 1989.
19. Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. – Москва, 1937.
20. Молчанова М. Лжедмитрий II: история взлета и падения «тушинского вора» // Дилетант. Самозванцы в России. [Электронное издание]. URL: https://diletant.media/articles/32912430/?utm_medium=sborniki.
21. Низовский А. Ю. Самозванцы на Руси. — М.: Вече, 2006.
22. Павленко Н.И. Петр Первый. – М.: Молодая гвардия, 1975;
23. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в. – Белгород, 2004.
24. Пенской В.В. Попытка военных реформ в России начала XVII в. // Вопросы истории. 2003 № 11.
25. Пирлинг П.О. Дмитрий Самозванец. – Ростов-на-Дону, 1998;
26. Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. Репринтное издание. М., 2011.
27. Пташицкий С.П. Письмо первого Самозванца к папе Клименту VIII от 24 апреля 1604 года. – СПб, 1899.
28. Пушкин А.С. Борис Годунов // Собр.соч. в 10 т. Т.4.
29. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1971.
30. Серов Д.О. Фискальская служба России: зигзаги исторического пути // Вестник Новосибирского университета. Сер. Право. 2005. Т.1. Вып.1;
31. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. – Москва: Наука, 1978.
32. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. — 2-е изд. — М.: Наука, 1980. - 248 с.
33. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. – Новосибирск: Наука, 1990.
34. Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. – Москва: АСТ, 2002. – 393 с.
35. Скрынников Р. Г. Три Лжедмитрия; М., ООО «Издательство АСТ», 2003.
36. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. – Ленинград, 1951.. С.112.
37. Смирнов И.И. Краткий очерк истории восстания Болотникова. – Москва, 1953.
38. Суворин А.С. О Димитрии Самозванце. СПб., 1906.
39. Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008.
40. Усачёв А.С. Князь И. Ф. Мстиславский – забытый книжник XVI в.? // Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки». 2011. № 1. С. 15-24
41. Успенский Э.Н. Лжедмитрий Второй, настоящий. – Москва: АСТ, 2007. – 637 с.
42. Флетчер, Дж. О государстве русском / пер. с англ. М. А. Оболенского. – Захаров, 2002. – 176 с.
43. Чубур А.А., Чернышов С.В. Государь Дмитрий II Иоаннович: самозванец-неудачник или нереализованная европейская альтернатива Российского государства? // Начало Русской государственности в IX веке и её возрождение в первой четверти XVII века. Материалы международной научной конференции 25-27 ноября 2012 г. – Брянск: «Курсив», 2012. С.86-95
44. Шеламанова Н.Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в.// Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С.194-215.

Сведения об авторе:

Новикова Анна Евгеньевна, магистр истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского. 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. E-mail: Anyutochka.5@mail.ru

СУМБУР ВМЕСТО ДИСКУССИИ.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА РЕЦЕНЗИЮ Е.А. ШЕНДРИКОВА

Аннотация: В статье рассматривается рецензия Е.А. Шендрикова на монографию В.Ю. Рылова, посвященную истории Воронежской области в начале Второй мировой войны 1939-1941.

Ключевые слова: Воронежская область, Вторая мировая война.

Abstract: In this article considers the review of E.A. Shendrikov on the monograph of V.Yu. Rylov, devoted to the history of the Voronezh region during the World War II 1939-1941.

Key words: Voronezh region, World War II.

С большим интересом прочитал рецензию Е.А. Шендрикова на свою монографию [1] в брянском электронном журнале «История. Общество. Политика» [2. С.172-175].

Сразу следует обратить внимание на то, что автор, несмотря на негативный настрой и предубеждения по отношению к моей работе, вынужден был признать, что «...книга вызовет несомненный интерес у всех интересующихся историей Воронежской области советского периода. Опубликованные источники позволяют более точно воссоздать картину, происходящую в Воронежской области в 1939–1941 гг.» [2. С. 175].

Рецензия грешит массой фактических ошибок, неточностей и т.д. В уже упомянутой аннотации отмечено, что в статье рассматривается «монография В.Ю. Рылова, посвященная истории Воронежской области в годы Великой Отечественной войны». В действительности, большая часть материала моей работы о событиях начала Второй мировой войны (сентябрь 1939 - 22 июня 1941 гг.). Что и подтверждает автор с первых же строк сообщая о том, что работа посвящена малоизвестному периоду «...истории Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939–1941) и включает в себя более ста ранее не публиковавшихся документов Воронежского обкома ВКП (б) и других организаций» [2. С. 172].

Рецензент почему-то ополчился на то, что я назвал свой труд монографией: «Сборник документов, который автор самоуверенно и необоснованно назвал «монографией»» [2, С. 172]. Дело в том, что существует особый жанр научной литературы, давно известный в отечественной историографии: авторы включали в свои труды документы в определенном контексте, снабжая их обширными комментариями. Подобные тексты имеются и сейчас. Они отличаются от обычных сборников документов указанными особенностями подачи исследовательского материала. Очевидно, что автор рецензии этого не знает.

Если говорить по существу рецензии, то упреки в мой адрес в «предвзятом отношении к мероприятиям советской власти, попыткам выдать желаемое за действительное» (что «желаемое» мной увидел рецензент остается непонятным. – В.Р.) и в том, что «документы подобраны по одному принципу – в них отражены негативные стороны жизни руководящих органов и населения Воронежской области в 1939–1941 гг.» [2. С. 172] представляются крайне необоснованными и очень примитивными.

Об успехах и всевозможных достижениях СССР, коммунистической партии, советской власти, «социалистического строительства» были написаны горы литературы. Подобные публикации о «жизни руководящих органов» имеются и сейчас с натужными попытками всячески оправдать ошибки и преступления сталинского режима. Если бы автор действительно искал объективности, то он мог бы вслед за мной пойти в архив, найти документы, опровергающие мою точку зрения, и на их основе написать монографию по этой же теме. Но он

почему-то до сих пор этого не сделал. Публикации автора по указанной проблематике отсутствуют, что не мешает ему раздавать «ценные указания» как правильно изучать данную тему.

Рецензенты также делятся знаниями «космического масштаба» в области международной политики, при этом упрекая меня в незнакомстве «с международной ситуацией того времени»: «советское правительство накануне Великой Отечественной войны вернуло территории, ранее входившие в состав Российской империи за исключением Северной Буковины» [2. С. 172]. Стоило бы знать, что кроме Северной Буковины в состав СССР (УССР) вошли земли Галиции и Лодомерии, которые в Российскую империю не входили, а являлись частью Австро-Венгерской империи. В результате распада Австро-Венгрии все эти земли вошли в состав Польши. И какое отношение имеет к СССР – «государство нового типа» к романовской империи, которую авторы рецензии призывают «не идеализировать», – не понятно.

Далее, автор приводит цитату из работы неких «современных историков», издавших свой труд двадцать лет назад: «Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе «сфер интересов», необходимо иметь ввиду следующее. Есть такое понятие в военной науке – геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начинали наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие – в 35 км от Минска, немецко-румынские – в 45 км от Одессы и т. д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти «километры», чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 г., особенно для обороны Ленинграда и Москвы» [2. С. 172].

Интересная оговорка, допущенная автором приводимой цитаты, – для которых «наша» страна, сгинувший СССР, управлявшийся компартией. Т.е. живя в России он не считает её своей страной. Этот патриот СССР почему-то не защитил свой Советский Союз, компартию, советскую власть, а теперь он занимается неуклюжими попытками оправдать пакт Риббентропа-Молотова, осужденный в советские и в постсоветские времена, в том числе Госдумой и Президентом России.

Кроме того, русские цари, расширяя империю, строя Петербург, доставшийся большевикам, не успели спросить мнения у воронежского геостратега куда им «отодвигать» границы. Рассуждения о городах, находящихся близко от *новой* границы с Германией с 1939 г. свидетельствуют об отсутствии логики и здравого смысла, как у авторов цитаты, так и у того, кто ее приводит.

Румыния и Финляндия оказались союзниками Гитлера по простой причине – Сталин заставил Румынию отдать Бессарабию и Буковину СССР, а с Финляндией развязал войну. Территориальные приобретения СССР в 1939-1940 гг. были захвачены немцами в первые недели войны; Брест в 7.00 22 июня, 23 июня Вильнюс, а через месяц Рига и т.д. и т.п. Без союза Сталина с Гитлером против Польши, 170 немецких дивизий не оказались бы на границе с СССР 22 июня 1941 г. Так что Сталин ничего не «отодвинул» и не «оттянул», а наоборот приблизил и ускорил развязывание войны против СССР. Удивительно, что «современным историкам» приходится это разъяснять. «Нельзя не отметить, что руководство СССР во главе с И.В. Сталиным не доверяло А. Гитлеру (с которым заключило договор о **Дружбе**. – В.Р.), поэтому усиленно готовилось к отражению агрессии» [2. С. 173.], – глубокомысленно замечает рецензент.

К тому же автор обратил внимание на зафиксированное в документах яростное неприятие советской власти жителями «...Западной Белоруссии и Западной Украины, возвращенных в состав страны в сентябре 1939 г. Поскольку около 20 лет эти территории входили в состав Польши, имеющей другой политический строй и уклад жизни, то часть населения была недовольна преобразованиями советской власти, что и подтверждают приводимые авто-

ром документы» [2. С. 174] - бесхитростно замечает рецензент. Как отметил генерал пограничной службы ФСБ В.И. Городинский в своей монографии о погранвойсках в 1941 г., присоединение западных территорий сделало их жителей заклятыми врагами СССР, добровольными и бескорыстными помощниками гитлеровцев. Это явилось одной из причин катастрофы 1941 г. [3. С. 455-456].

На этом можно было бы, и закончить ответ автору, который сам расписался в своей несостоятельности. Однако следует остановиться и на фактической стороне моей монографии, которую он критикует.

Многу приведены примеры драконовских, антисоциальных законов, перечеркивавших все «завоевания Октября» и ставивших трудящихся в положение крепостных на казенных предприятиях. Автор стремится оправдать это, заявляя, что «Подготовка к войне иногда выражалась принятием суровых и непопулярных мер» [2. С. 173.]. Правда забывает сказать, что эти «суровые меры» были отменены лишь в конце 1950-х гг. Таким образом, получается, что СССР сначала готовился к войне, потом воевал, а потом восстанавливал разрушенное войной. Получалось, что без «суровых мер» было трудно обойтись.

Автор рецензии говорит, что я «невольню пытаюсь» оправдать «несунов» и «хулиганов» на производстве. Решительно заявляю, что я не пытаюсь оправдать, а оправдываю, так как антиобщественное поведение было единственным способом физического существования в тоталитарном обществе. Сама власть, поставив людей в нечеловеческие условия, заставляла их воровать и яростно «работать локтями», чтобы просто выжить.

Рецензент считает, что мне не удалось показать «ужасающую картину», царящую в Воронежской области, «причем выводы автора во многом опровергают приводимые им же документы» [2. С. 173.]. В каком вопросе выводы опровергают документы, я не понял. Автор, пытаясь выявить «противоречия» в моей работе, в них запутался, сам себя и опроверг.

Так, признавая, что документы, приведенные в работе, указывают на то, что в области «имелись серьезные проблемы (перебои с хлебом, нехватка дров и т.д.), но не настолько как это пытается представить исследователь. В документах прослеживается забота руководства области о рабочих и о недопущении срывов поставки военной продукции». Действительно, поставки «военной продукции» заботили советское руководство в первую очередь. В чем заключалась пресловутая «забота о людях» авторы рецензии не разъяснили. «Данные об ужасающем положении населения Воронежской области изрядно преувеличены» - опять авторы путаются – кем данные преувеличены – мной или авторами документов?

Вместо представления доказательств начинается бессмысленное резонерство: «Исследователь обвиняет советское руководство во всех неудачах, ошибках и просчетах, опуская роль личности в истории», которая свелась к тому, что «Стремление к наживе, защита корыстных интересов, спасение своей жизни – существовали всегда, и в царские времена, и в советский период и в наши дни. Борьба советской власти с этими проявлениями человеческой низости ни к чему не привела, так же как и в наше время, борьба со злоупотреблениями чиновников не приносит должных результатов» [2. С. 173]. Предположим, что это верно, но тогда это не соотносится с постулатами марксизма-ленинизма, отводившими личности второстепенную роль. Получается, что навязывание коммунистического учения противоречит природе человека. Следовательно, сопротивление большевизму было оправдано.

Но автор утверждает противоположное: «Исследователь делает ничем не подкрепленный вывод о том, что антисоциальные законы озлобили население, приведя к тому, что «единственным способом воздействия на власть было участие в антисоветских коллаборационистских формированиях». С этим утверждением полностью нельзя не согласиться» [2. С. 173]. Напомню, что сам автор скромно назвал «суровые меры» «непопулярными», а также разумно объяснил антисоветские настроения бывших граждан Польши. Но автор опять запу-

тался: не понятно с чем «полностью нельзя не согласиться» — с тем, что антисоциальные законы озлобили население, или с тем, что люди могли высказать свое несогласие со сталинским режимом дезертировав из армии, сдать в плен или перейти на сторону врага.

Других каналов обратной связи общества и власти, увы, не было, или они часто носили фиктивный характер, как, например, отправление гражданами жалоб в разные инстанции. Что подтверждает, например, приведенное мной дело Анисифорова [1. С.55, 153-157], арестованного по обвинению в контрреволюционной агитации за письма Сталину, в которых он жаловался на нищенскую жизнь рабочих.

Красная армия, состоявшая преимущественно из крестьян не желала воевать: «...принудительный труд и другие особенности колхозной системы ... одна из важнейших причин, предопределивших невероятный успех германского наступления летом–осенью 1941 года», «Основная масса красноармейцев — колхозники, враждебно настроенные в отношении советского режима», что признавал и Сталин: «В наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов» [4. С. 76].

Рецензент считает, что «...советская власть совершала ошибки, подвергая необоснованным репрессиям советских граждан, однако, она же и реагировала на жалобы невинно осужденных. Приводимые автором документы по делу А.П. Гусева это полностью подтверждают». Из дела Гусева, секретаря одного из райкомов Воронежской области, следует, что он привлекался по 109 ст. (злоупотребление властью), но был оправдан за отсутствием доказательств, тем не менее, три года отбыл в лагере. После освобождения, по сути, нищенствовал, на работу его не брали, не мог воссоединиться с дочерью, которая жила у родственников, а его жена продолжала находиться в лагере, т.к. была осуждена по тому же делу, но по 58 ст. и реабилитации не подлежала [1. С. 253-256]. Гусев писал в обком: «Формально ничего у меня не отбирая, кроме партположения, партия фактически лишила меня права на труд. И сегодня я нахожусь в таком положении, описать которое я не умею. Восьмой месяц я стараюсь поступить на работу, но тщетно» [1. С. 254]. Хотелось бы прокомментировать рецензентов словами Ленина, сказав, что им «необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное», в чем они «еще нуждаются».

«Не совсем убедительными» показались рецензенту мои выводы относительно широкого распространения антисемитизма в СССР. Для их опровержения из всех многочисленных примеров в моей книге приводится одно сообщение из газеты «Коммуна» о семье Поповых систематически третировавших своих соседей евреев Гуревичей. В качестве опровержения моих доводов рецензент говорит, что хулиганов наказали реальными сроками заключения [2. С. 173-174]. Однако из той же заметки следует, что травля Гуревичей происходила 8 месяцев, а власти вмешались лишь тогда, когда Поповы самовольно захватили комнату, да еще и пытались побить милиционера [1. С. 173]. То есть не травля евреев послужила главной причиной осуждения. Незадачливый рецензент в очередной раз «не понял прочитанное».

Как и в этом случае: «Исследователь пытается доказать катастрофическое положение, якобы царившее в период проведения мобилизации после начала войны с Германией, опираясь при этом на документ, содержащий следующие строки «при огромном подъеме боевого духа среди мобилизованных и проявлении чувств высокого советского патриотизма, решимости громить врага во что бы то ни стало, имеют место отдельные случаи преступных и аморальных явлений» [2. С. 174].

Стандартный советский документ, начинающийся с ритуальных заклинаний об успехах и достижениях, клятв вождям и т.д., после которых следует отчет о реальном положении дел. Это отражено в советской массовой культуре, песенке Л. Утесова «Все хорошо, прекрасная маркиза»: «Огонь усадьбу всю спалил, а с ней конюшню охватил/ Конюшня запертой была, а в ней кобыла умерла...». Рецензент не может этого не знать. Кстати, автор не обратил вни-

мание на то, что по мере ухудшения ситуации в 1941 г. из официальных документов почти полностью исчезают ритуальные вступления.

«Не совсем понятно, чем руководствовался В.Ю. Рылов, делая выводы об ужасающем состоянии в запасных стрелковых бригадах» и уже в следующем предложении рецензент говорит, что «Следует заметить, что более худшее положение было в царские времена. Одной из серьезных проблем являлось укомплектование русской армии запасными». Мне тоже «не совсем понятно» почему в русской армии было «более худшее положение», если авторы приводят цитату из документа, в которой говорится о «здоровом состоянии» в частях РККА. К тому же цитируют М.В. Родзянко, который рассуждал о плохом состоянии мобилизованных запасных солдат во время Первой мировой войны, что явилось одной из причин Февральской революции [2. С. 174]. Могу пояснить автору, что «более худшее» положение, чем в Красной армии и вообразить нельзя: красноармейцы буквально без штанов, обуви, даже еды, не говоря уж о постельных принадлежностях, которых часто и не видели. Только к новой революции это не привело. Какие, спрашивается, настроения и боевой дух могли быть у больных, голодных, забитых людей? Приведенные мною документы госбезопасности, военных, партийных органов ясно об этом говорят. Но рецензент эти красноречивые свидетельства «не заметил».

Вызывает недоумение пассаж «Так, он (т.е. автор монографии. - В.Р.) выступает против лишения семей дезертиров прав на льготы. Выглядит это несколько странно. По Рылову выходит, что все семьи военнослужащих – тех, кто преданно служил Родине и тех, кто нарушил воинский долг – должны были находиться в одинаковом привилегированном положении. В тяжелых условиях, в которых находилось население Воронежской области, это являлось, по меньшей мере, не совсем справедливым» [2. С. 174]. Перечитал еще раз то, что я писал об этом вопросе – нигде против лишения льгот я не «выступал», а просто констатировал факт наличия преступных приказов о взятии в заложники семей дезертировавших или сдавшихся в плен военнослужащих. По-моему ясно, что нельзя наказывать за преступления тех, кто их не совершал. Это противоречит всем правовым нормам и является основным приемом террористов, - взятие заложников, нападения на граждан не причастных к преступлениям. Не удивлюсь, если рецензент одобряет преступные этнические депортации чеченцев, калмыков и др. осуществленные по приказам Сталина и осужденные еще в советские времена.

Подводя итог, следует отметить низкий уровень рассмотренной мною рецензии, даже чисто с технической точки зрения – многочисленные ошибки, несогласованность доводов и противоречия в высказываниях. К сожалению, вместо дискуссии, к которой призывает и название моей книги «За и против», получился какой-то сумбур – бессмысленные рассуждения о «геостратегии», странные, крайне противоречивые аргументы. Основную мысль моей работы о том, что война была абсолютно ненужной населению Воронежской области и ничего, кроме бед народу не принесла, автор рецензии не понял или не заметил. Становится ясно, что автор просто не может адекватно оценить рецензируемую работу в силу собственной некомпетентности. К этому добавляются очевидные просталинские и просоветские симпатии с нелепым стремлением к оправданию сталинщины, что является крайне вредной политической ошибкой.

Библиографический список:

1. Рылов В.Ю. «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941): монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 312 с.
2. Шендриков Е.А. Рецензия на книгу: В.Ю. Рылов «За и против. Власть и общество в Воронежской области в начале Второй мировой войны (1939-1941): монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 350 с. // История. Общество. Политика. 2020. № 4 (16). С. 172-175.

3. Городинский В.И. Правда истории или мифология? Малоизвестные страницы служебно-боевой деятельности Пограничных войск НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны. - М.: Грифон, 2016. – 580 с.
4. Александров К.М. «Берегись! Зашибем!»: К вопросу о социально-политических причинах сталинской коллективизации // Крестьяноведение. 2020. Т.5. С. 70-97.

Сведения об авторе:

Рылов Владимир Юрьевич, к.и.н, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Исторического факультета Воронежского государственного университета; e-mail vyurylov@ya.ru

Рецензии

УДК 94(430).074

С.В. Артамошин

ВЕЛИКИЙ КАНЦЛЕР ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ : ВЛАСОВ Н. А. БИСМАРК. «ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР». – М., ЯУЗА-КАТАЛОГ, ЯКОРЬ, 2018. – 432 С.)

Аннотация: В статье осуществляется критический анализ монографии Н.А. Власова, посвященную биографии германского канцлера Отто фон Бисмарка. Рассматриваются позиции автора по основным вопросам германской внутренней и внешней политики в XIX в., а также анализу биографии О. фон Бисмарка.

Ключевые слова: Кайзеровская империя, О. фон Бисмарк, объединение Германии «железом и кровью», биография.

S.V. Artamoshin

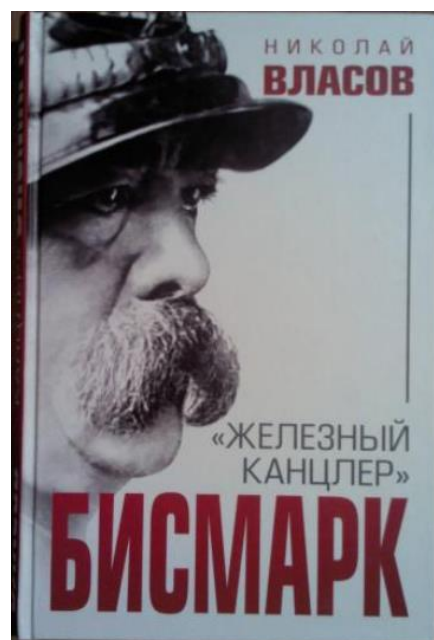
Great Chancellor of German History (Reflections on the book: Vlasov N. A. Bismarck. "The Iron Chancellor". - M., Yauza-catalog, Anchor, 2018. - 432 p.)

Abstract: The article provides a critical analysis of the monograph by N.A. Vlasov, dedicated to the biography of the German Chancellor Otto von Bismarck. The author considers the positions of the author on the main issues of German domestic and foreign policy in the 19th century, as well as on the analysis of the biography of O. von Bismarck.

Key words: Kaiser empire, O. von Bismarck, unification of Germany "with iron and blood", biography.

В истории Германии всегда можно найти политических и культурных деятелей, влияние которых на мировую историю было огромным, а подчас и определяющим. Скачкообразный процесс развития германского государства на протяжении многовековой истории оставлял простор для политической реализации ее деятелей. В XIX в. европейской истории произошли глобальные политические изменения, повлиявшие не только на мировую историю, но и сыгравшие важную роль в развитии германской государственности, приведя к образованию единого германского государства – кайзеровской империи. Одну из важнейших ролей в этом процессе сыграл канцлер германского государства князь Отто фон Бисмарк. В отечественной историографии фигура первого канцлера германской империи носила как критический, так и романтизированный характер, а в последние годы и откровенно выдуманный, политически сфальсифицированный, характер не столько личности, сколько придуманных цитат, якобы высказанных германским политиком и радующих самолюбие российских «патриотов».

В научной литературе рассмотрение биографии Бисмарка традиционно связывается с именами двух исследователей – А. Ерусалимского[2.] и В. Чубинского [3.]. Крупный советский историк А. Ерусалимский известен не только как глубокий исследователь германской внешней политики второй половины XIX в. и один из первых биографов Бисмарка как дипломата, но и издатель воспоминаний О. фон Бисмарка, которые появились на русском языке как знак политического сближения после заключения советско-германского пакта о ненападении

23 августа 1939 г., известного как пакт Молотова-Риббентропа, подписанный между большевистским и национал-социалистическим правительствами, и сопровождавшейся секретным протоколом о разделении зон политических интересов в Восточной Европе и Финляндии. Использование образа «русофильского» Бисмарка и издание его мемуаров в серии «Библиотека внешней политики» должно было служить демонстрацией радикального изменения внешнеполитического курса советского и нацистского правительств.

Появление в 1988 г. первой полновесной биографии Бисмарка, написанной В. Чубинским, было существенным прорывом в области изучения кайзеровской империи и на долгие годы оставалось единственной персональной историей германского канцлера. Однако она имела определенные особенности, связанные с советской биографической традицией, акцентирующей внимание на политической деятельности, что приводило к прорисовке политического профиля, а не человеческой личности. Справедливости ради следует сказать, что поток современной биографической литературы, посвященной Бисмарку с изложением политических и частных аспектов биографии, появился с 1980-х гг. и по определению был не доступен автору.

Рассматриваемая книга Н. Власова предоставляет читателю увидеть другого Бисмарка, который не только живет в мире высокой политики, государственных целей и хитросплетений дипломатии, но и имеет дом, близких людей, увлечения, страсти, болезни и ожидания. Коротко говоря, читающий книгу получает возможность увидеть живого человека, почувствовать его переживания, успехи и неудачи, парадную и приватную сторону жизни. Это бросается в глаза с первых страниц книги, и, на наш взгляд, является ярким достоинством исследования, в полной мере соответствующего современной модели исторической биографии. При этом исследование Н. Власова является научной работой, в которой на примере биографии О. фон Бисмарка прослеживаются ключевые события германской истории XIX века, в которой сам герой играл определяющую или важную роль.

Следует отметить, что автор на протяжении всего исследования проводит мысль о том, что для политической линии Бисмарка важнейшим было следование интересам прусского государства, которые были определяющими как в до объединительный период, так и в годы кайзеровской империи. При этом для него была характерна свобода действий и представлений, разделяемых им, и навязываемых окружающим. «Бисмарк в любой ситуации и на любой должности стремился действовать в соответствии с собственными воззрениями, и никому – включая монарха – не удалось добиться от него простого исполнения приказов» [1. С. 31]. Это качество, помноженное на юнкерский менталитет, и составило образ «железного канцлера», закрепившийся как в германской истории, так и в германской историографии. Власов подчеркивает, что единственным актором, которому «Бисмарк был лоялен всегда и безоговорочно – это была Пруссия, прусское государство» [1. С.50]. Автор полагает, что стремлением Бисмарка на протяжении всей политической карьеры было желание превознести величие прусского государства в европейской политической системе. Нам представляется обоснованным утверждение Н. Власова о том, что «Бисмарк был немецким националистом в гораздо меньшей степени, чем прусским патриотом <...> Германия виделась ему, по сути, увеличенной в своих размерах Пруссией» [1. С.68].

Н. Власов последовательно и детально прослеживает политический путь Бисмарка к политической власти и германскому канцлерству, выделяя особенность его политической стратегии, состоящую в стремлении к политическому реализму, опиравшемуся на государственный эгоизм. Его деятельность во Франкфуртском парламенте и на посту прусского посланника в Петербурге способствовали складыванию его стиля управления. «Бисмарк все в большей степени вырабатывал свой личный стиль руководства, авторитарный, базирующийся на уверен-

ности в собственной правоте и нетерпимый к чужой критике» [1. С. 124]. Вместе с тем, биограф не склонен приукрашивать личность Бисмарка или, наоборот, демонизировать его. Для его книги характерно стремление занять историческую дистанцию и сохранить историческую объективность, и избежать, действительно избежать, того или иного ангажированного подхода. Вместо каменного Бисмарка, предопределяющего все действия и имеющего выработанный план, нам предстает политик, который ищет решение, добивается успеха или неудачи, подвержен воздействию обстоятельств. Его политический успех не был случайностью. Автор полагает, что «сочетание редкого упорства с гибкостью и открытостью всему новому стало тем секретным оружием, которое принесло Бисмарку победу. И, конечно, ему во многом повезло» [1. С.150].

Наравне с изучением политической деятельности Бисмарка гармонично и заинтересовано для читателя представлены частные стороны его жизни. Это касается как отношений в семье, прежде всего между супругами, с одной стороны, и родителями и детьми, с другой. Также это касается некоего приближенного круга, который существовал вокруг него, состоящего из разных людей, со временем все уменьшающимся. Можно отметить удавшийся автору образ живого канцлера, который во многом состоялся благодаря разновесному сочетанию в книге политической и частной сторон жизни Бисмарка.

С определенной детализацией Н. Власов рассматривает процесс объединения Германии, стараясь акцентировать внимание на тех аспектах, которые выявляют особенность политической линии Бисмарка в этом вопросе. Можно согласиться с автором в том, что надежды на успех во внешнеполитической деятельности, направленной на объединение германских государств служили средством преодоления внутриполитического тупика, в котором оказалось правительство в противостоянии с парламентом [1. С.163]. Встает вопрос, насколько Бисмарк был готов к объединению германских государств в единое целое? Являлось ли объединение результатом продуманной политической стратегии канцлера?. Н. Власов критически оценивает утвердившееся мнение о изначальном планировании процесса объединения, полагая, что во многом он был результатом стихийных действий и в своей основе имел совершенно иные задачи, ориентированные на усиление роли прусского государства в европейской политике. «Стратегической целью Бисмарка являлось не создание немецкого национального государства, а усиление Пруссии и укрепление собственных позиций» [1. С. 164]. Успехи прусского государства в войнах с Данией и Австрией способствовали усилению позиций Бисмарка, сделав его популярным политиком, умевших не увлекаться достигнутыми успехами и знавшим, когда следует остановиться, как, например, в войне с Австрией [1. С.182-183]. Франко-германскую войну автор рассматривает комплексно, анализируя военные, дипломатические и династические факторы. Следует считать убедительным утверждение исследователя о том, что военный конфликт был выгоден не только Пруссии, но и Франции, которая с его помощью надеялась разрешить внутриполитические проблемы. Действия Бисмарка во время войны привели к конфликту компетенций с Большим Генеральным штабом и лично Г. Мольтке, в котором каждая из сторон старалась отстоять свое поле деятельности.

Следует обратить внимание, что при рассмотрении имперского канцлерства Бисмарка, Н. Власов обращает внимание на сюжеты, которые оставались в тени отечественной историографии, или же придает им дополнительное звучание, затрагивая действия противоположной стороны, а не только германского правительства. Это касается не только политике 1870-х, но и 1880-х гг. Следует сказать, что в рассматриваемых частях автор фрагментарно останавливается на антисоциалистическом курсе, но и не отмечает эволюцию консервативных сил кайзеровской Германии, а также формирующихся националистических групп. Вообще партийный аспект локализуется в исследовании исключительно в системе парламентского взаимодействия.

Нам представляется правильным отход Н. Власова от советской парадигмы определения деятельности Бисмарка как диктатуры бонапартистского типа и обращение внимание на авторитарном стиле управления [1. С.271]. Следует только поддержать утверждение Н. Власова о том, что крупнейшим достижением Бисмарка после завершения периода «железа и крови» стало государственно-политическое оформление кайзеровской империи. Титаническая работа, предпринятая канцлером в этом направлении подчас оттеняется громкими политическими акциями 1870-х гг., которые не должны принижать сделанного.

Не оставляет Н. Власов без внимания и отношения Бисмарка с германскими императорами. Он опровергает традиционный стереотип о подчиненном положении Вильгельма I в их тандеме. Автор отмечает сложность взаимоотношений императора и канцлера не только в процессе объединения, львиную волю Бисмарка, сужавшую пространство для маневра и уклонения от необходимости принятия политического решения. Исследователь обращает внимание на периоды взаимодействия и политических обид, заставлявших императора публично игнорировать канцлера, как при провозглашении империи. Конфронтационные отношения Бисмарка с Фридрихом Вильгельмом во многом не получили своего развития благодаря кратковременному правлению умирающего императора, а отношения с Вильгельмом II балансировали на грани почитания заслуг канцлера и стремлении к проведению собственной авторитарной политики. Комплекс причин, включавший как взаимоотношения молодого императора и канцлера, провал исключительной политики Бисмарка в отношении социал-демократов, возраст и усталость обусловили отставку «железного канцлера».

Следует согласиться с утверждением автора о том, что успехи политики Бисмарка во многом определялись нешаблонностью действий и его стремлением к использованию максимального количества альтернатив. Выражаясь образно, можно сказать, что Бисмарк старался держать максимальное количество дверей открытыми [1. С.404-405]. Н. Власов делает конечный вывод о политической деятельности Бисмарка и его месте в истории и исторической памяти Германии: «Объединение Германии, осуществленное во многом благодаря усилиям Бисмарка, его блестящие дипломатические победы и не в последнюю очередь – несмотря на всю их неоднозначность – успехи во внутренней политике делают его бесспорно выдающимся государственным деятелем. Возможно, самым выдающимся на протяжении всего XIX века» [1. С.427].

Рассмотренная книга Н. Власова представляет собой современное научное исследование процесса германской политики XIX в. сквозь личность германского канцлера Отто фон Бисмарка, демонстрируя, какие обстоятельства сделали возможным реализацию его политических амбиций. Данное исследование написано с учетом историографических дискуссий вокруг личности и деятельности канцлера и поднимает на новый уровень проблему осмысления истории Германии XIX в. Можно с полным основанием утверждать, что после публикации книги Н. Власова, остававшаяся несколько десятилетий единственная биография Бисмарка В. Чубинского, с этого момента стала частью историографии.

Библиографический список:

1. Власов Н. А. Бисмарк. «Железный канцлер». – М., 2018.
2. Ерусалимский А. С. Бисмарк: дипломатия и милитаризм. – М., 1968.
3. Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. – М., 1988.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 94(430).08

А. Й. Румша

АЛЬБЕРТ АЙБЕЛЬ В ТЕНЯХ НЕМЕЦКОГО ЛЕСА

Аннотация: Рецензия на книгу Альберта Айбеля «Der Waldgang des ‚Abenteuerlichen Herzens‘. Zu Ernst Jüngers Ästhetik des Widerstands im Schatten des Hakenkreuzes», вышедшую в издательстве »Winter Verlag« в 2020 году.

Ключевые слова: Германия, Эрнст Юнгер, уход в лес, немецкая литература, германистика, German studies

Rumsha A. Albert C. Eibl in the shadows of German forest

Abstract: The text is a review of Albert C. Eibel's book „Der Waldgang des ‚Abenteuerlichen Herzens‘. Zu Ernst Jüngers Ästhetik des Widerstands im Schatten des Hakenkreuzes“, which was published by „Winter Verlag“ in 2020.

Keywords: Germany, Ernst Jünger, Waldgang, German literature, German studies

Эрнсту Юнгеру

Едины мы в разьединенье,
И наших уз я не избег.
Путь Ессе-Ното, бред, сомненье,
и наше общее раненье,
которое зовется «век».

Готфрид Бенн

(Перевод: Мукушевич В.Б.)

Эрнст Юнгер – не первый и не последний немецкий писатель, раненный XX-м веком. Именно таким весьма разумным посылом заканчивается книга, о которой далее пойдёт речь. На последней странице [1, S.161] своей работы под названием «Лесной путь рискующего сердца. Об эстетике восстания Эрнста Юнгера в тени свастики» Альберт Айбель пишет: «Множество других авторов, несправедливо подвергнутых гонениям, забытых или оставшихся непонятыми, хотя и стоявших под знаменем интеллектуального восстания против режима национал-социалистов, также как и в случае с Юнгером, до сих пор ждут своего повторного открытия. Кажется, именно сейчас пришло время, когда можно взглянуть на этих авторов и их смелые сочинения по-новому».

После окончания Второй мировой войны в немецкоязычном культурном пространстве появляется термин «послевоенная литература» (Nachkriegsliteratur). Оно и по сей день разделяет авторов на два лагеря: в первом – те, кто имел (хотя бы косвенно) отношение к нацистскому режиму, во втором – те, кто в таком к нему отношении замечен не был. Проще всего сказать: те, кто были так или иначе замечены – те, стало быть, нацисты, а те, кто нет – те, получается, не нацисты. Просто и понятно. Как чёрное и белое. Никаких оттенков. И на сегодняшний день немало тех, кто по тем или иным причинам с уверенностью относят Эрнста Юнгера к нацистам. Например, в 2019 году Анна Митгуч, известная австрийская писательница, литературный критик и переводчик в интервью «Венской Газете» прямо так и заявила: «Эрнст Юнгер – он был нацист» [2].

Вот ещё один пример: в 2020 году на известном немецком телеканале »ARD« вышел фильм под названием «В гробницах истории» [3], в самом начале которого зрителя как бы предупреждают, что писатель, а по совместительству ещё и собиратель жуков, был ярким противником демократии во времена Веймарской республики. В дальнейшем акцент почему-то сделан на раннем периоде творчества, т. е. по тем или иным причинам в основном говорится именно о националистических текстах, хотя сам писатель ещё при жизни распорядился не включать в полное собрание сочинений свои ранние работы, которые, впрочем, составляют лишь малую часть корпуса его текстов. Ведь можно было упомянуть в фильме и более поздние сочинения Юнгера, например, роман «Эвмесвиль» (1977), чьё рабочее название звучало так: «Большая свалка» (Große Deponie); или какие-либо из поздних эссе, как то: »Der Weltstaat« (1960), »Die Schere« (1990), «Смена гештальта. Прогноз на XXI век» (1993). В конце фильма закадровый голос сообщает зрителям, что Юнгер сегодня становится популярен у праворадикальных групп, мыслящих себя новой аристократией, при этом подчёркивается: всё это как раз потому, что писатель предоставляет почву для взращивания подобного рода идей.

Вот ещё одно свидетельство того, что Юнгер – фигура, неоднозначно воспринимаемая не только в академических кругах, но и в обществе в целом: в столице Германии на станции метро «Савиньиплатц» (S-Bahnhof Savignyplatz) табличка, гласящая:

BRUDER

БРАТ

MENSCH

ЧЕЛОВЕК

HAT UNS SCHON

УЖЕ ЧАСТО

OFT VERLASSEN

ПОКИДАЛ НАС

BRUDER

БРАТ

BAUM

ДЕРЕВО

NIE

НИ РАЗУ

ERNST JÜNGER

ЭРНСТ ЮНГЕР

была кем-то (частично) залита краской. Запечатлённая в камне цитата Юнгера — часть «Мирового дерева II» (Weltenbaum II), арт-объекта, создававшегося группой художников с 1985 по 1986 год. Найти его можно на северной стене станции. Там же можно обнаружить и другие цитаты, например, Бертольта Брехта, с которым Эрнст Юнгер был хорошо знаком, и которые (по крайней мере ещё в 2020-ом году) залиты не были.

Пока что было мало сказано о самой рецензируемой книге. И это объяснимо: представленная работа адресована, скорее, невнимательному или предубеждённому немецкоязычному читателю и, хотя носит довольно-таки длинное и поэтическое название, по сути своей напоминает книгу Франсуа Федье «Хайдеггер: анатомия скандала» (рабочее название: «Апология Хайдеггера»), с тем лишь существенным отличием, что работа «Уход в лес рискующего сердца» написана на академический манер в 2020 году (в самом начале своего труда Айбель подчёркивает, что ещё в 80-е годы писать в университетских стенах о творчестве Юнгера было предприятием весьма и весьма сомнительным, и даже неуместным; ситуация начала меняться только в 90-е годы [1, S. 16f]). Этим предварительным замечанием лишь хотелось показать, что в немецкоязычном публичном пространстве Эрнст Юнгер был и до сих пор остаётся фигурой, воспринимаемой весьма и весьма неоднозначно. И именно на этом

фоне в прошлом году в хайдельбергском издательстве »Winter Verlag« выходит работа, оригинальное название которой звучит так: »Der Waldgang des Abenteuerlichen Herzens. Zu Ernst Jüngers Ästhetik des Widerstands im Schatten des Hackenkreuzes«.

Во введении Альберт Айбель немного рассказывает о литературных успехах и неудачах Эрнста Юнгера после окончания Второй мировой войны: до начала 50-х годов писатель снискал литературную славу и даже составлял серьёзную конкуренцию Томасу Манну. Успех однако уходит (так и хочется сказать «в лес»), как только начинает набирать популярность »Die Gruppe 47«, чей тон с точки зрения стилистики оказался современнее, но одновременно и злободневней по своему содержанию. Заключают введение 5 тезисов [1, S.17], сводящиеся к следующему: давайте рассмотрим Эрнста Юнгера не так, как это делается обычно. Вот вольный и сжатый их пересказ:

1. Юнгеровское воспевание войны – не его личное заблуждение, а, скорее, заблуждение всей эпохи.
2. Его отчасти фашистские взгляды на устройство общества не носили расистского характера. Также Юнгер настаивал на том, что государство должно быть правовым.
3. Юнгер не антисемит, хотя и возражал в некоторых своих публикациях против ассимиляции евреев в Германии.
4. Антидемократизм Юнгера присущ не только ему одному, но был распространённым и самым обыкновенным явлением среди его современников.
5. Эстетизм Юнгера – это не отсутствие сострадания к человеку и не призрение к нему, а, скорее, приобретенная с историческим опытом легитимная художественная установка – следствие деструктивной эпохи модерна.

Первая, а вместе с тем, пожалуй, и самая важная глава уже непосредственно самого исследования называется «Юнгер и Третий Рейх». Её тезисы ясны и прозрачны: Альберт Айбель пытается с опорой на исторические свидетельства, т.е. с опорой на факты, иными словами по-научному, показать нам, что хотя Юнгер и мог пошутить про евреев (к примеру, Айбель приводит следующую цитату Юнгера: »es sei kein Hauptkennzeichen des Nationalisten, daß er schon zum Frühstück drei Juden verspeist« – «отличительная особенность националиста состоит не в том, что он съедает на завтрак трёх евреев» [1, S.24]), всё же нацистом не был. Если выразить совсем коротко и несколько математически: быть националистом в 20-е годы в Германии не являлось и по сей день не является необходимым и достаточным основанием для того, чтобы относить ту или иную персону к национал-социалистам. На странице 30 [1] Альберт Айбель резюмирует исторические свидетельства откровенного нежелания Эрнста Юнгера (впрочем, как и его младшего брата Фридриха Георга) ассоциировать себя с национал-социалистическим движением:

- a) 1927 год: отказ от мандата, предложенного Юнгеру НСДАП для представления партии в Рейхстаге.
- b) 1933 год: отказ от повторного предложения НСДАП представлять партию в парламенте Германии.
- c) 16 ноября 1933 года: отказ от вступления в Немецкую Академию Поэзии. При этом Юнгер обосновывает свой отказ письмом, в котором ссылается на 59 главу из своего труда «Рабочий. Господство и Гештальт» (1932), выход которого был ознаменован острой критикой со стороны национал-социалистов.
- d) Писатель также был сильно недоволен тем, что газета «Фёлькишер беобахтер» опубликовала отрывок из «Рискующего сердца» без его ведома. Юнгер письменно заявил о своём недовольстве, отправив письмо с претензиями в редакцию.

Наверное, здесь можно было бы и остановиться, ведь уже на этом этапе становится ясно: Эрнст Юнгер был настроен весьма скептически по отношению к новому режиму. Однако же Альберт Айбель не останавливается и идёт дальше, приводя множество других исторических фактов, свидетельствующих об отсутствии какой бы то ни было симпатии к происходящему во времена становления нацистской Германии; всё это сопровождается цитатами из произведений Юнгера, призванными подтвердить обозначенный во введении тезис под номером пять. Айбель на протяжении всей своей работы тщательно разбирает литературное (в том числе и эпистолярное) наследие Юнгера, а также исторические события, сопутствующие периоду творчества между 1933 и 1945 гг.: всё это в совокупности как бы призвано подвергнуть Юнгера феноменологической редукции и оставить за скобками накопившиеся за долгие годы оценочные суждения о фигуре писателя, тем самым Айбель пытается продемонстрировать логику развития сознания самого автора в указанный выше период жизни и творчества.

Так можно ли попытаться в какой-то одной метафоре запечатлеть всю полноту «эстетики восстания» Эрнста Юнгера? Пожалуй, да. На странице 43 [1] Айбель обращается к не самому известному произведению Юнгера »Auf dem Balkon« (»На балконе«), впервые опубликованному в 1960 году в сборнике »Sgraffiti«. Именно метафора, в которой противопоставляется балкон и улица, а если быть точнее: стоящий на балконе, наблюдающий, не имеющий возможности, а самое главное не желающий вмешиваться Юнгер и происходящее на улице во время одного из ночных посещений фюрера (т. н. Führerbesuch). Два часовых патрулируют улицу и в тот момент, когда наступает затишье, Юнгеру доводится слышать разговор часовых: «”И там всё ещё есть дураки, которые не верят в фюрера, ты можешь себе представить?”». У меня возникло желание что-нибудь им вниз крикнуть, но я сдержался и правильно сделал. Этот мужчина был сильнее меня. Таковым он был не только в это мгновение, но он был сильнее, чем тот характерный тип человека, определяющий, сколько ещё будет существовать государство. Он был лучшей конституции, нежели чем я, и также был в состоянии доказать это, к тому же со всеобщего одобрения. Он бы всегда оставался сильнее, сильнее чем тот характерный тип человека, ибо наше положение не могло измениться: здесь балкон, а там улица; и происходящее текло как поток реки, в то время как на заднем фоне сгорали ракеты [фейерверка – прим. автора рецензии]. Не полнота происходящего, но пустота русла этой реки разделяла нас» [перевод автора рецензии]. Айбель небезосновательно полагает, что этой метафорой можно выразить суть «внутренней эмиграции» Эрнста Юнгера в те злополучные для истории Германии 12 лет.

Так как в задачу этого текста не входит пересказ всей книги (хотя бы такой соблазн и имелся), мы обратимся к её середине. Качественно это не привнесёт ничего нового, только лишь добавит очередную подробность, всё более и более детально раскрывающую нам, в чём же ещё проявлялась «эстетика восстания Эрнста Юнгера в тених свастики». Откроем книгу на странице 74 [1], где исследователь не без некоторой доли недоумения вновь указывает на один интересный факт, который – по его мнению – до сих пор всерьёз не воспринимался, а именно: в первой редакции «Рискующего сердца» и в последующих произведениях, появившихся во времена Третьего Рейха, Юнгер даёт явные указания на то, каким образом необходимо читать его тексты, чтобы замысел оных мог быть раскрыт. Айбель перечисляет эти произведения по порядку: »Blätter und Steine« (1934), »Африканские игры« (1936), »Фигуры и каприччо« (1938), »На мраморных утёсах« (1939), »Сады и дороги« (1942), »Myrdun« (1943), »Aus der Goldenen Muschel« (1944).

Что можно сказать? Книга Альберта Айбеля – весьма смелая попытка апологии Юнгера в интеллектуальном немецкоязычном пространстве. Но нуждался ли он в ней? Вспом-

ним, что ещё в 1977 году на немецком телеканале «3sat» вышел замечательный фильм-интервью немецкого журналиста Вальтера Рюделя (Walter Rüdel) об Эрнсте Юнгере под названием «Я не противоречу себе...» (Ich widerspreche mir nicht...). «Уход в лес рискующего сердца» Айбеля – это очередная попытка «отстоять» перед лицом политической конъюнктуры уникальность и автономию личности писателя. Сам же Юнгер устами протагониста в романе «Эвмесвиль» по этому поводу говорил так: «Я не хочу вступать в спор с обществом — например, чтобы улучшить его; для меня главное — не подпускать его к себе слишком близко». Вместе с тем, завершая эту рецензию, на ум приходят строки из небольшой заметки Георга Вильгельма Фридриха Гегеля «Кто мыслит абстрактно?»: «Sauve qui peut! [...] Объяснения вообще считаются в порядочном обществе признаком дурного тона». Была ли эта книга призвана что-либо кому-то объяснить? Положит ли работа Айбеля налаживанию диалога (между кем и кем?) или станет предметом очередной непримиримой дискуссии? Наверное, на эти вопросы только ещё предстоит ответить. Впрочем, хорошо то, что эта книга увидела свет.

Библиографический список

1. Eibl, Albert C. Der Waldgang des "Abenteuerlichen Herzens": zu Ernst Jüngers Ästhetik des Widerstands im Schatten des Hakenkreuzes, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2020, ISBN 978-3-8253-6957-6
2. Mitgutsch, Anna. Literatur muss alles dürfen. Интернет-издание «Внеской газеты», URL: https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/reflexionen/zeitgenossen/2042218-Anna-Mitgutsch-Literatur-muss-alles-duerfen.html?fbclid=IwAR0_dWp96iA_h-PDWISVKpyCTQpt2CyCbwEG99IeBMnHospnhK69fpJYBhk (дата обращения: 14.03.2021)
3. ARD, In den Gräben der Geschichte, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JLeuL5rB2l4> (дата обращения 14.03.2021)

Сведения об авторе:

Румша Андрюс Йозасович, бакалавр направления «лингвистика» НИУ «МЭИ»
e-mail: a.rumsha@yandex.ru

УДК 903.4(1-925.16)

А.А. Чубур

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: РАЗГИЛЬДЕЕВА ИРИНА ИННОКЕНТЬЕВНА.
ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАБАЙКАЛЬЯ. – ЧИТА : ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУ-
ДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2018. – 208 с. ISBN 978-5-9293-2257-0

Ключевые слова: рецензия, монография, И.И. Разгильдеева, планиграфический анализ, палеолит

Chubur A.A. Review of the monograph: Rippleeva Irina Innokentievna. Planigraphy analysis of dwelling-economic complexes of the Upper Paleolithic Transbaikaly. Chita: Zabaikal State University, 2018. 208 p. ISBN 978-5-9293-2257-0

Keywords: review, monograph, I.I. Razgildeeva, Planigraphy analysis, Paleolithic

Чтобы не попасть в капкан,
Чтобы в темноте не заблудиться,
Чтобы никогда с пути не сбиться,
Чтобы в нужном месте приземлиться, приводниться –
Начерти на карте план.
(Владимир Высоцкий)

Планиграфия - направление археологии, использующее планы археологических объектов (и нанесенные на планы различные категории находок и их взаимосвязи) как инструмент исследования и познания. Она способна решать несколько задач: выявлять структуры памятников и сооружений по их следам и остаткам, находить хронологические различия в распределении материала на площади памятника (так называемая «горизонтальная стратиграфия»), а также раскрывать ситуационную динамику – происходившие в древности процессы (например, циклы хозяйственно-бытовой деятельности) – последнее направление великий археолог-теоретик Л.С. Клейн называл «детективной работой археолога» [10, с.75].

Русскоязычных монографических исследований, целиком посвященных планиграфическому анализу поселений каменного века практически нет. Чаще планиграфия палеолитических памятников входит в монографические публикации результатов раскопок в лучшем случае в виде отдельной главы на уровне констатации очевидных фактов «в северо-западной части раскопа наблюдается скопление расщепленного кремня, а в южной – хозяйственная яма, наполненная костями». Обычно же планиграфии палеолитических стоянок посвящены достаточно небольшие статьи или тезисы докладов (нередко отдаваемых на откуп студентам, ибо тема часто трудоёмкая и на начальных этапах достаточно неблагоприятная). Лишь немногие находят в себе силы на полноценную аналитическую работу, доведя ее до уровня диссертации на правах рукописи, а в идеальном варианте – и до опубликованной

монографии. За последние два десятилетия я могу уверенно назвать только два ярких «планиграфических» диссертационных исследования (возможно что-то и миновало мое внимание, в таком случае заранее извиняюсь): великолепная работа (результат скрупулезного многолетнего труда) Марии Николаевны Желтовой (ИИМК РАН) [8] по материалам стоянки Костенки 4 (очень надеюсь увидеть её в виде отдельной книги, которую даже большая серия опубликованных статей заменить не в состоянии), и не менее основательное исследование Ирины Иннокентьевны Разгильдеевой из Забайкальского государственного университета [9]. Последнее было расширено и в таком виде уже вышло из типографии в виде книги небольшим тиражом в 500 экземпляров [1] (но доступно широкому читателю благодаря научной социальной сети academia.edu). Именно этому изданию и посвящен данный обзор.

Первая глава монографии посвящена истории развития методологии планиграфического анализа археологических памятников в нашей стране. Здесь отмечена бесспорный статус археологов Н.Ф. Кащенко и И.Т. Савенкова как пионеров зачатков планиграфического метода в палеолитоведении [1. с.10-11]. Г.П. Сосновский на Афонтовой Горе, М.М. Герасимов на стоянке Мальта и Г.А. Бонч-Осмоловский в Крыму сделали базовой, наряду с изучением стратиграфии, методику наблюдения за характером и взаимосвязями между компонентами культурного слоя. Они, для ясности и свежести визуального восприятия, оставляли на местах и наносили на план все обнаруженные при раскопках предметы [1, с.12-15]. Незаслуженная роль в становлении планиграфического метода, приписана В.А. Городцову [1, с.11-12]. Собственным рекомендациям археолог при раскопках палеолита следовал далеко не всегда, спешил и много фантазировал с интерпретациями, что можно наблюдать на примере несообразностей в дневниках, отчетах, схематичных чертежах и публикациях по результатам раскопок стоянки Тимоновка. Планиграфические «прорывы» адепта метода больших площадей П.П. Ефименко тоже не стоит преувеличивать [1. с.16]. Да, план первого жилого объекта Костенок 1 с овалом из полуземлянок и хозяйственных ям и центральной линией очагов – его безусловная заслуга. Но выявлена эта структура была в результате удаления с материкового суглинка культурного слоя («наноса» по мнению Петра Петровича), а не детальной пространственной фиксации компонентов этого слоя [2]. А ведь важнейшие детали эволюции поселения, взаимосвязей объектов, детали устройства комплекса – всё это скрывалось именно в «наносе».

Справедливо отмечено новаторство М.Я. Рудынского в фиксации культурного слоя (в частности ортогональная съемка кессонов), «не замеченное» современниками [1, с.13]. Полагая, что современниками оно «не было замечено» по очень простой причине: в 1934 г. Михаил Яковлевич был незаконно репрессирован по смехотворным обвинениям. В условиях сталинского режима, уже входившего во вкус массового террора, перенимать опыт у «врага народа» и хвалить его достижения было рискованно – и не только для научной карьеры. Более того, нашлись и те, кто методы Рудынского осудил, противопоставив их изучению культурного слоя «большими площадями» [3]. Лишь «принявший эстафету» у Рудынского на Деснянском палеолите М.В. Воеводский не пренебрег методическими достижениями предшественника и осознав важность детальной и точной фиксации абсолютно всех находок на планах, ввел использование на раскопе так называемой «гитары» - рамки с натянутыми через 10 см перпендикулярными струнами или нитями, укладывавшейся на квадрат перед его черчением [4, с.16]. Именно организованная им точная фиксация всех находок и объектов на планах стоянки Чулатово 2, выявившая несколько хозяйственно-бытовых комплексов, позволила уже в 1970-х гг. провести ее детальный планиграфический анализ. Но Михаил Вацлавович упоминания в историографической главе не удостоился.

В 1970-80-х гг., благодаря трудам Н.Б. Леоновой (МГУ) – как по материалам собственных полевых исследований, так и по уже упомянутым результатам раскопок М.В. Воеводского [1, с.26-27; 5; 6 и др.] планиграфический анализ палеолитического культурного слоя в сочетании с математическими и статистическими методами обрел в СССР статус самостоятельного научного направления в археологии каменного века. За рубежом практически синхронно то же направление развивал в первую очередь Л. Бинфорд, используя для интерпретации полученных данных этноархеологические методы [1, с.25-26]. Автор монографии, дав в заключении главы широкий обзор современных достижений комплексного планиграфического анализа с применением цифровых технологий стоянок и отдельных жилищ в Костенках, Зарайске, под Иркутском (Большой Якорь) и др., оценивает такой анализ, как начальный необходимый этап палеореконструкции древних поселений и жилищ, а затем и моделирования древних систем жизнеобеспечения.

Переходя к Забайкальскому региону, Ирина Иннокентьевна во второй главе монографии возвращается к жанру историографического обзора – на этот раз к истории изучения регионального палеолита, а точнее к истории открытия и исследования палеолитических жилищ. Подчеркнув, что третий известный в Сибири (после Мальты и Бурети) жилой комплекс стоянки Санный мыс, был детально опубликован лишь спустя четверть века после открытия, как и жилище стоянки Варварина гора [1, с.40], автор монографии указывает на субъективные причины странной задержки. Исследовавший оба памятника А.П. Окладников пожелал ознакомить научное сообщество с данными, названными им уникальными, объектами только кратко и поверхностно, и изъяс уже подготовленные подробные описания даже из окончательных версий отчетов. Рассчитывал опубликовать отдельно и опасался «конкурентов»? Жилища не уложились в какую-то концепцию? С подобными случаями историкам науки нередко приходится сталкиваться. В который раз замечу, сколь беспочвенны упрёки в адрес историографов по поводу якобы излишнего внимания к чертам личности, характера, взаимоотношениям между учеными. Попробуйте-ка без такого психолого-биографического экскурса этого понять мотивы приведенной позиции уважаемого академика! Оба жилища представляли собой каменные кольцевые наземные выкладки с очагами в центре. В большей степени повезло сходным жилищам со стоянок Толбага и Сухотино 4, часть из них тоже не была опубликована до выхода в свет рецензируемой монографии, но причины на сей раз были вполне объективными. Еще детальней были исследованы в последние десятилетия многочисленные комплексы в Западном Забайкалье (микрорегионы Студеное, Усть-Менза и др.), в изучении которых принимала самое деятельное участие автор монографии.

В разделе второй главы, посвященном элементам хозяйственных структур в составе поселений, в частности – очагам, особое внимание обращает на себя рассмотрение следов ритуалов, связанных с «культом очага» бытовавшим в палеолите Забайкалья. На мой взгляд, культ очага был в палеолите распространен гораздо шире. В описанных со ссылками на работы В.И. Ташака очагах из восточного комплекса стоянки Подзвонкая, стоянок Усть-Кяхта 17 и Барун-Алан 1 выявлены группы костей и другие особенности [1, с.62-64], весьма сходные с теми, что обнаружены мной в очаге при раскопках жилища стоянки Быки 1 (Восточная Европа, Посеймье). Безусловно, затронутая тема нуждается в детальном анализе и раскрытии в межрегиональном аспекте.

Третья глава рассматривает собственно методологическую часть исследования, которой исследователь отчасти уже коснулась в историографическом обзоре. Многие авторы научных изданий полагают, что читатель а priori знает применяемую ими специальную терминологию. Между тем в разных научных школах и даже у разных исследователей нередки разночтения. В нашем случае автор досконально и доступно раскрывает используемый тер-

минологический аппарат, его смысловую нагрузку: читатель получает полное представление, что подразумевается под понятиями «элемент слоя», «структурный элемент», «жилище», «производственный участок», «шлейф находок», «скопление», «хозяйственно-бытовой участок» и «жилищно-хозяйственный комплекс» и так далее – и это весьма облегчает восприятие дальнейшей части работы [1. С.67-69]. Приведенное далее описание методики и приёмов планиграфического исследования поселений и, в особенности, жилых структур, можно считать подробным, обстоятельным руководством к действию для других палеолитоведов.

Автор монографии вводит понятие «контекстуального анализа» материалов кратковременных стоянок. Такой анализ позволяет в рамках несмешанных комплексов выявлять производственно-хозяйственные циклы деятельности палеолитического населения.

Одним из методов, широко применяющихся при интерпретации археологических данных, является сравнительно-этнографический метод. В этой связи в монографии представлен сам по себе интересный этнографический блок, характеризующий устройство каркасных жилищ арктических народов из собрания Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге и возможное его отражение в археологическом контексте – по сути дела самостоятельное полноценное этнографическое исследование, включенное в тело монографии. Конечно, культура современных народов не может быть «точной копией верхнепалеолитических или неолитических культур других регионов» [7, с. 230], однако параллели в технологических приемах и решениях при сходном уровне развития хозяйства могут быть практически полными – именно поэтому сравнительно-этнографический метод вполне объективен там, где речь не о древних «духовных практиках».

Последние две главы, составляющие более половины объема монографии сначала представляют вниманию читателя историю изучения и геоморфологическую характеристику палеолитического микрорегиона Студёное в Забайкалье, а затем на его примере демонстрируют практическое применение описанной в третьей главе методики планиграфического анализа жилищно-хозяйственных комплексов. Особое внимание автора к геоморфологии микрорегиона не случайно: процессы осадконакопления второй и первой надпойменной террас способствовали быстрой консервации после каждого эпизода заселения удобных площадок человеком и позволили сформироваться 36 культурным горизонтам на стоянке Студеное 1 и 18 культурным горизонтам на Студеном 2. Таким образом, сложилась редкая ситуация: на стратиграфически четко отделенные друг от друга горизонты обитания разделено то, что на большинстве палеолитических памятников мы наблюдаем в виде геоархеологического палимпсеста, слитно.

Еще аспирантом, я внимательно наблюдал, как непросто было исследователю Зарайской стоянки Х.А. Амирханову выделять в таком палимпсесте хронологические горизонты, а затем относить к тому или иному горизонту различные планиграфические объекты культурного слоя. В Студеном же этот процесс упрощен, а объективность выделения горизонтов обитания при этом бесспорна благодаря стерильным прослойкам аллювия между культурными слоями. И вот теперь знания об особенностях и структуре комплексов, методику их выделения можно пытаться переносить на памятники с иной стратиграфической позицией и со сложной микростратиграфией. Разработанная и апробированная Ириной Иннокентьевной методика способна, как мне думается, помочь в выделении недолговременных жилищ и в «склеенных в пакет» горизонтах обитания – в мощных культурных слоях, которые часто встречается на палеолитических поселениях Восточной Европы, залегающих не только в аллювиальных отложениях, но и в покровных суглинках, как Зарайск, упомянутый и мною, и автором монографии [1, с.31-32]. Всего в пятой главе рассмотрены комплексы из 8 горизонтов, в которых автор пунктуально выделяет следы различных видов наземных каркасных

жилищ с каменной внешней обкладкой – простых одноочажных типа чумов, и более сложных двухочажных, и даже многоочажных (хотя с последними все гораздо сложнее).

Многоочажная линейная структура горизонта 4/5 особенно привлекла мое внимание тем, что сходна с центральными многоочажными структурами в костенковско-авдеевских комплексах Костенок 1, Авдеево, Зарайска. Не угасает спор о том, являются ли все очаги в этих линиях синхронными. Методика и результаты изучения горизонта 4/5 Студёного 2 могут стать ключом к разрешению этой более чем полувековой дискуссии. По мнению автора монографии, то, что визуально кажется одним длинным жилищем с рядом из 6 очагов, на деле отражает минимум три этапа заселения стрелки мыса и три разновременных положения двухочажного жилища, пошагово смещавшегося с каждым новым этапом. Не исключено, что нечто подобное представляют собой и длинные линии очагов на ряде стоянок Восточной Европы. Тем интересней установить их связь с углубленными объектами периметра. В то же время линейная структура из очага и трех кострищ в вышележащем культурном горизонте 4 – скорее всего представляет собой единое, синхронное целое, достаточно сложную жилую структуру. Тем более, не стоит всецело полагаться и на радиоуглеродные даты слоя 4/5: я уже не раз указывал, что в палеолите они могут зависеть не только от времени разведения костра, но и от возраста материала, использующегося как топливо. В условиях мерзлоты весьма вероятен сбор древних, но при этом вполне пригодных для очага или костра древесины и даже насыщенных жировой тканью костных остатков. Даже в условиях средней полосы Европы, как показал проведенный мною эксперимент, древесина, извлеченная из погребенного в аллювии 10-11 тыс. л.н. леса в Квятково (Великопольское воеводство, р. Варта), неплохо горит. Это, кстати, и о реальной возможности сохранения следов палеолитической органики, на которые указывает Ирина Иннокентьевна, невзирая на иронию некоторых коллег [1, с.159]. Почему нет, если речь идет об аллювиальном комплексе отложений?

Некоторые досадные опечатки (например, «среднеднепровские палеолитические комплексы» вместо «среднеднепровские» - те самые, с «жилищами» из костей мамонта - на с.29) носят технический характер, и совершенно не портят позитивное впечатление от прочтения монографии. Отдельно хочется отметить высокое качество и информативность иллюстраций. Все чертежи (а какая планиграфия без чертежей?) читаются даже лучше, чем их прототипы, помещенные в научные отчеты разных лет.

Книга, которая не просто доносит до читателя совокупность новых научных данных (что уже замечательно), но еще и, во-первых, предлагает как руководство к действию разработанную и проверенную практикой авторскую методологию исследования, а во-вторых, стимулирует креативное мышление и заставляет по-новому посмотреть даже на прежние собственные исследования – такая книга востребована, такая книга нужна и тем, кто только учится археологии, и опытным археологам с многолетним стажем. Это безусловный творческий успех автора. Как писал Владимир Высоцкий, «встреча обеспечена: в плане все отмечено – точно, безупречно и пунктиром».

Библиографический список

1. Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 208 с.
2. Александрова М.В. «Идеология» раскопок и приоритеты археологического исследования: (у истоков советской методики раскопок палеолитических поселений) // Восточный гравит. – М., 1998. С. 142–150.
3. Борисковский П.И. Палеолит Украины / П. И. Борисковский / Материалы и исследования по археологии СССР № 40. М.-Л.: АН СССР, 1953. – 464 с.

4. Чубур А.А. Михаил Вацлавович Воеводский: страницы биографии. К 100-летию со дня рождения. – Брянск, 2003. Сер. Очерки истории Брянской археологии Т.1. – 44 с.
5. Леонова Н.Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: дис.... канд. ист. наук: 07.00.06. – Москва, 1977. – 170 с.
6. Леонова Н.Б. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1990. Вып. 202. С. 13–17.
7. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2002. – 240 с.
8. Желтова М. Н. Планиграфический анализ жилых комплексов стоянки Костёнки-4: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Санкт-Петербург, 2015. – 497 с.
9. Разгильдеева, И.И. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Чита, 2002. – 273 с.
10. Клейн Л.С. Археологические источники. – Ленинград, 1978. – 119 с.

Сведения об авторе:

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, проф. Российской Академии естествознания, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. fennecfox66@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru